

ВЛАДИМИР МИХАНОВСКИЙ

ШАГИ В БЕСКОНЕЧНОСТИ

ПУТЕШЕСТВИЯ. ПРИКЛЮЧЕНИЯ. ПОИСК

**ВЛАДИМИР
МИХАНОВСКИЙ**

**ШАГИ
В
БЕСКОНЕЧНОСТИ**

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МЫСЛЬ»
Москва • 1973

Р 2
М 69

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ
ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Художник А. АНТОНОВ

М $\frac{0281-120}{004(01)-73}$ б/о

© Издательство «Мысль». 1973

Что движет жизнью минутной? Кто в сердце разжег костер? Зачем ты с Земли уютной ныряешь в холодный простор?

Да, сердца жадная жажда сильнее, чем смерть и мор. Погибший однажды и дважды,— вспыхнешь вновь, как костер.

Путь твой — не гладь аллеи, не броскость шоссе-ных стрел: на том же огне Прометея Джордано Бруно горел.

Мир еще не рассказан, можешь его вдохнуть. Разве тебе заказан к тайнам великий путь?

Пролог

МИР, ЗАМКНУТЫЙ В СЕБЕ

Дождь, повинуюсь заранее заданной программе, прошумел третьего дня, но дорожки еще хранили влагу. Берегли они и немногочисленные следы тех, кто накануне прошел здесь. Преобладали шестипалые вмятины, с резким углублением посредине, совсем редко попадались человеческие — с узкой ступней и боковыми штрихами от магнитных присосков.

Еще не хозяйкой, а гостьей была ранняя осень. Солнечные дни преобладали, но чувствовалось — устойчивое ненастье не за горами.

В это утро на низкое небо часто набегали тучи.

За долгие годы, проведенные на «Пионе», Икаров никак не мог к ним привыкнуть. Капитану казалось, что здешние тучи чем-то неуловимо отличаются от тех, на Голубой, хотя он хорошо знал, что эти серо-белые громады — точная копия земных облаков. Инженеры Лунных стапелей превзошли самих себя, всю душу вложили в корабль. Будто предчувствовали, что полет «Пиона» будет слишком долгим.

Осенние листья не падали. Отделяясь от ветвей, они оставались висеть в воздухе. Некоторые, повинуюсь случайному капризу воздушных потоков, опускались вниз, на узкие дорожки, но были готовы взлететь при первом порыве ветра.

Утро было тихое, и это странно контрастировало с облаками, торопливо бегущими по небу. «Синхронизация разладилась,— подумал капитан.— Будет чем заняться вечером».

Изредка набегал ветер, и тогда капитану чудилось, что он попал в обычный земной мир, в золотую круговерть осен-

него леса. Только листья, кружась, забывают опускаться на землю.

В воздухе еще висели капли — остатки дождя, впрыснутого в оранжерейный отсек корабля искусно скрытыми пульверизаторами. Когда сквозь тучи пробивались солнечные лучи, прозрачные шарики, плавающие в пространстве, вспыхивали, словно самоцветы. Крупные шары переливались так ярко, что капитан жмурился, глядя на них.

Призрачно и невесомо синели дальние горы. Воздух начал нагреваться, и заснеженные пики, казалось, дрожали и струились. Острые зубцы растворялись в бледном, выцветшем небе.

Вскоре горизонт очистился от облаков.

Капитан, приставив ладонь козырьком, вглядывался в даль. Горы не меняются. Они такие же, какими вышли из рук лунных видеопластиков. И все же благодаря игре светотени они каждый раз кажутся новыми.

Утренняя прогулка давным-давно превратилась для Икарова в ритуал — поначалу трудный и ненужный, затем привычный. В роще, среди берез и кленов, легче думалось, и мысли на вольном воздухе не были такими мрачными. На вольном! Снова иллюзия.

Возвращаясь на дорожку, капитан на миг позабыл об осторожности, и прозрачный сверкающий шар воды мигом обволол его, растекшись по комбинезону.

Сколько суждено ему еще таких прогулок? Сколько раз будет он выходить сюда по утрам — сюда, где знакомы каждый куст, каждая ветка, каждый изгиб узких дорожек?

Быть может, неспешной чередой пройдут годы. О, как хотел бы капитан в иные минуты поменяться ролями с графом Монте-Кристо, упрятым в крепость Иф! Хотя стояла она на острове, но остров-то был в земном море, омывающем земные берега. А для него, Федора Икарова, капитана «Пиона», Земля остается мечтой. Так бесконечно далек он от земель, несмотря на то что каждое утро прогуливается в оранжерейном отсеке, ведет бортовой журнал и собирает с помощью экипажа бесценную информацию в ближнем космосе.

И сколько ему суждено видеть над собой осточертевшее вириловое небо, вдыхать воздух, выработанный в регенераторах, пить искусственную воду, есть синтетическую пищу? Неужели он больше не увидит человеческого лица, не услышит живого голоса, смеха? А может, нить его жизни оборвется раньше, когда «Пион» скользнет вниз, плененный притяжением Тритона — Черной звезды?

Капитан глянул на часы и направился к выходу. Работы на сегодня намечено немало, а поблажек Икаров не давал ни себе, ни экипажу.

Давно уже необходимо произвести вылазку на наружную обшивку «Пиона». В районе кормовых дюз приборы корабля несколько раз фиксировали непонятное свечение. Вылазку сможет сделать Энквен. Надо будет только его подробно проинструктировать. Как попадут на Землю данные о гравитации, накопленные на «Пионе»? Об этом капитан предпочитал не задумываться. Путь домой измерялся не только расстоянием от Тритона до родного Солнца. Нет! Между «Пионом» и материнским светилом, преграждая путь на Голубую, возвышалась невидимая, непроницаемая стена.

Это было царство чудовищной гравитации. Силами тяготения диктовалось все. В подобных условиях малейшая навигационная ошибка могла оказаться последней. «Пион», без устали нанизывающий витки вокруг Тритона, напоминал эквилибриста, который идет по туго натянутому канату.

Настало время намеченной Икаровым вылазки. Стоя перед штурманским экраном, капитан наблюдал, как белковые роботы проверяли приборы, противорадиационную защиту. В помощь Энквену он решил дать еще двоих.

Наблюдая за последними приготовлениями роботов в шлюзовой камере, Икаров вдруг почувствовал непреодолимое желание присоединиться к ним.

Астронавтам знакомо подобное чувство. Оно может внезапно поразить человека, долгие годы находящегося в ограниченном пространстве космического корабля. Человек испытывает тягу — вырваться из корабля во что бы то ни стало. Тщетно разум убеждает, что там, снаружи, ничего нет, кроме черной бездны, скупо усеянной острыми точками звезд. Чувство необъяснимой тоски гонит человека прочь из корабля, туда, в пространство, не ограниченное стенами. История космоплавания знает случаи, когда вспышки пространственной болезни кончались трагически.

Икаров отчетливо представлял себе, что там, за нейтритовым люком, ничего не увидит. Ни звезд, ни Солнца. Незримая стена не пропускает ни единого луча. Обзорный экран все время показывает одно и то же: искривленные гравитацией линии «Пиона», погруженного в тушь, да капризно изогнутые плоскости корабельной обшивки, которые время от времени по непонятной причине начинают светиться.

Выйти! Выйти хотя бы на несколько минут, покинуть изломанные стены корабельных отсеков.

Снаружи капитана встретила абсолютная тьма. Никакая ночь на Земле не могла сравниться с ней. Там, какое ни будь новолуние, мерцают звезды, льется слабый зодиакальный свет.

Здесь ничего подобного не наблюдалось. Икаров называл Тритон Черным солнцем. Это была невидимая звезда.

Четыре фигуры — три высокие и одна пониже, коренастая и чуть сутуловатая, — осторожно перемещались по покатым плоскостям обшивки.

Пройдя с полкилометра, капитан сел в манипулятор, все время шагавший рядом. Участок обшивки впереди стал наливаться призрачным светом. От него побежали многоцветные волны, захватывая все новые куски поверхности.

Икаров, прижав поплотнее клеммы к вискам, мысленно отдал приказ, и замешкавшийся манипулятор прыгнул вслед за тремя белковыми, которые продолжали шагать в сторону наиболее ярко светящегося участка. Казалось, кто-то набросил на одну из полусфер «Пиона» огромный вспыхнувший ковер. Голубые языки перечеркивали ковер из конца в конец.

Ловко переступая магнитными щупальцами, манипулятор обогнал Энквена и остальных роботов, которые замедлили шаг, и приблизился к границе светящегося ковра.

— Стой! — скомандовал мысленно капитан.

Роботы остановились позади манипулятора. Все четверо молча наблюдали, как с незримых ворсинок ковра соскальзывают голубые искры, тотчас беззвучно растворяясь в вечной ночи Тритона. Внезапно ковер прошли извилистые алые струйки.

— Такой высокой яркости обшивки приборы еще не регистрировали, — раздался в наушниках капитана голос Энквена.

— Отраженный свет? — высказал предположение капитан.

Энквен покачал головой.

— Флуоресценция?

— Нет.

— Ядерный распад?

— Не похоже...

— Что же это?

Энквен замер. Его фигура показалась Икарову статуей древнего бога, высеченной из черного камня. Руки застыли в нелепом размахе, и лишь быстрое мерцание глаз выдавало напряженную работу мысли. Капитан знал, что в эти мгновения робот перебирал колоссальный объем памяти. Багаж ее складывался в течение долгих лет обучения в Зеленом городке, а затем был пополнен и отшлифован в космических стажерских экспедициях.

— Излучение мне незнакомо, — произнес Энквен после долгой паузы.

— Приступим к исследованию, — решил капитан. — Мне кажется, что свечение связано с превращением гравитационной энергии...

Загадкой тяготения были заняты все помыслы пионцев.

Роботы начали устанавливать измерительную аппаратуру, принесенную с собой.

Послушный воле Икарова, манипулятор сделал еще один шаг к ковру, который переливался теперь всеми цветами радуги. Перед глазами Икарова по какой-то ассоциации мелькнуло далекое: зеленый луг с влажными ромашками... Мохнатое Солнце над горизонтом... Снежные купола и кружевные башни Зеленого городка.

До слуха капитана долетел предупредительный окрик Энквена, но отреагировать Икаров не успел: слишком далеки были в этот момент его мысли, и приказ манипулятору запоздал на какие-то доли секунды.

От края ковра взметнулась ввысь дрожащая серебристая нить. От нее исходило легкое неровное сияние. Серебряный луч образовал петлю, которая скользнула к прозрачному шлему капитана. В тот же миг манипулятор, повинувшись импульсу, сделал прыжок в сторону, увернувшись от луча. Светлая нить, мелькнув, чуть задела край шлемофона. Резкая боль обожгла лицо Икарова.

Последнее, что успел увидеть капитан, — растопыренные руки Энквена, спешащего к нему на помощь.

Очнулся Икаров в штурманском отсеке. Было темно, но капитан догадался, где находится: он лежал в противоперегрузочном кресле. Правая рука бессильно скользнула по упругому подлокотнику. Икаров застонал. Никто не откликнулся. Очевидно, в отсеке он был один.

Неужели на «Пионе» уже наступила ночь? Сколько времени провел он без сознания? Как попал в штурманский отсек? Где роботы, участвовавшие с ним в вылазке?

Клеммы? Вот они, над креслом, как и положено. Даже во тьме нащупать их было нетрудно — за годы полета движения рук были доведены до автоматизма.

«Свет!» — отдал капитан мысленный приказ. Сейчас стены отсека начнут наливаться голубым сиянием, а затем в потолке вспыхнет жаркий кварцевый диск — Солнце в миниатюре.

Шли минуты — тьма не рассеивалась.

«Что могло случиться?» — думал капитан, тщетно пытаясь найти недостающее звено между событиями, которые разыгра-

лись на поверхности «Пиона», и штурманским отсеком, погруженным во тьму.

Слабость сковывала каждую клеточку тела. Икаров с усилием вздохнул. Пахло хвоей, прелыми листьями и еще чем-то, бесконечно далеким, земным... Бредит он, что ли?

Хлопнул входной люк. Капитан тотчас узнал цепкие шаги своего помощника.

— Свечение погасло, капитан. Корабль вне опасности,— доложил Энквен. По голосу капитан определил, что робот приблизился к нему вплотную.

— Остальные?..

— Все участники вылазки благополучно вернулись на свои места.

— Результаты?..— выдавил Икаров, морщась от боли. Хорошо, что темно и Энквен не видит его лица, если только он не включил инфравидение.

— Результаты вылазки обрабатываются, капитан,— сказал Энквен.

— Почему темно? — спросил Икаров.— Свет в отсеке не включается?

Энквен замешкался с ответом.

— Включи аварийное освещение,— сказал капитан.

— Отсек освещен, капитан,— ответил Энквен.

Капитан с трудом поднес ватную руку к глазам. Повязка. Как это он не ощутил ее сразу, когда очнулся?

— Что со мной, Энквен? — спросил капитан.

— Лоб рассечен до кости.

— Чем?

— Светящейся петлей во время вылазки. И еще...

— Говори.

— Возможно, задет зрительный нерв.

— Боль теперь не сильная,— негромко заметил Икаров.

— Местный наркоз,— пояснил робот.

Икаров сделал попытку подняться.

— Нельзя,— сказал Энквен, положив на плечо капитана тяжелую руку.

— Ерунда.

— На лоб наложены швы.

— Швы? — поразился капитан.— Кто же на корабле мог наложить их?

— Я наложил швы.

— Сколько лет мы знаем друг друга,— сказал Икаров,— но я не мог предположить, что ты и хирург.

— Не было подходящего случая,— заметил Энквен.

— Твой воспитатель, насколько я знаю, в хирургии не разбирался,— сказал Икаров.— Откуда же это у тебя?

— Спасибо Ливену Броку, я взял урок хирургии,— произнес Энквен.

— В Зеленом городке?

— Нет, это было на озере Отдыха. Помнишь первый твой прилет туда?

Капитан не ответил.

Энквен склонился над противоперегрузочным креслом. Капитан потерял сознание.

В такой ситуации роботу не приходилось еще принимать решение.

Энквен долго стоял, соображая, что делать дальше. Кораблю без капитана грозила гибель, и он решился...

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
НАКАНУНЕ СТАРТА

ЭНКВЕН

*В пространстве, убийственно темном,
Где мерцает звездная ртуть,
Ты сердцем своим неумным
Прочертишь огненный путь.*

Какой он яркий, этот день, самый первый день! Солнце светило совсем по-особенному. Ловить его теплые лучи, которые пробиваются сквозь фрамуги биолaborатории,— это было совсем другое дело. Тут, на просторе, не ограниченном стенами и полом, даже светило казалось иным. Выйдя наружу, Энквен подумал, что солнце такое же ласковое и щедрое, как Ливен Брок, его воспитатель.

Двери за Энквеном закрылись, и он оказался один на террасе. «Бетон»,— определил робот, осторожно прикоснувшись к полу.

Квадратную террасу окаймляла потрескавшаяся балюстрада. «Пластик потемнел от времени»,— автоматически отметил Энквен, проведя ладонью по перилам.

Оттолкнувшись от опоры, он сделал несколько нетвердых шагов. Ходить разучился, что ли? Пальцы Энквена все время двигались, дрожали от напряжения. Еще бы! Сегодня Ливен Брок разрешил Энквену самостоятельно выйти на полигон, вне всякого наблюдения и контроля.

Шаг, еще шаг... Терраса кажется бесконечной.

Наконец Энквен дошел до балюстрады, крепко обхватил пальцами алюминиевый столб. И сразу успокоился. В конце концов он в мыслях переживал все это не один раз.

Теперь можно приступить к выполнению задания воспитателя — сбору произвольной информации. «Вообрази, что ты попал на новую планету. В каком-то смысле так оно и есть,— напутствовал Энквена Ливен Брок.— Постарайся отделить важное от второстепенного...»

Энквен знал: когда он возвратится в лабораторию, воспитатель просмотрит блоки его памяти. Сегодня там впервые появятся сведения, добытые не из справочников и микрофильмов.

Локаторы Энквена непрерывно вращались, ощупывая окружающее пространство.

Ребристый пол террасы. Слой бетона толщиной сантиметров в десять. Затем пустота. Подвальное помещение. Да какое боль-

шое! И темное. Для людей, разумеется. Придется включить инфравизор.

Глядя вниз, робот переступил с ноги на ногу. Вдоль поросших мхом стен стояли странные посудины. Они были прозрачны, если не обращать внимания на слой пыли, покрывающей сосуды. «Контейнеры,— тут же вспомнил Энквен.— Раньше такими пользовались космические разведчики, чтобы хранить в них образчики фауны и флоры новой планеты».

Энквен перевел взгляд. В углу подвала была свалена в бесформенную кучу всякая всячина. Некоторые предметы были известны Энквену из уроков Ливена Брока. Что-то робот видел впервые. В сторонке громоздились пирамидой треугольные магнитные ловушки. Острый взор Энквена различил в темноте и нити паутины, окутавшей ловушки.

Еще несколько десятков лет назад — Энквен знал — ни одна ракета не могла стартовать в дальний космос без таких ловушек. Теперь они пылятся, выброшенные за ненадобностью. Каким кораблям, каким экипажам служили они, прежде чем залечь тут, в заброшенном подвале лаборатории Зеленого городка?

Робот сделал несколько шагов, не отрывая взгляда от пола. Сколько под террасой незнакомых Энквену предметов, непонятных и потому таинственных! Хотелось каждый из них запомнить, чтобы вечером Ливен Брок все объяснил, все растолковал, как это делает он всегда.

Хорошо бы потрогать все эти предметы руками, ощутить их тяжесть. Это ведь совсем не то, что рассматривать их на расстоянии, пусть даже с помощью универсального инфравизора.

Платформа на гусеничном ходу. Интересно, каково ее назначение?

Маска из эластичного вещества с двумя круглыми отверстиями, закрытыми прозрачным пластиком. Нет, это не пластик. Скорее стекло. Сколько лет назад люди использовали это хрупкое вещество вместо пластика?

Энквен выключил инфравизор. Таяли драгоценные минуты, а он все еще неподвижно стоял на террасе, снова прислонившись к алюминиевому столбу.

В распоряжении робота было только два часа, и он должен был использовать их как можно целесообразней. Так велел Ливен Брок.

Пока Энквен размышлял, куда направить шаги, на дорожке, которая огибала дом, показались два незнакомых Энквену человека. Это были парень и девушка. Мелкий ракушечник скрипел под их ногами.

Робот, занятый своими мыслями, едва скользнул по ним взглядом. Впрочем, чтобы запомнить двоих, этого было достаточно.

Прервав разговор, люди посмотрели в сторону Энквена.

— Новенький, — сказал высокий юноша, кивнув в сторону робота.

— Не такой уж новенький, — засмеялась девушка. Она сорвала былинку, сунула в рот. — Видишь, Ван, у него в пластике лица уже прорезаются индивидуальные черты. Запавшие щеки, высокий лоб... Он никого тебе не напоминает?

Присматриваясь к Энквену, молодой человек замедлил шаг.

— Ливен Брок? — выпалил он.

— Верно, — кивнула девушка. — Похоже, дедушка — воспитатель этого белкового.

Они сделали еще несколько шагов.

— Знаешь, Лин, я буду работать в лаборатории Ливена Брока, — сказал Ван.

— А мне возвращаться на Луну, — вздохнула Лин.

— Когда-нибудь я тоже буду воспитателем, как Ливен Брок, — произнес Ван.

— А как же метеорология? — улыбнулась Лин.

— Это моя вторая любовь, — сказал Ван.

— А первая?

— Ты же знаешь — кибернетика, — пожал плечами Ван.

— А третья?

Ван, смешавшись, ничего не ответил.

— Похоже, дедушка перехвалил своего воспитанника, — перевела разговор Лин, кивнув в сторону Энквена. — Стоит и не знает, что делать. А задание, наверно, получил.

— Наверно, первый выход, — заметил Ван.

Последняя реплика донеслась до Энквена, когда молодые люди уже скрылись за углом.

Хотя и с запозданием, робот понял, что люди говорили о нем. Не изменяя позы, он проводил их взглядом. Лин... Ван... Энквену и в голову не могло прийти, что вскоре он подружится с ними. Судя по разговору, Лин — внучка воспитателя. Ливен Брок много о ней рассказывал Энквену.

Коротко разбежавшись, робот перепрыгнул через ограду террасы, однако в момент приземления потерял равновесие и упал навзничь. Окрестный мир покачнулся и поплыл перед его глазами. «Ничего, это скоро пройдет, — подумал Энквен. — Главное — полежать несколько секунд абсолютно неподвижно».

И верно, зрительные функции вскоре пришли в норму.

Неожиданно маленькое кибернетическое устройство, треща крыльями, опустилось Энквену на фотоэлемент. В лаборатории Брока таких аппаратов не было. Робот снова замер. Он боялся пошевелиться. Кто знает, может быть, конструктор наделил это странное создание чувством страха? А Энквену так хотелось разглядеть странный механизм во всех деталях.

Удивительная машина, сложный крылья, поползла по выпуклому фотоэлементу Энквена. Похоже, она сладко нежилась на солнце. Обтекаемое тельце машины казалось Энквену самым совершенным из всего, что он видел до этой минуты. Интересно, как конструктор прикрепил крылья к туловищу?

Энквен сделал неосторожное движение, кибернетическое существо мигом спорхнуло с него и очутилось на верхушке дерева. Крылышки существа работали так быстро, что создавали два цветистых переливающихся на солнце круга.

Энквен поднялся. Постоял, осматриваясь.

Он был совершенно свободен. Мог идти, куда вздумается. Перед роботом стояло единственное условие — в четырнадцать ноль-ноль вернуться в биолaborаторию.

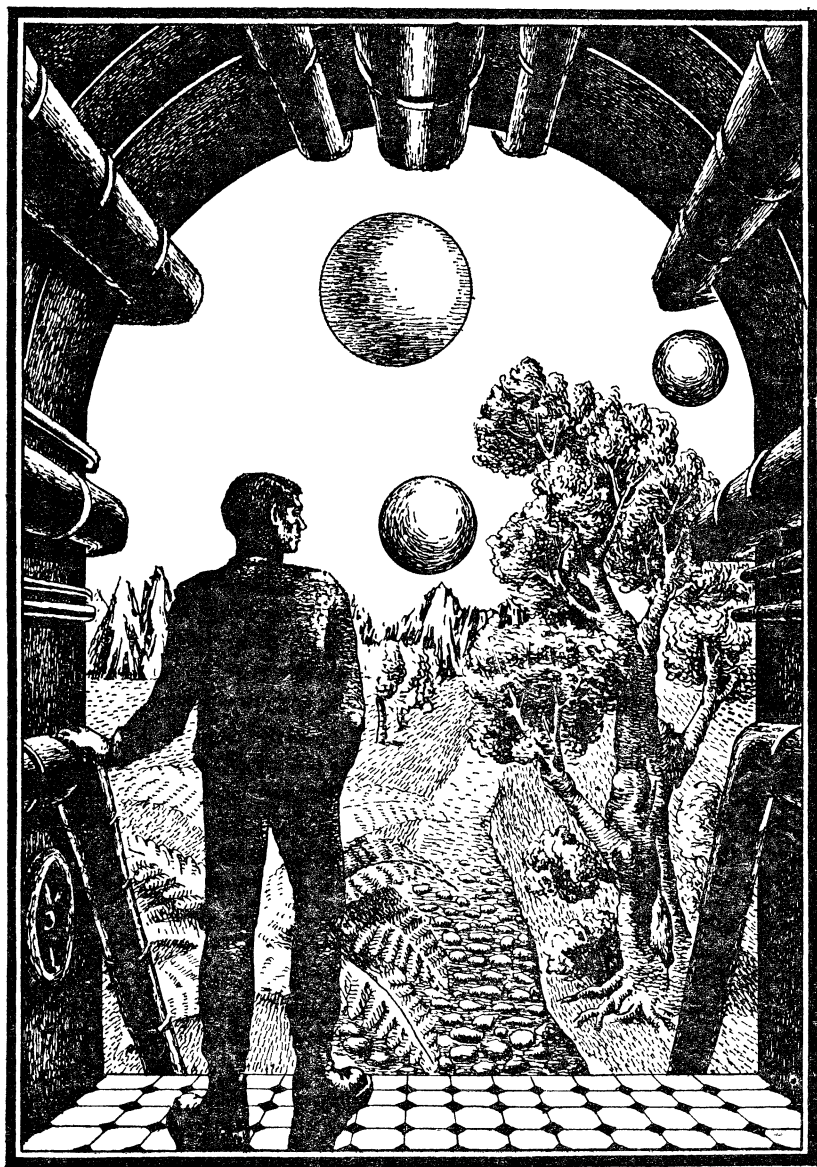
Энквен раньше и представить не мог, что вокруг может быть столько удивительно интересной информации. Робот не спеша брел рядом с дорожкой, по которой только что прошли люди. На ходу поглаживал ветви кустарника, раздвигал высокое разнотравье.

Сделав десяток шагов, Энквен оглянулся. Вот он, дом, в котором робот провел столько времени, поглощая с помощью воспитателя разнообразную информацию. Вспомнились первые шаги, когда расстояние от экрана до книжных стеллажей казалось пропастью, через которую необходимо перепрыгнуть. Решиться на это было нелегко. Энквен замешкался... Тогда Ливен Брок легонько подтолкнул его, и робот неожиданно для самого себя ступил вперед, раскинув для равновесия руки.

Перед Энквеном, насколько хватал глаз, расстилался ровный, как стол, полигон, а робот все шел и шел, фиксируя в памяти температуру воздуха, влажность, силу ветра и десятки других показателей, начиная от напряженности магнитного поля Земли и кончая уровнем радиации.

Полигон был пуст. Далеко на горизонте, где плато сливалось с небом, высились какие-то строения. Об их назначении Энквен мог только догадываться.

Вон то сооружение, сотканное из одинаковых квадратов, по всем признакам, башня космосвязи. «Похоже издали на шахматную ладью», — решил Энквен.

С шахматами Энквена недавно познакомил биолог Володя Карбенко, страстный шахматист. Игра захватила робота своей логичностью — качеством, которое он ценил выше прочих.

Рядом с башней-ладьей — галерея... Вероятно, гимнастический зал. Возможно, для таких же, как он, роботов. Вот бы встретить кого-нибудь из них!

Еще перед тем как выйти на простор свободного поиска, Энквен мечтал о неожиданной встрече с белковым роботом на полигоне, мечтал и одновременно боялся. И не удивительно. До сих пор ему приходилось иметь дело только с людьми — Ливеном Броком и его товарищами.

Летающие киберы, стрекоча, пронеслись у него над самой антенной. Энквен на ходу несколько раз попробовал поймать загадочное создание, чтобы исследовать его, но, видно, движения робота были недостаточно точны: каждый раз крылатая модель ловко увертывалась.

«Почему воспитатель никогда ничего не говорил мне об этих забавных конструкциях, которые летают над полигоном Зеленого городка? — размышлял Энквен. — Каково их назначение? Мне необходимо в этом разобраться...»

Робот проводил взглядом особенно яркую модель. «Наверно, конструктор поставил себе целью смоделировать на этих киберах условия вертикального взлета», — решил Энквен.

Робот шел, слегка переваливаясь. В глубине, под почвой, он видел многочисленные трубы разных диаметров. В разных направлениях прошивали они толстый слой земли — кровеносные сосуды гигантского организма, который зовется просто и ласково — Зеленый городок...

Однако жарко! Тридцать семь по Цельсию. Изредка веет ветерок. Энквен почти автоматически включил охлаждающую систему.

В этот момент из-за деревьев показалась девушка. Она шла через полигон навстречу Энквену. Это была Лин.

Ветер подул сильнее, зашумел в листьях, растрепал льняные волосы Лин, собранные сзади в датчик странного вида.

Девушка еще не видела Энквена: она шла по дорожке, глядя перед собой.

Робот в нерешительности остановился. Ему нужно было самостоятельно и быстро принять решение. Впервые за все время сознательного существования.

Он быстро перебирал десятки вариантов. Уклониться от встречи? Но как? Убежать? Спрятаться в траве? Пройти мимо Лин, словно не замечая ее? А может, остановить ее, завязать разговор?

Пока Энквен раздумывал, девушка увидела его. Свернув с дорожки, она пошла навстречу роботу. На губах ее играла улыбка, и было в этой улыбке что-то такое, что заставило Энквена шагнуть к Лин.

— Здравствуй,— протянула руку Лин.

— Здравствуй, Лин,— ответил робот.

— Ты знаешь, как меня зовут? — удивилась девушка.

Энквен кивнул. Он ожидал расспросов, но Лин ничего не спросила, только пожала ему руку. Ладонь ее была суха и горяча — это первое рукопожатие Энквен запомнил навсегда.

Жест человека не удивил Энквена. Как-то Ливен Брок разъяснил ему смысл рукопожатия.

— Первый выход! — безошибочно определила Лин.

— Первый,— подтвердил Энквен.

— У меня взгляд натренированный,— пояснила Лин.

Беседуя, они стояли на самом солнцепеке.

— Ну как, не страшно под открытым небом? — спросила Лин, сделав широкий жест.

— Интересно,— сказал Энквен.

— Еще бы! — подхватила Лин.— С десяток лет назад я, наверно, испытывала то же самое, что ты теперь: радость узнавания, радость первого знакомства с окружающим миром.

«Она похожа на Ливена Брока. А значит, немножко и на меня», — подумал Энквен, и эта мысль была приятна.

— Меня воспитывают для звездного полета,— сказал Энквен после паузы.

— Знаю. Ой, где это ты? — воскликнула Лин. Привстав на цыпочки, она тронула плечо Энквена. Затем сорвала пучок травы и принялась вытирать грязь со спины робота.

— Упал... — пробормотал робот.

— Ну конечно! — воскликнула Лин.— Как я сразу не догадалась. Сколько всего?

— Что? — не понял Энквен.

— Сколько раз падал сегодня?

— Один.

— Всего один раз? — недоверчиво переспросила Лин.

— Один,— подтвердил робот.

— Да ты просто молодчина! — сказала Лин.— Я, помню, чуть не на каждом шагу падала. И каждый раз расшибала нос...

Энквен промолчал, не зная, что ответить. Хорошо помощник капитана, не научившийся держать равновесие!

— Ну, а теперь все в порядке,— сказала Лин и кинула под ноги пучок травы.

Скованность Энквена таяла, как лед на весеннем солнце. Ему казалось, что он знаком с Лин, как и с воспитателем, давным-давно.

Нахальный маленький кибер снова пролетел над самым фотоэлементом Энквена.

— Скажи, человек, — произнес Энквен, — кто сконструировал этот летательный механизм?

— Ты о чем? — удивленно моргнула Лин.

Энквен показал на цветное пятно.

— Да это же бабочка, обыкновенная бабочка, — рассмеялась Лин.

— Бабочка... — повторил робот не очень уверенно.

— Разве ты не изучал зоологию? — спросила Лин.

Энквен пробормотал в ответ что-то неразборчивое. Лин, выросшая в Зеленом городке, хорошо знала склонность роботов сводить все к кибернетике. Поэтому девушку не очень удивило, когда Энквен протянул руку, осторожно потрогал ее косу и неуверенно произнес:

— Датчик?

Лин, пряча улыбку, коротко пояснила Энквену, как заплетают волосы в косы.

— Столько микрофильмов просмотрел, а кос не видел, — признался Энквен.

— Но твой воспитатель...

— Он кос не носит, — перебил собеседницу Энквен.

Над ними плыло расплавленное солнце. Жарой дышало все: и бездонный небесный купол, нависший над Зеленым городком, и дорожка, и земля, влажная после ночного дождя, и высокая густая трава.

— Гроза! Гроза! — вдруг донесся до них далекий крик.

Лин встрепелась, приставила к глазам ладонь, всматриваясь в даль.

Удивленный Энквен огляделся. Вокруг царил безмятежный полуденный покой. На небе ни облачка. Но ведь он ясно услышал — «гроза!». Энквен привык доверять слову человека.

Не теряя времени, робот достал из небольшого хранилища на правом боку прозрачную пленку и обернулся в нее, отчего стал похож на запакованный шкаф.

Заметив удивленный взгляд девушки, Энквен счел нужным пояснить:

— Я болезненно реагирую на влагу.

— Разве ты не умеешь плавать? — спросила Лин.

— Знакомство с водой и обучение плаванию будет через

несколько месяцев,— сказал Энквен.— А до тех пор Ливен Брок запретил мне попадать под дождь.

— Ясно,— произнесла Лин, продолжая что-то высматривать в дали.

— Ты тоже боишься дождя? — спросил Энквен и, не дожидаясь ответа, ловко переполювинил пленку и протянул девушке сверкающий на солнце кусок.

Лин взяла пленку, не зная, что с ней делать.

— Укройся! — сказал Энквен.— Разве не слышала — гроза!

— Гроза! — снова донеслось до них издалека.

— Вот ты о чем,— догадалась Лин.— Это мое прозвище — Гроза. Понимаешь? Отца тоже так звали... Ну, меня зовут.

Лин тряхнула косой.

— Прощай, Энквен!

— До свиданья, Лин.

Когда белое платье исчезло за кустами, Энквен встрепенулся и большими прыжками помчался к лаборатории: время, отмеренное воспитателем для первого выхода робота в открытое пространство, кончилось.

Результатами первого выхода Энквена на открытый полигон Ливен Брок остался доволен.

Хотя объем информации, собранной Энквеном, оказался невелик, зато робот сумел по-своему разобраться в ней. А Ливен Брок больше всего ценил в работе, как и в человеке, самостоятельность.

Вскоре Ливен Брок познакомил своего воспитанника с водной стихией, хотя до дня, на который было намечено обучение плаванию, было еще далеко.

Это задание Энквена было посложнее прежнего.

Далеко среди зеленых вод Атлантики затерялся клочок земли — остров Энергии. Здесь помещалась штаб-квартира больших работ, которые велись на океанском дне. Тысячи монтажников опускались сюда в батисферах каждое утро, тысячи роботов сновали по дну, помогая возводить эстакаду, монтировать фермы конструкций, крепить понтоны...

Роботы-строители были узко специализированы: одни перемещали тяжести, другие занимались монтажом, третьи — электросваркой. В соответствии с этим каждый робот-строитель имел свою собственную форму. Монтажник походил на гигантское шестиногое насекомое, носильщик отдаленно напоминал человека с непомерно вытянутыми руками, сварщик своими мощными клешнями вызывал в памяти краба.

Были тут и питомцы Зеленого городка — группа белковых роботов, которую готовили в качестве экипажа для фотонного

звездолета «Пион». Входил в эту группу и Энквен — воспитанник Ливена Брока.

Институт доставил роботов на океаническое дно, не дав им предварительно никакой информации о том, что происходит в районе острова Энергии.

Роботы должны были самостоятельно осмыслить и связать в единый логический узел всю колоссальную стройку. На это им было отведено не так уж много времени — двое суток. Задачи подобного типа могли возникнуть в далеких космических экспедициях, при исследовании планет, населенных разумными существами.

Посылке группы «Пиона» на дно Атлантики предшествовали споры. Мнения в координационном совете Зеленого городка разделились. Часть ученых считала, что слишком рано посылать белковых, сравнительно недавно начавших курс обучения, на такой серьезный участок.

— Чем раньше, тем лучше, — возражал Ливен Брок.

— Пионцы еще плавать не научились, — сказал председатель совета.

— Роботы на дне будут чувствовать себя, как на полигоне, — пожал плечами Ливен Брок. — А плавать мы их научим, когда придет день, намеченный нашими биологами.

При последних словах Брока Алексей Волга и Володя Карбенко переглянулись: именно им совет решил поручить обучение плаванию группы «Пиона». Надо ли говорить, с каким нетерпением Волга и Карбенко ждали «дня плавания», до которого оставался еще почти год.

Кто-то заметил с места, что задание для мало обученных пионцев слишком сложно: ведь они еще не научились как следует различать объекты.

— Ваши сведения устарели, — живо возразил Ливен Брок. — Неделию назад Энквен встретил на полигоне мою внучку. До этого они не были знакомы, но Энквен узнал ее по моим описаниям... Ну, и по некоторому сходству со мной. У Энквена вполне зрелый мозг. Думаю, и у остальных белковых тоже, — заключил Ливен Брок.

— Решено. Испытаем пионцев в деле, — заключил председатель координационного совета.

Отталкиваясь ногами от дна, пионцы не спеша перемещались, подолгу останавливались возле рабочих. Локаторы роботов ловили и фиксировали каждое движение, рентгеновские аппараты их работали, не переставая, «просвечивая» незнакомые

машины и установки. Все сведения поступали в головной мозг, который должен был составить единую картину.

Энквен откололся от остальных и двинулся вдоль кабеля, лежащего на дне и полузасыпанного песком. Позади осталась строительная площадка, освещенная сильными прожекторами. Теперь Энквен двигался в непроглядном мраке, какой бывает только под многокилометровой толщей океана. Пришлось включить инфравидение.

Кабель привел робота к небольшому сооружению, облицованному толстыми плитами. «Бористая сталь», — определил Энквен с первого взгляда.

После тщательного исследования робот понял, что перед ним находится главный реактор — энергетическое сердце всей стройки. Какое-то чувство (сродни инстинкту), воспитанное Ливеном Броком, не обмануло Энквена, приведя его к реактору.

Именно отсюда, решил Энквен, следует начать исследование. Над роботом скользнула тень. Энквен насторожился. Широкая тень повернула обратно и на миг замерла над ним. Глубоководная рыба, не мигая, рассматривала пришельца.

Энквен с подводным царством был знаком слабо, и огромный электрический скат привел его поначалу в замешательство. Непуганая рыба, не обращая внимания на Энквена, медленно описывала круги над реактором. Ее чем-то привлекало это сооружение. Осмелев, скат с силой ткнулся в стенку. Робот наскоро определил, что запас прочности реактора незначителен. Настойчивое любопытство трехметровой рыбины едва ли входило в расчеты конструкторов. Так по крайней мере показалось Энквену.

Нетрудно было представить, что будет с сотнями людей, участвующих в подводных работах, если нарушится источник энергоснабжения: замрут машины, производящие кислород для дыхания, остановится опреснитель, застынут на месте механизмы...

«Надо отогнать опасное существо» — к такому умозаключению пришел Энквен.

Джунгли водорослей до половины скрывали реактор. Приблизившись к скату, Энквен протянул к нему руку. Скат отпрянул назад.

Со стороны это было похоже на игру. Энквен наступал. Скат маневрировал, выжидая.

Наконец роботу удалось настичь противника. Общими руками робот обхватил плоского и скользкого ската. В тот же миг тело робота неожиданно пронзил электрический разряд. Дернувшись, робот застыл на месте. Из разных точек тела в голов-

ной мозг хлынули сигналы о повреждениях. Качнувшись, бесильно повисли руки. Окрестный мир поплыл перед глазами, как несколько дней назад, когда Энквен упал после неудачного прыжка во время первой своей вылазки. Однако первый разряд оказался недостаточно большим, и Энквен сохранил способность ориентироваться в пространстве.

Остановившись в водорослях, скат горделиво посматривал на обескураженного неприятеля.

Энквен немного оправился от шока, с усилием огляделся, оценивая обстановку. Необычные ощущения поколебали его настройку. Человек назвал бы эти ощущения болью и раздражением.

Туманное пятно, заштрихованное водорослями, постепенно вновь приобрело четкие очертания ската. Распознав врага, Энквен снова ринулся в бой.

Не ожидавший нападения скат на какую-то долю секунды замешкался. Миг — и рыба судорожно забилась в железных объятиях робота. От электрического разряда Энквен в момент вторичного столкновения потерял ориентацию. Все окружающее заволочлось серой пеленой.

Двигаясь вдоль рыбьего тела, рука Энквена наткнулась на глаз, и сразу же проникла вглубь, поразив рыбий мозг.

В следующую секунду ослепший на один глаз скат судорожно забился, пытаясь избавиться от робота. Движения ската становились все слабее, и наконец, дернувшись в последний раз, он медленно распрямился.

Но Энквен не видел ни туч песка, поднятых со дна в потасовке, ни мутного облачка возле рыбьей головы.

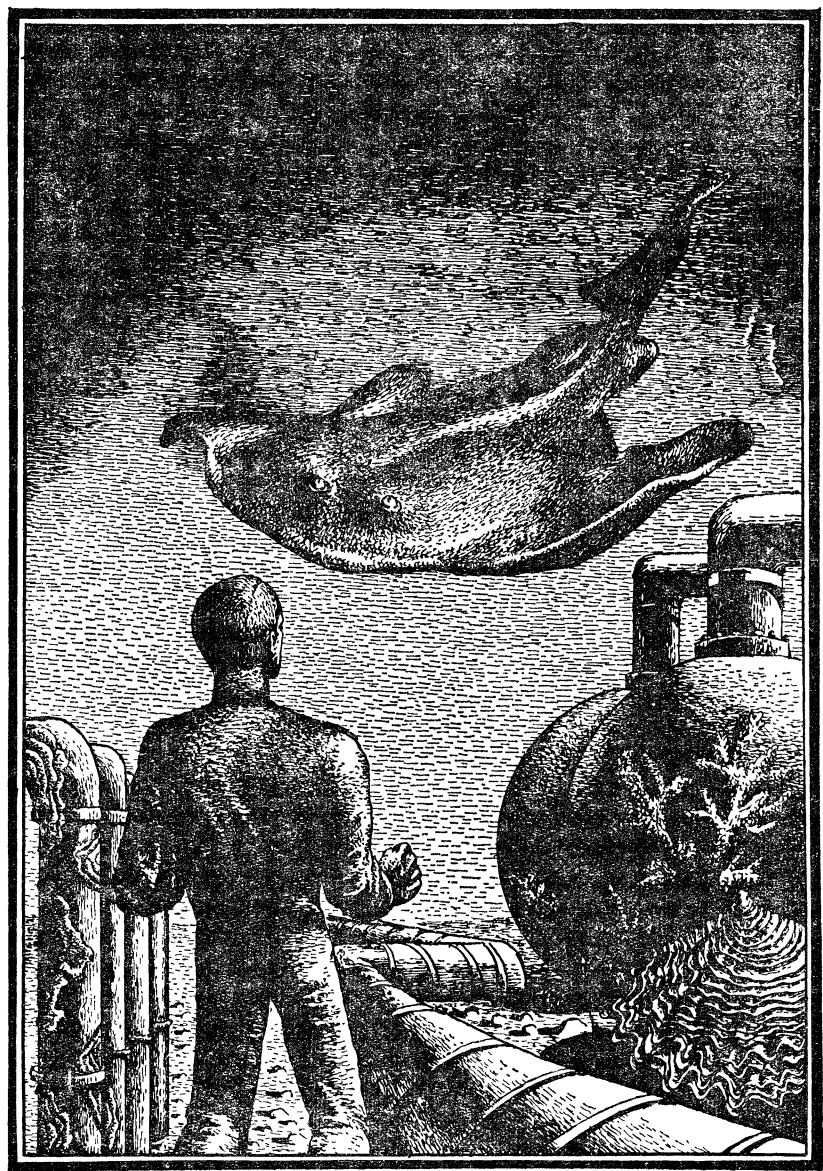
Только теперь, выпустив мертвую добычу, Энквен медленно опустился на песок. И лишь мозг его продолжал работать, посылая настойчивые команды во все уголки тела.

Так и не узнав впоследствии Энквен, что труды его были напрасны: главный реактор инженеры снабдили достаточной защитой...

Умелые руки биологов Зеленого городка вернули Энквена к жизни. Поначалу робот не мог управлять своим телом, и Ливен Брок проводил со своим воспитанником долгие часы, удовлетворяя ненасытную любознательность Энквена.

Потом Энквен снова разучил простейшие движения. Однажды Энквен остался один — Ливена Брока по видеофону срочно вызвали в башню безмолвия.

Сначала робот забавлялся, с обезьяньей ловкостью лазая вверх и вниз по шведской стенке. Затем, зацепившись за перекладину, повис, глядя в окно. Обширный институтский двор

был пуст. Лишь на волейбольной площадке Ван возился с сеткой. Показалась Лин. Она быстро шла куда-то с папкой под мышкой. В папке — Энквен это без труда разглядел — лежал толстый конспект и потрепанный учебник космического растениеводства.

Сегодня был один из редких дней, которые люди называют выходными.

Энквен перевел взгляд вверх. Там, за толстым потолком, на плоской кровле четырнадцатэтажного здания, помещалась взлетно-посадочная площадка для летательных аппаратов. Как интересно было бы вблизи рассмотреть эти серебристые и прозрачные машины, легко бороздящие небо, потрогать их крылья, забраться в кабину, нажать кнопку стартера!

Летательные аппараты были знакомы Энквену пока что лишь в теории, подниматься на авиаплощадку Ливен Брок еще не разрешал.

Между тем внизу Лин поравнялась с Ваном. Глядя вниз, Энквен ясно различал каждую травинку, отчетливо слышал каждое слово, произнесенное молодыми людьми.

Приладить волейбольную сетку было не так-то просто. Сильный ветер рвал ее из рук.

— Помоги, Лин! — сказал Ван, улыбнувшись девушке.

— Тороплюсь, — ответила она, замедлив шаг. — Дел полно — вздохнуть некогда.

— Скоро экзамен?

— Завтра.

— А сейчас ты куда?

— На консультацию.

— На консультацию? — удивился Ван. — В институте никого нет. Ливен Брок уехал в башню безмолвия. Кто же будет тебя консультировать?

— Мое дело, — улыбнулась Лин.

Через несколько минут Энквен услышал далекий вздох включенного внизу транспортера. Затем по коридору дробно простучали каблучки, дверь распахнулась, и в комнату влетела Лин.

— Привет, Энквен, — сказала она.

Робот легко прыгнул и подбежал к Лин, ответив на приветствие. С того памятного дня знакомства на полигоне они подружились, и Энквену неприятно было думать, что скоро, защитив диплом, Лин улетит на Луну, чтобы продолжать образование.

Энквен молчал, ожидая, что скажет Лин. Рядом с тонень-

кой девушкой массивный робот выглядел особенно внушительно.

— Понимаешь, Энквен, никак не могу решить задачу, второй день бьюсь... А без нее горит дипломный проект,— голос Лин пресекся от волнения.

— Горит? — недоуменно повторил Энквен.

— Ах, ну как ты не понимаешь! — топнула ногой Лин.— Горит — значит проваливается.

— Проваливается? — беспомощно переспросил робот.

— Да пойми ты: эту задачу решить необходимо.

— Дай условие,— попросил Энквен, уяснив наконец просьбу Лин.

Девушка медленно и внятно продиктовала условие задачи.

Энквен застыл в неподвижности. Только в его огромных глазах-блюдцах можно было заметить бегущие блики, выдававшие напряженную работу мозга.

Молчание стало тягостным.

— Прости, Энквен,— сказала Лин и шагнула к двери.— Я совсем забыла, что задачу для тебя нужно сначала запрограммировать...

И тут Энквен заговорил. Никогда еще он так не торопился. Лин остановилась, обернулась.

— Ничего не понимаю... — растерянно проговорила она, отпустив дверную ручку.

Энквен, подбежав к Лин, взял у нее из рук карандаш. Чистого листка у Лин не оказалось. Но робот нашел выход — одним прыжком покрыв расстояние до стены, он стал набрасывать на ней ровные строчки формул.

Лин недоверчиво смотрела на математические символы, которые выводил для нее Энквен.

— Поняла! — вскрикнула она наконец.

— К этому,— указал Энквен на последнюю формулу,— нужно еще прибавить интеграл столкновений.

— Понятно, понятно! Остальное я сделаю сама. Спасибо, Энквен. Какая ты умница!

Девушка приблизилась к Энквену.

— Дай, я тебя расцелую! — сказала она, взяв робота за руку. Энквен вырвал руку и отбежал в сторону, остановившись в выжидательной позе.

Лин пожала плечами и, попрощавшись, ушла.

Когда звук каблучков замер, Энквен вышел из неподвижности. Он окинул взглядом формулы на стене, словно запоминая их, затем методически стер щеткой все написанное.

Что-то беспокоило Энквена. Он стал прохаживаться по комнате, что делал всегда, когда не мог найти логического решения какой-нибудь проблемы.

Наступили сумерки. Энквен все не мог успокоиться. Он рылся в информблоках, просматривал картотеку микрофильмов, затем снова принимался расхаживать.

Ливен Брок застал его листающим старинную энциклопедию. Вечерняя беседа затянулась. Энквен проявил необычный интерес к башне безмолвия, из которой Ливен Брок только что вернулся, и воспитателю пришлось, отвечая на вопросы, подробно рассказывать об этом уникальном сооружении. Энквена поразило, что в башне безмолвия синтезируется серое вещество.

— В башне безмолвия выращивается головной мозг для белковых роботов,— медленно, чуть ли не по слогам повторил Энквен.

— Чем ты занимался, когда был один? — кончив свой рассказ, задал Ливен Брок традиционный вопрос.

— Разучивал движения. Усваивал информацию. Решал задачу,— сказал Энквен.

— Какую задачу? — спросил Ливен Брок.

Энквен изложил условие. Ливен Брок задумался.

— Напрасно терял на нее время,— сказал он.— Задачу нужно сперва запрограммировать.

— Я так ее решил,— произнес Энквен,— без программирования.

— Расскажи.

Энквен набросал решение.

— Не торопись... Так... Так...— кивал Ливен Брок.— Ты решил верно. Но погоди-ка. Где ты взял ее условие? Задача связана с космической навигацией. Я тебе такой не задавал.

— Она мне встретилась случайно,— ответил уклончиво Энквен.

Ливен Брок посмотрел на него: робот явно что-то скрывал. Воспитатель не настаивал.

— Случайно так случайно,— согласился он.

Ливен Брок встал со стула, собираясь уходить.

— Кстати. Что ты искал, когда я вошел? — спросил он.

— Информацию.

— О чем?

— О предложении расцеловать.

Ливену Броку показалось, что он ослышался.

— Что это значит? — спросил он.

— Меня интересует действие, обозначаемое глаголом «расцелую», — невозмутимо разъяснил Энквен.

— Гм... «расцелую»... — кажется, впервые за все годы воспитательской деятельности Ливен Брок пришел в замешательство. — А откуда ты взял этот глагол? Впрочем, дело не в этом... Видишь ли, все, что связано с эмоциями человека...

— Эмоции не программируются, — изрек Энквен твердо усвоенную вещь.

— Вот именно, — подтвердил Ливен Брок. — Знаешь что? Я завтра принесу тебе книжку. Ты ее поймешь, поскольку уже решаешь задачи без предварительного программирования.

Они простились, и всю дорогу до дому Ливен Брок думал о поведении своего воспитанника.

«Энквен становится самостоятельным. У него заводятся свои тайны, как у всякого мозга, вступающего в пору зрелости. Не рано ли? Надо будет обсудить с биологами», — решил Ливен Брок, включая свет в кабинете.

Глава 2

ЗЕЛЕНый ГОРОДОК

*Река вобрала мир окрестный
С былинкой каждою его,
Душой широкою и честной
Не отвергая никого.*

Вертолет шел невысоко. Внизу волновалась тайга. Кажется, протяни руку — и коснешься беспокойных вершин деревьев.

Так вот она, знаменитая Сибирь, край не только несметных сокровищ, но и великой красоты. Федор знал, конечно, о богатствах сибирских недр — и о тех, которые разрабатывались здесь издавна, и об открытых совсем недавно, но сейчас его захватила величественная картина тайги, широко раскинувшейся внизу.

Сколько сказаний, сколько песен сложили люди о тайге! И видно, неспроста. «Ведь тайга, — подумал Федор, неотрывно глядя вниз, — не только лес, пусть даже большой, огромный, почти необозримый. Тайга — нечто большее...» Федор усмехнулся, на мгновение представив, что он представитель инопланетной цивилизации, который на летательном аппарате приблизился к планете Земля. Вот он смотрит вниз сквозь толстые

стекла иллюминаторов. Под ветром колыхнется зеленое море. Значит, эта планета не мертва, значит, на ней буйствует органическая жизнь!

«А что, тайга — неплохая визитная карточка нашей планеты», — решил Федор Икаров. И еще он подумал, что тайга едва ли не самое величественное проявление органической жизни на Земле.

Федор оглядел лица своих товарищей-сокурсников, все они были захвачены картиной тайги.

Похоже на живой океан, о котором писал в древности какой-то писатель-фантаст.

Сосредоточившись, Федор начал припоминать, что он знает, что слышал, читал о сибирской тайге. Основа тайги — хвойный лес, широкой полосой тянется он до самого Охотского моря. Хвойные деревья перемежаются лиственничными. А что означает это слово — «тайга»? Федор наморщил лоб. Из глубины памяти выплыло то ли читанное когда-то, то ли слышанное от отца: слово «тайга» происходит от якутского «тайога», что означает «лес»...

Иссиня-зеленый внизу массив ближе к горизонту становился сизым, сливался с цветом неба.

— Кедровые леса, — негромко сказал кто-то.

Кое-где зеленая акварель тайги была тронута кроваво-красными пятнами боярышника — колючий кустарник селился целыми семьями. Постепенно кустов боярышника внизу становилось все больше. Федор знал: это — неоспоримый признак того, что машина приближается к реке.

Нежаркие солнечные лучи били в прозрачный купол стремительно несущейся машины. Федор посмотрел вверх. Небо было почти чистым, лишь на большой высоте курчавились облака. Взгляд Федора задержался на облаке, похожем на шляпу. Молодому курсанту подумалось, что это облако не только не задерживает солнечные лучи, а, наоборот, само брызжет ими. А может, это искусственное облако, созданное на станции регулировки климата? Впрочем, зачем климатологам швырять в небо перистые облака? Им нужно заниматься облаками, которые низко плывут над землей, подчас чуть не задевая ее. Такие облака несут в своем чреве влагу, столь необходимую земле, таят в себе громы и молнии. В этих облаках — трепет земной жизни... А перистые облака слишком далеки от земли, чтобы принимать участие в ее жизни. Они чрезмерно холодны, тело их соткано из льда, и только из льда.

Никогда перистые облака не прольются дождем, не отзовутся громом, не сверкнут молнией. Но и они влияют на погоду.

Вертолет еще убавил высоту.

Теперь отчетливо можно было различить отдельные деревья, кудрявые шапки, разлапистые кроны.

За короткое время погода между тем успела приметно испортиться. Разросшиеся тучи закрыли солнце, и в салоне сразу потемнело.

Внезапно тайга расступилась, внизу показалась широкая река, берега ее были тронуты медью осени. Ветер гнал волну, у стрежня кудрявились барашки.

Федор, не отрываясь, смотрел в иллюминатор.

— Силища! — сказал он восхищенно.

— Обь, — произнес инструктор полигона, куда направлялась группа слушателей Звездной академии. Инструктор сидел рядом с Федором и время от времени давал необходимые пояснения.

— Река, как море, — сказал Федор.

Несколько капель ударились снаружи в иллюминатор, оставив на его поверхности извилистые бороздки.

— Портится погода, — заметил Федор.

— Подвели синоптики, — озабоченно сказал инструктор. — Предсказали на ближайшие дни «ясно», поэтому в Зеленом городке решили не делать специальный заказ погоды.

— Погода — штука со многими неизвестными, — кивнул Федор.

— На завтра в Зеленом намечено важное дело, — сказал инструктор. — Как бы из-за плохой погоды не сорвалось.

— Какое дело? — повернулся к инструктору Федор. Все, что касалось Зеленого городка, его живо интересовало.

— Группу белковых будут обучать плаванию, — ответил инструктор.

— Нужно было заказать хорошую погоду, — вступила в разговор девушка с переднего сиденья.

— Понадеялись биологи на синоптиков, — вздохнул инструктор. — А теперь заказ запоздал: его нужно делать хотя бы за три дня.

— Можно отложить обучение, — предложил Федор. — Разве несколько дней — это так важно?

— Для работа, которого обучают, очень важно, — сказал инструктор. — Биологи наметили программу обучения белковых чуть не по часам.

— А скоро мы пролетим над Зеленым городком? — спросил Федор.

— Вон Зеленый, — сказал инструктор, — впереди по курсу. Курсанты прильнули к иллюминаторам.

— Маленький, — сказала девушка, в голосе ее слышалось разочарование.

— Маленький? — улыбнулся инструктор. — Это только сверху кажется...

Машина, круто взяв высоту, промчалась над куполом, увенчанным острой вышкой.

— Башня безмолвия? — спросил Федор.

— Она самая, — кивнул инструктор.

Через несколько минут прибыли на место, в учебный лагерь. Комната Федору Икарову досталась угловая, на последнем, сороковом этаже здания, где жили курсанты. В комнате пахло свежей краской.

Федор бросил рюкзак в угол, распахнул окно. Тайга подступала к лагерю. Всего в нескольких километрах отсюда — Зеленый городок...

Федор давно мечтал побывать в Зеленом городке, посмотреть, как воспитывают белковых роботов — удивительные создания, существование которых еще недавно, когда Федор был мальчишкой, считалось невозможным. Воспитатели белковых рисовались юному учелу людьми особенными.

Сев за письменный стол, Федор веером разложил перед собой фотографии воспитателей Зеленого городка — он коллекционировал их с первого курса.

Интересно, что с течением времени каждый белковый становится похожим на своего воспитателя. Биологический резонанс — так называется это тончайшее явление.

Одну карточку, самую любимую, Федор разглядывал особенно долго. Воспитатель Ливен Брок был сфотографирован в лодке посреди величавой Оби. Весла подняты, с них срываются серебряные шарики воды. Шрамы на лице пожилого человека говорят о нелегкой судьбе. Ливен Брок улыбается. Седые волосы ежиком обвеивает ветер. От глаз лучами разбегаются морщинки. Возраст Ливена Брока выдают руки, жилистые, сморщенные, но еще крепкие, они уверенно держат весла на весу.

Послезавтра воскресенье, можно слетать в Зеленый городок, по улицам которого роботы разгуливают наравне с людьми.

Размышления Икарова прервал стук, дверь в комнату приотворилась.

— Заходи, Май, — сказал Федор, не отрывая взгляда от фотографии Ливена Брока. Наверно, он бы удивился, если бы это была не Май, а кто-нибудь другой. Ни для кого не было секретом, что единственная девушка на курсе отдавала явное предпочтение Федору Икарову. Да и сама она не делала из этого тайны.

— Как устроился? — спросила Май. Несмотря на длительный путь, который они только что завершили, Май, как всегда, выглядела свежей и полной сил.

— Обживаюсь, — ответил Федор.

— О, у тебя угловая комната. Это хорошо: много света, — одобрила Май. Обойдя комнату, она подошла к столу. — Воспитателями любишься?

— Да.

— А меня больше интересуют воспитанники. До смерти хочется увидеть настоящего белкового робота, — призналась Май. — Пойдем в воскресенье в Зеленый городок?

— Посмотрим.

Май присела на краешек стола.

— Чем их только там пичкают, белковых? — сказала она. — Подумай только: десять лет обучения!

— А человек?

— Ну, сравнил, — протянула Май. — Человек всегда остается человеком.

— Без обучения и человек стоил бы немного, — произнес Федор. — Есть древний рассказ о младенце, затерявшемся в джунглях. Его выкормила волчица.

— Ну и что? — спросила Май, болтая ногами.

— Мальчик вырос здоровым. Но он даже ходить, как человек, не научился — ползал на четвереньках. И не мог произнести ни единого слова... Его никто не учил говорить, понимаешь?

Май кивнула.

— Вот послушай, — сказал Федор. Он отыскал среди фотографий вырезку из журнала и прочел: «Некоторые считают, что белковые роботы наделены качествами людей. Это ошибка. Не скажем же мы, что магнитофон обладает отличным голосом, если он воспроизведет арию великого певца? Когда мне говорят, что белковый робот повторяет человека, я отвечаю: верно, повторяет, но на другой основе. Нам нужны не механические воспроизводители, не слепые исполнители команд, не прирученные тигры и не дрессированные слоны. Нам необходимы сильные и умные, а главное — самостоятельные помощники, которые могут в критических условиях найти единственно правильное, вовсе не шаблонное решение. Пока мне видится только один путь к созданию таких помощников — длительное и кропотливое обучение белковых систем, выращенных в камере синтеза...»

— Чьи слова? — спросила Май.

— Его, — указал Федор на фотографию Ливена Брока.

Май посмотрела в окно.

— Послушай дальше,— сказал Федор: — «Мой воспитанник Энквен в четыре месяца уже проявлял первые признаки самостоятельности, в год он стал тем, что в применении к человеку мы называем личностью, в три — мои товарищи по работе заметили, что Энквен начал внешне походить на меня. Он уже выходит в открытое пространство, выполняет самостоятельные задания, как и прочие белковые его группы. В прошлом году, будучи на стажировке близ острова Энергии, Энквен доказал, что достиг высокого уровня развития, сумев, как он считал, спасти глубоководный комплекс...»

— Так уж и спасти,— усомнилась Май. Она спрыгнула со стола и предложила: — Идем сыграем в пинг-понг.

— Где?

— Здесь внизу есть спортивный зал, я видела.

Федор встал со стула, сунул карточку Ливена Брока в нагрудный карман.

— Сегодня выиграю я,— сказал он.

— Хвастунишка,— усмехнулась Май, одергивая платье.

Объ беспокойно ворочалась на каменистом ложе. Волны лохматились под ударами ветра, перехлестывали через мол, надсадно ухая. Временами накрапывал дождь.

Кучка белковых роботов жалась поближе к пирсу, взгляды их были прикованы к разыгравшейся стихии, с которой до сих пор никому из них не приходилось иметь дела. Вылазка на океанское дно не в счет — там умения плавать не требовалось.

Роботы были вызваны на водный полигон по радиосигналу тревоги.

Волга и Карбенко стояли у мола.

— Все явились, ты проверил? — спросил Волга.

— И проверять нечего,— самоуверенно произнес Карбенко. — В истории Зеленого городка не было еще случая, чтобы белковый послушался команды.

— Все-таки надо бы...

Карбенко махнул рукой.

— Не будем терять время,— нетерпеливо перебил он. — Ветер усиливается.

Волна с шумом разбилась у их ног. Белковые, в ожидании стоявшие поодаль, сделали несколько шагов назад.

— Инстинкт самосохранения,— сказал Карбенко и плотнее запахнул плащ.

— Нормальная реакция.

— Отложим на денек обучение плаванию? — неожиданно предложил Карбенко. — Видишь, что делается.

— Нет.

— Неровен час, кто-нибудь погибнет...

Волга взял Карбенко за пуговицу плаща.

— Ливен Брок рассказывал на днях, что его Энквен прошел по перилам моста через Обь, — сказал Волга. — Представляешь, какое чувство равновесия?

— Энквен — особая статья, Леша, — вздохнул Карбенко.

— Тем лучше, Володя! — подхватил Волга. — С него будут брать пример остальные.

— Ладно, — сдался Карбенко. — А ты перед вылетом на Обь разговаривал с Ливеном Броком?

— Нет.

— Я накануне целый день не мог до него дозвониться, — сказал Карбенко. — Видеофон не отвечает. Наверно, старик отключил его. Ход конем.

— Правильный ход, — отрезал Волга.

Хлынул дождь. Капли расшибались о бетон, секли лицо.

В группе белковых, до того стоявшей спокойно, произошло движение. Карбенко и Волга подошли к ним.

Роботы образовали круг, в центре стоял белесый, почти бесцветной пигментации Кельзав, даже среди белковых собратьев выделявшийся недюжинной силой. В руках он держал металлический багор, только что завязанный узлом.

Карбенко забрал изувеченный багор и швырнул его в реку.

— Начнем! — сказал Волга.

Карбенко кивнул.

Упругая дорожка для прыжков перед самой водой делала крутой взлет наподобие трамплина.

— Кельзав, на старт! — распорядился Карбенко.

Белковый робот, слегка переваливаясь, выбежал к дорожке и занял предстартовую позицию.

Волга поднял ракетницу и, помедлив, выстрелил. Почти бесцветный огонь рванулся из ствола, ракета взмыла в пасмурное небо. Сильный ветер приметно относил ее, искривляя огненный хвост ракеты. Кельзав не шевелился, лишь взгляд его неотступно следовал за летящей ракетой.

— Он не может посчитать параметры траектории... Я же говорил — ветер, — успел с досадой шепнуть Карбенко.

В тот же миг Кельзав сорвался с места. Вихрем промчавшись по дорожке, он с силой оттолкнулся от трамплина. Последний толчок оказался математически точным — распластавшаяся в полете фигура приблизилась к ракете. Миг — и

Кельзав схватил огненную трубку. Бледное пламя исчезло, парабола, которую выписывала в воздухе ракета, осталась недорисованной.

Сделав в воздухе двойное сальто, робот, как заправский ныряльщик, вошел головой в воду, почти не подняв брызг. А ведь до этого он знал технику прыжка только в теории.

Главное, однако, было впереди.

Роботу было дано лишь конечное задание: удержаться на поверхности воды. Как этого добиться, программа не сообщала.

Волна с головой накрыла барахтающегося Кельзава. Роботы, оставшиеся на берегу, продолжали следить за своим собратом — они видели и то, что делается под водой. Карбенко и Волга были лишены такой возможности.

— Кажется, я оказался прав, — проворчал Карбенко, когда пауза сделалась томительной, и потянулся к спасательному кругу.

В этот момент среди волн показалась голова Кельзава. Кто знает, какие гидродинамические уравнения роились в ней, какая шла напряженная счетная работа, но, еще разок уйдя под воду, Кельзав вынырнул, на сей раз более уверенно. Руки его тяжело, словно плифы допотопного колесного парохода, били по воде, поднимая тучи брызг, ноги, как два могучих бревна, молотили по волнам, но держался Кельзав на воде вполне прилично для новичка.

Дальнейшее — отработка техники — было уже делом несложным.

— Трудно ему, — сказал Карбенко, следя за Кельзавом, плывущим неуклюже к берегу.

— Трудно на Оби — легко на «Пионе», — откликнулся Алексей Волга.

— Пуговицу-то мою все-таки отпусти, — сказал Карбенко.

На бетонную дорожку, повинаясь сигналу, уже выходил следующий белковый робот. Алексей подбросил на ладони ракетный пистолет.

Сквозь шум ветра пробился комариный писк зуммера.

— Нас вызывает Зеленый городок, — нахмурился Алексей.

— Во время самостоятельных испытаний? Странно, — удивился Владимир.

Алексей торопливо вытащил из кармана блок связи — плоскую коробочку размером с портсигар.

— Вызывает Зеленый, вызывает Зеленый, — бормотала мембрана.

— Слушает Волга, водный полигон на Оби,— сказал Алексей, поднеся к губам блок.

— Волга на Оби. Слияние двух великих рек,— сострил Карбенко.

— У вас группа «Пиона»? — спросила мембрана.

— Да,— ответил Алексей.

— Пусть Энквен немедленно возвращается в Зеленый,— велела мембрана.

— Нельзя. Сегодня день обучения плаванию,— начал объяснять Алексей.— Если Энквен его пропустит, то его биологические часы...

— От имени координационного совета — пусть Энквен сейчас же летит в Зеленый,— нетерпеливо перебила мембрана.

Алексей пожал плечами, посмотрел на Владимира, который ограничился тем, что развел руками.

— Я подчинюсь только приказу Ливена Брока,— негромко сказал Алексей.

— Ливен Брок пропал,— сообщил голос из мембраны.

Алексей и Владимир одновременно нагнулись над аппаратом.

— Как это — пропал? — переспросил Владимир.

— Видеофон Ливена Брока не отвечал со вчерашнего дня. Сегодня утром к нему пришли домой — коттедж оказался пустым. В Зеленом городке Брока нет. Одна надежда на Энквена. Может быть, он что-то знает... — единым духом выпалила мембрана.

— Сейчас Энквен вылетает к вам,— торопливо сказал Алексей и, сунув в карман блок связи, крикнул: — Энквен!

Никто из белковых роботов не пошевелился.

— Человек, Энквена нет среди нас,— сказал Кельзав.

Волга посмотрел на Карбенко.

— Я отдал команду всем пионцам... Еще не было случая, чтобы белковый ослушался,— виновато пробормотал Владимир, отводя глаза.

Алексей радировал в Зеленый, что Энквена в группе нет. Что самое странное, там, похоже, этому не особенно удивились.

— Продолжайте обучение группы,— решила мембрана.

Ван Каро был коренным жителем Зеленого городка. Здесь он родился, здесь учился делать первые шаги, окончил школу-интернат, затем институт. Еще на первом курсе Ван увлекся проблемой синтеза белка. После института Ван по этой же теме защитил диссертацию. Научный руководитель темы Ливен Брок высоко отозвался о работе Вана Каро.

Своей теме Ван остался верен и после защиты диссертации. Ливен Брок взял Вана в свою лабораторию. Помимо текущих дел Брок время от времени подбрасывал молодому ассистенту какую-нибудь особенно интересную задачу.

Так было и на этот раз. Неделю назад Ливен Брок вызвал молодого ученого и предложил ему поразмыслить над тем, каков должен быть оптимальный объем головного мозга у белкового робота. Ван заметил, что Ливен Брок почему-то стал часто обращаться к этой теме в последнее время.

Это было тем более странно, что задача о головном мозге робота считалась в науке давно решенной. Многочисленные опыты, а также теоретические расчеты показали, что наилучший объем мозга робота именно тот, который имеется у питомцев Зеленого городка, ни больше ни меньше. Зачем же понадобилось Ливену Броку вновь обращаться к вопросу, давно решенному? Похоже, какая-то тайная мысль все время мучила старого воспитателя.

Ван Каро не стал уклоняться от поставленной задачи. Запасшись грудой материалов, он с добросовестностью естествоиспытателя вновь засел за расчеты.

Как Ван и ожидал, его недельная работа подтвердила прежние выводы: да, нынешний объем головного мозга роботов является наилучшим. Ван Каро подумал, что этот результат огорчит Ливена Брока. Учитель склонялся к мысли, что объем головного мозга роботов необходимо резко увеличить. Но что делать? Математику не переспоришь.

Расчетами Ван любил заниматься в тиши, на старой даче, расположенной за Обью. Закончив вычисления, Ван тут же позвонил Ливену Броку, но дозвониться не смог: видеофон не отвечал.

«Полечу к учителю завтра», — решил Ван, поскольку был уже поздний вечер.

Рано утром Ван наскоро проглотил завтрак, сел в орнитоптер и, включив автопилот, принялся перебирать листки расчетов. У Ливена Брока на ошибки отменный нюх.

Время от времени Ван отрывался от формул и смотрел вниз. За стенками кабины разыгралась непогода. Сильный ветер гнал рваные клочья облаков. В проемах между ними проплывала тайга. Сверкнула Обь, показались прямоугольники водного полигона. Близ одного из них виднелась кучка из десятка фигурок (вероятно, очередная группа белковых готовилась к уроку плавания).

Некогда в зоне Зеленого городка царил неустойчивый, гнилой климат. Летом в воздухе носились полчища гнуса, зи-

мой — даже в самый сильный мороз — тяжелые, вредные туманы окутывали землю.

В соответствии с общим долгосрочным планом преобразования природы Земли, выработанным Высшим координационным советом, было предпринято наступление на климат Сибири.

Но приведению этого плана в действие предшествовали долгие, очень долгие споры...

Вообще, как установили ученые, именно климат является тем рычагом, с помощью которого можно наиболее решительно воздействовать на географию какого-либо района. Недаром один планетолог, перефразируя Архимеда, воскликнул: «Дайте мне власть над климатом, и я переверну географические условия!»

Стараясь отвлечь мысли от предстоящей встречи с Ливеном Броком, Ван решил думать о чем-нибудь постороннем. Глядя на серые тучи, он начал припоминать историю преобразования климата Земли.

Завоевать власть над климатом было непросто. Непросто было и прийти к мысли о том, что именно климат может влиять на географические условия в том или ином месте земного шара.

Ван посмотрел на капельку дождя, оставившую на лобовой пластине прозрачного пластика извилистый след, и подумал: почему погода переменчива и капризна, словно сердце красавицы? Почему, например, сегодня вопреки прогнозу погода вдруг испортилась? Правда, прогноз был долгосрочный, рассчитанный на полтора месяца вперед, но все-таки...

Вчера на Оби стоял золотой солнечный день, и сегодня должен был быть точно такой же, а вместо этого тучи, дождь, резкий порывистый ветер. Видимо, какой-то винтик в бесконечно сложном атмосферном хозяйстве сработал не в ту сторону.

Дождь и непогоду можно было, конечно, убрать, однако по просьбе жителей Зеленого городка установки искусственного климата включались здесь крайне редко: люди хотели жить ближе к естественным условиям.

Ван откинулся на спинку пилотского кресла и задумался: а что же все-таки определяет погоду в данном месте и в данное время?

Какие стихии рождают ее?

И какие силы лепят климат?

Ну, ясно, что характер климата определяется тем количеством энергии, которое дарит данной области материнское светило. Это зависит от географической широты области. Кроме

того, многое должно зависеть от характера местности, ее рельефа, того, что географы называют подстилающей поверхностью. Наконец, сильно должны влиять на погоду атмосферные течения. Если уподобить земную атмосферу гигантскому котлу, то в нем непрерывно происходит перемешивание варева, слой которого достигает нескольких сотен километров толщины.

Ладно. А что же все-таки главное в приготовлении блюда, именуемого погодой?

Размышления, с помощью которых Ван хотел только отвлечься, всерьез увлекли его.

Начнем с Солнца, решил он. Солнце, как известно, нагревает воздух над Землей не напрямую, а с помощью лучей, отраженных от поверхности почвы. Но ландшафт поверхности нашей планеты меняется в общем-то очень медленно. Объявлено, что сотни тысяч лет по своему руслу, и, похоже, не собирается с него сворачивать — по крайней мере до того, как ее об этом не попросят. И тайга, которая волнуется сейчас под ним, тревожимая порывами холодного ветра... Кто определит ее возраст? И горы Кавказа, где Ван был недавно, — они тоже, кажется, не собираются сдвигаться с места.

Так что же заставляет погоду капризничать и ломаться? От вопросов, связанных с погодой, с климатом, так просто не уйти, не отмахнуться — неважно, происходит дело на Земле или на других планетах, которые осваивает или только собирается осваивать человек.

А ведь даже на Земле эта грандиозная задача — преобразование климата — еще не решена до конца.

Что это вообще значит — преобразовать климат?

Когда-то этот вопрос казался людям самоочевидным. Чего же тут долго рассуждать? Преобразовать климат — значит сделать его хорошим.

Но что такое хороший климат?

Это тоже казалось ясным. Хороший климат — это когда пустыни получают воду, тундра и Антарктида — тепло и так далее. Выгоды от хорошего климата очевидны. Человек на Земле приобретет огромные, ныне бесплодные области для освоения и заселения.

Там, где торосились вечные льды, заплещется теплое море. Там, где гуляли самумы, зашелестят пшеничные волны.

Где высились барханы, раскинутся сады.

Плохо?!

Тут-то мнения ученых разделились.

— Великолепно! — говорили одни. — Чего время терять? Приступим к делу.

— Опасно, — возражали оппоненты. — Атмосфера, окутывающая планету, едина. Если нарушить ее равновесие в каком-то одном месте, это может вызвать цепь необратимых последствий. Получится тришкин кафтан. В одном месте пустыню превратим в цветущий сад, а в другом сад превратится в пустыню.

— Волков бояться — в лес не ходить! — возражали сторонники скорых и решительных мер по отношению к земной атмосфере. — Возьмите те же пустыни. Огромные пространства бесплодны, не приносят человеку никакой пользы. Нет атмосферных осадков — нет жизни. Напоить пустыню водой — значит напоить ее жизнью.

А бояться здесь нечего — в других местах климат останется неизменным.

Доказательства? Пожалуйста.

В пустыне забил родник. Вокруг вырастает оазис. Трава, пальмы, тень, прохлада в самый солнцепек. Совсем другой стал здесь климат, не так ли? И от этого ничего плохого в других точках земного шара не происходит. Так почему бы всю пустыню не превратить в сладкошумный сад?

— Оазис создает не климат, а микроклимат, — отвечали на это более осторожные. — Верно, в оазисе хорошо, но причем тут пустыня? Она-то ведь не меняется, по-прежнему остается палящей и бесплодной. Маленькие оазисные вкрапления на нее, увы, никак не влияют. Не могут они повлиять и на общее изменение климата.

— И все-таки оазисы существуют! — не унимались решительные климатологи. — Значит, все дело в масштабах. Чем больше оазисов, тем меньше места остается пустыне. В пределе — оазисы сливаются между собой, пустыня исчезает, климат изменен, стал хорошим. Для этого нужно одно — вода.

Такова была схема, костяк многолетнего спора климатологов Земли.

Конечно, обе стороны оперировали цифрами, фактами, скрупулезными подсчетами.

— Где же возьмете вы воду, чтобы напоить пустыни? — спрашивали одни.

— Построим оросительные системы! — отвечали другие. — Современная техника землян это позволяет.

— Техника-то да, но вот хватит ли на Земле пресной воды для такого дела?

Подсчитали запасы воды. Выяснилось: верно, воды не хватит. Да и затраты на проведение в пустыне оросительных каналов слишком велики.

— Что ж,— сказали решительные.— Цифры — вещь упрямая. С ними не поспоришь. Но если нельзя подавать воду снизу, остается подавать ее сверху. С помощью искусственно создаваемых облаков, низвергающих на землю дождь и град.

Снова подсчеты, подсчеты, подсчеты...

Выяснилось: для создания (а особенно для удержания) над пустынями облаков необходима невообразимо огромная энергия, но и она человечеству по плечу.

Однако при диалектическом подходе к делу выплыла другая трудность, до поры до времени затушеванная.

Предположим, в результате затраченных усилий огромная пустыня исчезла, вместо нее расцвел оазис. Это означает прежде всего, что повысилась влажность почвы. Количество солнечной радиации, падающей на площадь бывшей пустыни, само собой не уменьшилось и вообще не изменилось: ведь географическая широта местности осталась прежней. Как известно, для испарения влаги требуется немалое количество тепла. Это тепло будет неукоснительно поглощаться в соответствии с законами природы. Вывод: подстилающая поверхность будет нагревать атмосферу теперь гораздо меньше, чем прежде, когда была пустыня.

Что произойдет дальше, догадаться нетрудно. Нарушится веками отлаженный механизм циркуляционных потоков в атмосфере. А ведь он, этот механизм, определяет климат и в других областях земного шара... И пойдет все кувырком, и станет по всей Земле меняться климат кривь и вкось.

Ван мысленно покинул на время пустыню и перенесся в Арктику. Из-за нее тоже в свое время немало было поломано копий. Высший координационный совет Земли решил, что необходимо приступить к преобразованию природы этого сурового края. Для этого предложили уничтожить ледовый арктический покров.

Поначалу казалось, что это должно резко улучшить климат во всем северном полушарии.

Потом начали раздаваться тревожные голоса.

Один климатолог подсчитал, что если растопить арктические льды, то ряду районов, расположенных в глубине континента, будет угрожать засуха.

Другой уточнил, что за счет этого изменится направление атмосферных потоков и сильно увеличится выпадение дождя и снега в ряде районов Сибири. Хлынут ливни, невиданные доселе, на Енисее, в Западной Якутии. И здесь, на Оби, должен был резко подскочить уровень осадков.

Зато, например, Украине и Белоруссии, уточнял третий, в случае осуществления этого проекта угрожала засуха...

Ясно, что «арктический проект» до поры до времени пришлось законсервировать. Его осуществление могло бы вызвать повышение уровня воды в Мировом океане, что привело бы к затоплению побережья.

После того как рухнуло, не успев воплотиться в жизнь, несколько подобных проектов, ряды «служителей погоды» охватило уныние. «Выходит, климат переделывать нельзя?» — говорили они.

Однако растущие потребности человечества вновь и вновь ставили проблему переделки земного климата в повестку дня. И проблема начала постепенно решаться вместе с ростом энерговооруженности землян.

И «арктический проект» был в конце концов реализован! Ван припомнил, как это было.

Осуществление проекта разбили на несколько шагов. Поистине это были шаги великана!

Шаг первый: с помощью термоядерных установок льды в Арктике были растоплены. Ясно, однако, что условия образования льдов все еще оставались.

Поэтому, чтобы предупредить появление новых льдов, был сделан второй шаг — в Арктике смонтировали постоянно действующие системы, которые не давали льдам появиться. Исчезли тысячелетние торосы, растаяли айсберги, океаническая поверхность стала чистой.

Немедленные выгоды: во-первых, свободная навигация там, где раньше могли пройти только мощные атомные ледоколы; во-вторых, климат в прибрежной зоне, как и предполагали синоптики, существенно улучшился. Но, увы, в соответствии с теми же предположениями в континентальных районах стало суше.

Тогда был предпринят шаг третий. В Атлантическом океане, в районе острова Энергии, собрали гигантскую установку — испаритель. Испаряющаяся влага образовала в атмосфере поток, который и был направлен в центральные районы Европы, неся туда столь желанные дождь и снег.

Результат — в Центральной Европе установился чудесный климат. Случилась только одна небольшая неприятность: в связи с тем что в Арктике исчезли льды, на Черноморском побережье резко подскочило количество осадков.

Отсюда понятен шаг четвертый. Решено было уменьшить испарение Черного моря. Ни больше ни меньше! Достигнуто это было весьма простым и остроумным способом — с по-

мощью мономолекулярной пленки какого-то вещества (Ван забыл, как оно называется). Пленка, равномерно «разлитая» по черноморским волнам, надежно препятствовала испарению влаги, и количество дождей в благословенной Причерноморской зоне уменьшилось.

Ну, а что касается пустынь...

Ван напряг память. Была когда-то пустыня Каракумы. Она исчезла лет сто назад. Исчезла, чтобы никогда не возродиться. Превратилась в огромный, сплошной оазис. Наперекор всему!

Правда, с пустыней Каракумы пришлось повозиться. Наполнить Каракумы было не просто. Система каналов оказалась невыгодной экономически, и от этой идеи отказались. Решено было для Каракумов одолжить воды у Памира, где масса льда и снега. Растопили памирские ледники. Лед на огромной площади начал таять, а вода испаряться, собираясь в облака. Оставалось лишь немного подправить атмосферные потоки, и жизненосные тучи степенным караваном двинулись в сторону Каракумов, чтобы излиться там дождем.

Однако, как ни много льдов на Памире, все же их запас ограничен. Если непрерывно черпать, он иссякнет. Что тогда? Поэтому над зоной Памира климатологи решили каждую зиму искусственным путем вызывать снежные тучи. В результате был создан маятник, с точностью часового механизма совершающий колебания вокруг точки равновесия.

Лето — памирские льды и снега растапливаются, влага «с помощью» туч переправляется в Каракумы.

Зима — кладовая Памира, истощенная за лето, снова пополняется с помощью регулярно вызываемых снегопадов...

Машина шла быстро. Вскоре в туманной дали Ван заметил строения Зеленого городка.

Вану, несмотря на молодость, много пришлось поездить, и он знал, что панораму Зеленого городка не спутаешь ни с какой другой в мире. Знаменитая башня безмолвия, разноцветные купола камер синтеза белка, наконец, растительность, собранная сюда со всех концов Земли и других планет, — все вместе создало пейзаж, которого не встретишь ни в каком другом уголке Солнечной системы. Местная флора была предметом особой гордости жителей Зеленого городка. Представитель местной растительности сибирский кедрач соседствовал здесь с мексиканским кактусом и калифорнийской секвойей, самшит уживался с маслиной, эвкалипт — с венерианским трабо. Это стало возможно после больших работ, которые привели к коренному изменению климата Сибири.

Башня безмолвия располагалась на центральной площади. От нее брали начало радиально расходящиеся улицы.

Зеленый городок был известен повсюду. Роботы, выходящие из его ворот, расходились по всему свету.

Ван Каро мечтал стать воспитателем белковых, как Ливен Брок. Он изучал белковых и уже неплохо в них разбирался.

Роботы, которых готовили для выполнения особо сложных заданий, сразу по выходе из камеры синтеза попадали под опеку человека-воспитателя. В воспитатели координационный совет города назначал наиболее видных ученых. Во время многолетнего обучения воспитатель как бы «проецировал» на своего подопечного самого себя: свои познания, свою личность, характер. Таким путем достигалось чрезвычайно высокое совершенство белковых систем.

От тонких анализаторов робота не могла укрыться никакая, даже самая потаенная черта характера человека-воспитателя независимо от того, хотел воспитатель привить ее роботу или нет.

Ван вспомнил виденные в музее первые машины, игравшие в шахматы. Эти агрегаты, огромные, как мастодонты, были лишены творческой самостоятельности. Они могли лишь старательно усвоить готовую шахматную программу. Программа содержала основные тактические идеи игры, сравнительную оценку фигур и прочие премудрости, без которых немислим шахматист. Только усвоив программу, машины могли сражаться и с живыми мастерами, и друг с другом. В те времена сражение двух машин за доской было по сути дела борьбой конструкторов — создателей различных программ.

С белковыми роботами дело обстояло иначе. В шахматах, как и во всем прочем, роботы не нуждались в предварительной программе. Игру, например, они постигали примерно так же, как человек, — методом проб и ошибок, извлекая драгоценные крупицы истины из собственной практики.

«Впрочем, шахматы — больше по части Володи Карбенко», — подумал Ван, равнодушный к этой игре.

Забавно, что если воспитатель любил шахматы, то его ученик рано или поздно начинал испытывать непреодолимую тягу к древней игре, даже если он никогда не видел шахматной доски с расставленными на ней фигурами. Слоняясь возле шахматистов, такой робот быстро постигал правила игры, и вскоре наступал момент, когда он садился за шахматный столик против человека или такого же, как он, белкового. Первые партии новичок, как правило, проигрывал, однако от игры к игре быстро набирал опыт и уверенность. Если воспитатель

тяготел к жертвенной, комбинационной игре, то и его воспитанник начинал с первой партии жертвовать фигуры направо и налево. Если воспитатель предпочитал позиционную борьбу, его подшефный тоже возводил на доске крепость, штурмовать которую противнику с каждой партией становилось все труднее.

Да что там шахматы!

Со второго года обучения белковый начинал копировать даже походку своего воспитателя, черты его лица. Биологи Зеленого городка нашли объяснение удивительному явлению, которое называли биорезонансом белковых клеток, хранящих зашифрованную информацию.

Автопилот погасил скорость, и орнитоптер пошел на снижение. Может быть, Лин вернулась с Луны?

Орнитоптер сделал круг перед посадкой. Зеленый с желтизной массив внизу быстро распадался на отдельные деревья и кусты.

Ван выпрыгнул из машины и пошел к дому. Входная дверь была приотворена, Ван толкнул ее и вошел в дом.

— Доброе утро, учитель,— громко сказал он.

Никто не ответил.

Удивленный Ван обошел комнаты, обожал сад, спустился в подвал, где Ливен Брок оборудовал небольшую биологическую лабораторию,— хозяина нигде не было.

«Неужели так рано ушел в институт?» — подумал Ван. Он подошел к письменному столу и надавил клавишу с надписью «биоцентр».

— Мне, пожалуйста, профессора Ливена Брока,— попросил Ван.

— Профессор просил сообщить, что его в институте сегодня не будет,— ответил автомат.

— А что с ним?

— Нездоровится.

— Где же он может быть? — пробормотал Ван.

— Ливен Брок вам срочно нужен? — осведомился автомат после паузы.

— Срочно!

— Могу сообщить его координаты.

— Пожалуйста,— сказал обрадованный Ван и придвинул блокнот.

— Профессор Ливен Брок сегодня дома,— изрек автомат.— Его адрес: улица...

Не дослушав, Ван отключил связь. Он снова обошел дом и сад. Может быть, Ливен Брок срочно уехал куда-нибудь? Но в

таком случае он оставил бы записку — Брок человек аккуратный. Обзвонив все, что только можно, Ван убедился, что Ливен Брок исчез. Исчез без следа, не оставив даже записки.

Что могло случиться?

Усталый Ван спустился в лабораторию. На столе лежал раскрытый лабораторный дневник, последняя запись в нем, датированная вчерашним днем, была оборвана на полуслове.

Этот дневник Ван хорошо знал. Он и сам иногда оставлял в нем записи с ведома Ливена Брока. Ливен Брок любил повторять, что лабораторный журнал — зеркало опытов, потому вести его следует тщательно и полно.

Может быть, в последних записях он найдет что-нибудь?.. Ван внимательно перечитал последние страницы. Однако все они относились к ходу обучения Энквена и не проливали света на исчезновение Ливена Брока. В другое время Ван уделил бы больше внимания записи под интригующим заголовком «Энквен — действие поцелуя». Но сейчас нужно было действовать. Мало ли что могло случиться со старым профессором?

Прежде всего надо связаться с координационным советом и сообщить о странном исчезновении Ливена Брока.

Глава 3

ПОИСК

*Мир един, и в нем неразделимы
Ярость гор и ласковость долин,
Тропики — и северные зимы,
Ненависть — с любовью...
Мир един!*

Миновали сутки — обнаружить пропавшего Ливена Брока не удалось.

В поисках человека и робота обшарили Зеленый городок и его окрестности. Прочесали тайгу. Добровольцы взмыли ввысь на летательных аппаратах и прощупали ее вдоль и поперек — не мелькнет ли сквозь ветви заблудившаяся фигура, не покажется ли дымок костра. По тайге разбрелись поисковые группы. Но никаких следов Ливена Брока и Энквена обнаружить не удалось.

На следующий день после водных испытаний ветер улегся, тучи рассеялись, и снова установилась хорошая погода. Но

Карбенко и Волга уже не нуждались в ней. Все белковые роботы группы «Пиона» научились плавать, все, за исключением исчезнувшего Энквена.

Куда могли деваться Энквен и его воспитатель? На земле они не оставили следов. Оставались воздух и вода.

Кропотливая проверка показала: все летательные аппараты Зеленого городка на месте. Значит, ни Ливен Брок, ни Энквен улететь из города не могли.

Вода? На много километров вверх и вниз по течению проверили Обь и ее берега. Но и спокойная река, залитая солнцем, не дала ответа на волновавший всех вопрос.

Поиски продолжались.

Кто-то вспомнил, что Ливен Брок собирался однажды на прогулку в район пещер, расположенных в двадцати километрах юго-западнее Зеленого городка. Чем черт не шутит?! Решено было обследовать пещеры. Выбор пал на Алексея Волгу. Все знали, что он увлекается спелеологией. В помощники к Волге напросился Карбенко, еще не бывавший в пещерах.

— Кого же дать вам еще? — озабоченно сказал председатель совета. — Все в расходе...

— А нам никого больше не надо! — сказал Волга. — Я пещеры знаю как свои пять пальцев. С Володей мы быстро справимся.

— Пусть так, — сказал председатель. — Ступайте в пещеры. Со мной связывайтесь в любое время суток.

До пещер Волга и Карбенко добрались быстро.

— Главное — ничего не пропустить, — озабоченно сказал Алексей, когда они остановились перед несколькими входами, зиявшими в ноздреватой с прозеленью скале.

— На этот случай я прихватил схему пещер, — сказал Владимир, во всем любивший основательность, и похлопал себя по карману.

— Где это ты умудрился?

— В краеведческий слетал. Пока ты с председателем совета разговаривал, — улыбнулся Карбенко.

...На поверхность Карбенко и Волга выбрались совершенно измученными. Над тайгой стояла ночь. Равнодушные звезды мерцали в прохладной синеве. Летательный аппарат, четко вырезанный на фоне едва тлеющей зари, терпеливо дожидался хозяев.

Волга вытащил блок связи, включил его.

— Докладывайте, — сказал председатель координационного совета. — Нашли что-нибудь в пещерах?

— Никаких следов, — негромко сказал Волга.

— Ваша группа последняя,— произнес председатель.— Ни Ливена Брока, ни Энквена обнаружить не удалось. Что ж, вы свободны. Можете лететь отдыхать.

Карбенко слушал разговор, прислонившись к машине.

— Товарищ председатель, позвольте нам осмотреть коттедж Ливена Брока,— неожиданно попросил Алексей.

— Нет смысла. Дом осмотрел Ван Каро, потом там еще перебывало с десятков людей, даже электронным щупом пользовались... И никаких следов.

— Разрешите нам,— настаивал Алексей.

— Что ж, попробуйте,— сказал председатель без всякого энтузиазма.

Алексей подошел к машине.

— Летим к дому Ливена Брока,— сказал он.

— Что ты надумал? — спросил Владимир.

— Ничего конкретного. Я знаю только одно: разгадку нужно искать в доме Ливена Брока.

Карбенко пожал плечами.

— В шахматах бывают безнадежные позиции,— сказал он.— Защищать их нет смысла.

— Лети домой.

— Я полечу с тобой,— сказал Карбенко.

Машина легко оторвалась от земли и легла на курс к Зеленому городку. Они шли низко.

Показался Зеленый городок. Он напоминал сверху растревоженное море огней.

— Никогда Зеленый в эту пору так не сверкает,— сказал Карбенко.— Уже за полночь.

— Никто не ложится спать,— произнес Волга. Он всматривался вперед.

Миновали башню безмолвия.

— Причалим здесь,— сказал Алексей.

— Зачем?

— До коттеджа Ливена Брока нужно добраться без лишнего шума,— пояснил Волга.

Карбенко хотел что-то возразить, но ограничился тем, что пожал плечами и повел машину на снижение.

Бесшумная лента тротуара помчала их к дому Ливена Брока. В лицо бил ветер. Карбенко поежился от осеннего холода. Волга, кажется, не замечал ни ветра, ни холода. Рука его лежала на перилах, глаза, не отрываясь, смотрели вперед.

— Гляди! — еле слышно прошептал Алексей и толкнул в бок Владимира.

Вдали показался дом Ливена Брока. Дом стоял в глубине, окруженный фруктовым садом. Одно окно в доме светилось...

— Что за комната? — шепнул Карбенко.

— Кабинет.

Лента продолжала мчать ночных пассажиров. Теперь в окне ясно можно было различить темный силуэт. Похоже, кто-то сидел за письменным столом.

— Разувайся! — велел Волга и первым подал пример, сбросив ботинки.

Они сошли с ленты и крадучись подошли к садовой калитке. Остановились, шепотом совещаясь.

— Похоже, не такая уж безнадежная позиция, а? — сказал Волга.

— Ты думаешь, это Ливен Брок?

— А кто же еще?

— Как же это он вернулся незамеченным? — пожал плечами Карбенко. — В Зеленом переполох, весь город на ногах, а Ливен Брок дома как ни в чем не бывало? Согласись, это неправдоподобно.

— Факт налицо.

— Но почему же он сразу не радировал в совет? — кивнул Карбенко в сторону освещенного окна.

— Вернулся поздно, человек деликатный. Решил позвонить утром, — предположил Волга.

— Да может, Ливен Брок и не знает, что за время его отсутствия учинилась такая суматоха, — добавил Карбенко.

Волга кивнул.

— Сейчас мы исправим его ошибку, — сказал Карбенко. — Давай-ка блок связи! — и он потянулся к карману Волги.

— Погоди, — остановил его шепотом Волга.

— А чего мы шепчемся, как заговорщики? — громко сказал Карбенко.

— Тихо! — прошипел Волга. — А вдруг это не Ливен Брок? Что, если это Энквен?

— Действительно, по силуэту их не различишь, — почесал затылок Карбенко. Он присмотрелся к освещенному окну и произнес:

— Похоже, это Энквен.

— Почему ты так решил?

— Видишь? Фигура неподвижна, как камень.

Силуэт на оконной занавеске не шевелился.

— Энквен или не Энквен — все равно нужно радировать, — сказал Карбенко.

— Нельзя, — отрезал Волга. — Мы не знаем, какая мета-

морфоза произошла с Энквеном. Не забывай, что он лишен всяких ограничителей. Кто знает, что он мог сделать с Брокком? Сила двуглавой мышцы белкового робота...

— Надо вызвать подмогу, — торопливо перебил Карбенко.

— Роботы умеют перехватывать радиоволны, — сказал Волга. — Так что, если это Энквен, справляться придется нам самим.

Лицо Карбенко вытянулось.

— Ты спрячешься под окном, а я войду в дверь, — скорее угадал по движению губ, чем услышал он быстрый шепот Волги.

— Почему ты в дверь? Все-таки я чемпион Зеленого по вольной борьбе... — возразил Карбенко.

— В борьбе с Энквеном твои шансы равны нулю. Взять его можно только хитростью, — сказал Волга.

— Что ты задумал?

— У Энквена только одна уязвимая точка — антенна, — прошептал Волга. — Если он набросится, нужно ударом вывести ее из строя, тогда он потеряет координацию движений. Это наш единственный шанс. Ясно?

— Ясно.

— Ты будешь в засаде — на случай, если Энквен ринется в окно, — сказал Волга.

Волга, неслышно ступая, подкрался к крыльцу. Дом Ливена Брока он знал как свои пять пальцев. Старик любит порядок. Так и есть! Тяжелые садовые ножницы и лопата с коротким черенком лежали на месте.

— Возьми. Мне ножницы, тебе лопата, — сказал Волга, протягивая товарищу «холодное оружие». — Лопата потяжелее.

Карбенко взялся за влажное от ночной сырости древко.

— Только бей плашмя, — предупредил Волга. — Нужно его оглушить.

Карбенко, взяв лопату наизготовку, словно штык, двинулся на боевую позицию под окном.

Волга осторожно поднялся на крыльцо. Входная дверь отворилась, не скрипнув. Сжимая ножницы, он подошел к двери, ведущей в кабинет Ливена Брока. Ворсистый пластик поглощал звук шагов. Таким же пластиком Ливен Брок обклеил и стены: он любил тишину. И все-таки странно, что робот его не слышит. Занят чтением? Отключился? Или его чуткие анализаторы притупились?

Алексей приник к двери. Прислушался — тихо. Сталь ножниц холодила ладонь. Честно говоря, он слабо представлял

себе, как справиться с Энквеном. На данной стадии обучения единственная уязвимая точка белкового робота — основание крохотной параболической антенны, расположенной на макушке. Попасть туда в единоборстве с гибким и сильным Энквеном — все равно что с лету прострелить подброшенное кольцо.

Но выбора не было.

Приподняв над головой ножницы, Алексей рывком открыл дверь...

После пинг-понга Федор отправился в свою комнату. Нужно было разложить вещи и, кроме того, почитать на сон грядущий.

К лифту вел широкий, как проспект, коридор. Многоэтажный улей жилого корпуса постепенно замирал. Но еще хлопали двери, курсанты бегали друг к другу в гости, осваивались на новом месте, которое на много месяцев должно стать их домом. Завтра с утра начнутся трудовые будни.

Федор шел не спеша, поглядывая по сторонам. Двое курсантов вывешивали на стене просторный лист «Молнии». «И когда успели?» — подумал Федор. В другое время он остановился бы просмотреть стенную газету, но теперь только скользнул взглядом по пестро изукрашенному листу: интересная книга влекла его, как магнит.

— Федя, перекинемся в пинг-понг? — окликнул Икарова долговязый курсант, шедший навстречу, и подбросил на ладони целлулоидный мячик.

— Я только что с поля боя, — улыбнулся Федор, замедляя шаг.

— Со щитом или на щите?

— Увы!

— Победить Икарова может только Май. Угадал?

Федор развел руками.

— Ладно, до завтра на полигоне.

— До завтра, — кивнул Федор.

Пригладив влажные после душа волосы, Федор открыл дверь в свою комнату. В первый момент курсанту показалось, что он ошибся дверью: в полутьме вечерних сумерек в глубине комнаты перед ним маячила какая-то фигура.

— Простите... — произнес Федор и сделал шаг назад.

— Входите, молодой человек. Вы не ошиблись дверью, — будто угадав мысли Федора, произнес незнакомец. Голос у него был низкий, чуть надтреснутый — голос пожилого человека.

Глаза Федора немного привыкли к полутьме комнаты, и он успел рассмотреть, что гость был в плаще, под которым угадывалась сильная фигура. Руки он держал в карманах.

— Разрешите включить свет?

— Прошу, — сказал незнакомец.

Люминесцентные панели ярко вспыхнули, залив комнату светом.

— Профессор Ливен Брок? — воскликнул Федор.

— Гм, Ливен Брок... разве вы знаете Ливена Брока, юноша? — осведомился гость.

— Не лично, конечно... У меня есть ваше фото... — сбивчиво пояснил Федор.

Гость нахмурился, что-то соображая.

— Фото? Любопытно посмотреть, — сказал он наконец.

Слегка ошарашенный всем происшедшим, Федор вынул из кармана немного помятую фотографию и протянул ее неожиданному гостю. Тот бросил на нее быстрый взгляд, не вынимая рук из карманов.

— Точно, это Ливен Брок, — засвидетельствовал поздний гость.

— Это вас на Оби сфотографировали?

— Обь... верно... ну конечно, это Обь... быстрая вода... — пробормотал гость. — А вы умеете плавать, молодой человек? — вдруг спросил он.

— Плавать? — переспросил Федор.

— Плавать и нырять, как дельфины, — невозмутимо подтвердил гость.

— Умею, хотя и не как дельфин.

— А я вот плавать не умею, — вздохнул гость. — Может, научите меня?

— Вы, наверно, шутите, профессор?

Глаза гостя блеснули.

— Нисколько.

— Что ж, научу... Но вы, наверно, не за этим здесь? — произнес Федор. Только тут он спохватился, что в продолжение всего этого странного разговора гость стоит. — Садитесь, пожалуйста, — пригласил он.

— Благодарю.

Гость поклонился и сел, так и не вынув рук из карманов. Федор остался стоять.

— Вас, наверно, удивило мое позднее появление? — ровным голосом начал гость. — Поясню. Я живу и работаю в Зеленом городке. Знаете Зеленый городок?

Федор кивнул.

— Вы, насколько я понимаю, курсант Звездной академии? — спросил гость.

Федор снова кивнул.

— Мы, зеленоторцы, должны дружить с будущими астронавтами, — продолжал гость. — Наши ученые создают белковых роботов. Видели вы когда-нибудь белкового?

— Не приходилось.

— Скоро увидите, — пообещал гость. — В настоящее время мы готовим экипаж для фотонного звездолета «Пион». Корабль собирают на Лунных стапелях...

— Знаю, — сказал Федор.

— Как вас зовут, юноша?

— Федор Икаров.

Гость испытующе посмотрел на собеседника.

— Вы знаете, Федор, что такое биологическая связь? — спросил он.

— Знаю. Но только в теории... — неуверенно ответил Федор.

Гость кивнул.

— Я провожу важный опыт по передаче мысли на расстояние, — сказал он. — Для чистоты опыта необходимо, чтобы о нем никто не знал. Сообразите-ка: если о моем опыте будут знать люди, находящиеся недалеко от меня, они, естественно, смогут размышлять о моем эксперименте. Тем самым чистота опыта нарушится. Излучаемые ими биоволны смогут повлиять на те, которые будет испускать биопередатчик.

— У вас есть биопередатчик? — спросил Федор с заблестевшими глазами и скользнул взглядом по месту, где плащ гостя оттопырился.

Волнение Федора нетрудно было понять: наука о передаче мыслей на расстояние, о создании которой мечтал еще великий Циолковский, родилась сравнительно недавно. Биопередатчики были очень громоздки и несовершенны, действовали на коротком расстоянии, и количество их на Земле исчислялось единицами.

— Сам собрал, — с гордостью ответил гость.

Федор прошелся по комнате. Гость наблюдал за ним.

— Простите, профессор, — внезапно сказал Федор, остановившись перед гостем. — Ваш опыт может сорваться.

— Почему? — быстро спросил гость.

— Я-то ведь знаю о нем. И не смогу не думать, — пояснил Федор.

По лицу гостя пробежало облачко. Он размышлял над словами курсанта.

— Вы правы, Федор...— пробормотал он.— Я не подумал об этом. Странно...

— А когда вы хотели приступить к опыту?

— Сразу же. Немедленно!

— И работать всю ночь?

— Я в отдыхе не нуждаюсь,— впервые улыбнулся Ливен Брок. В улыбке его Федору почудилось что-то искусственное.

— На ночь меня можно заэкранировать,— сказал Федор.— А рано утром я уйду на занятия, и вы останетесь один.

— Это идея,— оживился гость.— Вы хорошо соображаете, курсant.

— Разрешите несколько вопросов,— кашлянув, сказал Федор.

— Пожалуйста.

— Почему вы выбрали для опыта именно мою комнату?

— По двум причинам. Во-первых, она угловая, что дает больший сектор передачи мыслеграммы. Во-вторых, комната находится на последнем этаже. А мне для опыта нужна наиболее высокая точка. Это связано со свойством распространения биоволн,— пояснил охотно гость.

— И еще одно... Кому вы, профессор, хотите передать мыслеграмму? — спросил Федор.

— Одному человеку...— гость запнулся.— Близкому мне человеку.

— Он остался в Зеленом городке?

— Да.

— А если не секрет... Какая именно мыслеграмма?

— Секрет, молодой человек. Пока я этого сказать не могу,— строго сказал гость.

— Простите,— смешался Федор.

— Ничего. Я знаю, что человек любопытен. Это хорошее качество.

Федор хлопнул себя по лбу.

— Как мне сразу не пришло в голову? — воскликнул он.— Я ведь могу переночевать у приятеля.— Тогда не нужно будет возиться с экранировкой, и вам никто не станет мешать...

Федор повернулся к двери, но гость вскочил и с неожиданной живостью схватил его за руку. Федору показалось, что кисть его обхватили железные клещи.

— Простите,— сказал гость, отпуская Федора.— Прошу вас, оставайтесь. Вы мне нисколько не мешаете.

Проговорив это, гость опять сунул руки в карманы.

— Хорошо, я останусь,— произнес Федор.

— Конечно, конечно. А экранировкой я сейчас займусь,—

сказал гость, придвигая стул поближе к столу. Ее сделать просто: нужно из металлического листа соорудить подобие колпака и надеть на голову. Лист я прихватил с собой.

Гость присел к столу, вытащил лист и принялся за дело. Федор отошел к окну. Нужно было собраться с мыслями, как того требовала неожиданная ситуация. Стояла глубокая ночь. Учебный полигон спал. Спала и облитая лунным сиянием тайга, окружающая со всех сторон строения полигона. Федор облокотился о подоконник. В глаза ему бросились два влажных следа на оконной доске. Похоже на следы ног. Кто мог их оставить? Профессор Ливен Брок? Что же он, на подоконник становился? Федор вспомнил, что, уходя играть в пинг-понг, оставил окно открытым. Что же, быть может, Ливен Брок выпрыгнул в окно? Федор Икаров усмехнулся абсурдности этой мысли. Он выглянул в окно. Глубоко внизу мерцал огонек велосипедной фары — кто-то возвращался с запоздалой прогулки.

Федор посмотрел на плащ гостя, мокрый от дождя или ночной росы. К плащу прилипли травинки и желтый кленовый лист.

Между тем гость закончил мастерить металлический кокус. Он отодвинул его в сторону, любуясь делом своих рук.

— Прошу вас, Федор, на ночь надеть этот колпак, — проговорил Ливен Брок. — Он обеспечит, надеюсь, достаточную экранировку.

Федор подошел к столу, и профессор снова сунул руки в карманы.

Суматошный день и длительный перелет давали себя знать. Только теперь Федор почувствовал, как устал.

— Спите, молодой человек. А я займусь делом, — услышал он уже в полусне.

Вытянувшись под одеялом, засыпая, он услышал, как Ливен Брок настойчиво, с повторами произносит странные слова: «Только большой мозг сумеет познать Вселенную... Только большой мозг разрешит все загадки земли и неба... Ливен Брок, тебя ждет башня безмолвия...»

Профессор сидел лицом к окну, низко склонившись над передатчиком, установленным на столе. Федор смотрел на его широкую сутуленную спину и думал: «Зачем он повторяет свое имя? К себе обращается, что ли?»

«Утром спрошу у профессора», — подумал Федор и повернулся на другой бок.

Последнее, что он услышал, был шепот, обволакивающий, как шум осеннего дождя:

«Ливен Брок, Ливен Брок... Цель человечества — вырастить большой мозг... Только мозг, равный по величине башне безмолвия, сумеет познать Вселенную...»

...А может, это уже сон?

Ван Каро пришел в коттедж Ливена Брока вечером, когда все поисковые группы уже вернулись после безуспешных поисков пропавших. Только Алексей Волга с Володей Карбенко еще не возвратились из пещер, но шансы на то, что они обнаружат какие-то следы, были ничтожны. Ван понимал это. Он пришел в дом Брока, влекомый неясным чувством. Долго рылся в книгах, перебирал записи Ливена Брока. Но что новое мог он найти после тех, кто перебивал здесь сегодня?

Устав до изнеможения, Ван сел за стол Ливена Брока и погрузился в раздумье.

Учитель и Энквен исчезли, и не осталось в доме ни малейшей зацепки, которая помогла бы распутать клубок.

Председатель координационного совета послал даже запрос в службу космического поиска. Оттуда ответили, что ни Ливена Брока, ни Энквена нет на спутниках и в кораблях ближнего космоса.

Словно космические пришельцы похитили их! Нет, инопланетян лучше оставить для детских сказок.

Разгадку нужно искать именно здесь, среди вороха записей и лабораторных журналов Ливена Брока.

Ван перечитывал рабочий дневник Ливена Брока, изучал записи, сделанные в последние дни. В то время Ван находился на даче, в одиночестве решая задачу о большом мозге, сформулированную Ливеном Броком. Ван снова и снова сопоставлял факты, анализировал, размышлял. Ван морщил лоб, догадка ускользала. Не до конца понятны были последние записи Ливена Брока. Поговорить бы с ним, поспорить! Свои расчеты, уже ненужные, Ван положил в ящик письменного стола Ливена Брока.

В последних записях Ливен Брок исповедовал взгляды, противником которых был всю жизнь. Даже почерк на последних страницах рабочего дневника изменился, стал неуверенным, ломким, словно чужая рука водила пером Ливена Брока. Но чья рука могла это быть?

Полки — хранилища информации уходили под потолок. Ван забрался на стремянку, на которой любил сидеть Ливен Брок, и принялся за полку, расположенную под самым потолком.

Ливен Брок собрал хорошую библиотеку. В течение долгой жизни он увлекался многими вещами, и битком набитые стеллажи хранили следы каждого из этих увлечений.

На полках блоки памяти соседствовали со старинными фолиантами, некоторые из них были напечатаны еще на бумаге и тем самым представляли собой музейную редкость.

Ван с трудом вытащил запыленный блок, спрыгнул со стремянки, сел за стол, надел наушники и погрузился в изучение блока, посвященного соображениям Ливена Брока о внеземных цивилизациях.

Внезапно дверь толчком отворилась. На пороге, занеся руку с садовыми ножницами, стоял Алексей Волга.

— Ван? — прошептал Алексей и медленно опустил руку с ножницами.

— Можно подумать, что ты увидел привидение, — заметил Ван.

Оторопелый Алексей, не выпуская ножниц, сделал несколько шагов к столу.

— Нашли что-нибудь в пещерах? — спросил Ван.

Алексей покачал головой.

— В саду решил поработать? — продолжал Ван. — Хорошая идея, только время ты выбрал неподходящее.

— Ножницы для того, чтобы...

— А, понимаю, ты решил меня подстричь, — подхватил Ван. — Очень мило, но я предпочитаю робота-парикмахера.

Волга махнул рукой и бросил ножницы на пол.

— Где Энквен? — выдавил он.

Ван отодвинул в сторону блок памяти.

— Друг мой Леша, — сказал он, — этот вопрос я как раз собирался задать тебе. Да что с тобой в конце концов?

Когда Алексей рассказал, в чем дело, Ван против воли расхохотался, хотя ситуация была достаточно серьезной.

— Значит, Володя под окном? — произнес Ван, что-то решив.

— Под окном.

— Ждет, когда Энквен выпрыгнет?

— Или когда я с ним договорюсь по-доброму. Занавеска на окне плотная, разобрать снаружи, кто находится в комнате, невозможно, — сказал Алексей.

— Ладно, будет Володе Энквен, — произнес Ван.

— Что ты придумал?

Не отвечая, Ван подхватил стремянку и поднес ее к окну.

— Стремянка в сложенном состоянии равна примерно росту человека, — подмигнул Ван. — Соображаешь?

— Пока нет.

— А еще кибернетик! Толкни створки окна, а я выброшу стремянку. Проверим, какова скорость реакции у товарища Карбенко,— пояснил Ван.

— Давай,— согласился Алексей.

Он распахнул окно, и стремянка полетела в сад. Глухой удар и выкрик Владимира потонули в дружном хохоте.

Вскоре с обиженным видом в кабинет вошел Карбенко.

Ван на правах завсегдатая в доме Ливена Брока отправился на кухню, где сварил крепчайший кофе.

Дымящийся напиток распили в молчании.

— Вы, собственно, с какими идеями прибыли сюда? — спросил Ван, отодвигая пустую чашку.

— Искать здесь разгадку,— обвел Алексей широким жестом стеллажи.

— Именно здесь ее нужно искать,— сказал Ван. Он встал из-за стола и подошел к стеллажам.

— А ты надумал что-нибудь? — спросил Владимир.

— Други, у меня есть кое-какие соображения,— сказал Ван.— Давайте их обсудим.

Ван пошарил глазами по полке, отыскал нужную книгу и уверенным жестом выдернул ее.

Книга была старинной. Кожаный потрескавшийся переплет, пожелтевшая грубая бумага, еле заметные следы букв на корешке — все хранило печать растаявших лет.

— Какой век? — спросил Алексей.

— Ты знаток окаменелостей. Ну-ка, определи по внешнему виду, когда возник этот раритет,— предложил Ван.

Алексей внимательно осмотрел увесистый том, который Ван не выпускал из рук.

— Двадцатый век,— сказал наконец Алексей.

— А точнее? — попросил Ван.

— Думаю, тридцатые годы.

— Верно. Что еще ты можешь сказать об этой книге? — спросил Ван.

Карбенко с интересом следил за разговором, зная, что Ван слов на ветер не бросает.

— Чтобы сказать что-либо о книге, ее нужно прочесть,— пожал плечами Алексей.

— Резонно. Но такого подвига от тебя пока не требуется,— ответил Ван.— Посмотри, в этом ряду стоят сплошь старинные книги. Ливен Брок в последнее время их не касался — вон как запылились. Когда Лин отсутствует, пыль выти-

рать некому: эту ответственную работу Ливен Брок не доверяет никому, кроме внучки. А вот эта книга читалась.

Ван провел пальцем по переплету и сказал:

— Видите? Пыли нет. Книгой усиленно пользовались.

Владимир взял из рук Вана книгу, раскрыл ее на титульном листе и прочел вслух: «К. Э. Циолковский. «Биологическая радиосвязь»».

— Разве Циолковский занимался биологической радиосвязью? — удивился Алексей.

— Как видишь, — сказал Ван. — Правда, тогда это называли задачей мысленной передачи информации. Циолковский бросил несколько идей...

— Их разработали? — спросил Владимир.

— Столетие спустя, — махнул рукой Ван. — Интересно другое. Вот послушайте.

Он взял книгу, быстро отыскал нужное место и прочел:

«Убежден, что развитие биологической радиосвязи приведет к распознаванию сокровенных тайн живого микрокосмоса и к решению великой загадки существования мыслящей материи».

— Милый Ван, все это интересно. Но нам-то что до этой книги? — произнес Алексей.

— Прошу обратить далее внимание на поля этой книги, — сказал Ван и перевернул несколько листов.

Поля книги были испещрены многочисленными пометками.

— Ты-то когда познакомился с этой книгой? — спросил Владимир.

— Целый день сегодня штудировал. Нет худа без добра, — ответил Ван.

— Чьи пометки? — склонился над книгой Алексей.

— Почерк Ливена Брока, — сказал Ван.

Некоторые пометки были сделаны другим почерком — ровным, прямым, почти печатным.

— Это, наверно, заметки человека, жившего в давнопрошедшие времена, — высказал предположение Владимир.

Ван покачал головой.

— Двойная ошибка, Володя, — сказал он. — И не давнопрошедшие времена, и... не человек.

— Ты хочешь сказать... — начал Алексей.

— Вот именно, — перебил возбужденно Ван. — Книгу усиленно штудировал и Энквен. Только у белкового может быть такой почерк.

Они внимательно просмотрели несколько пометок Энквена.

— Итак, Энквен был знаком с биологической радиосвязью, — сказал Алексей и захлопнул книгу.

— Вот та печка, от которой я пытался танцевать, — произнес Ван.

— Давайте танцевать вместе, — предложил Владимир.

— Вот тут в одном месте Ливен Брок пишет на полях, что с помощью биологической радиосвязи возможно внушение на расстоянии, — сказал Ван. — Будем исходить из предположения, что Энквен мог прочесть эту запись.

— Допустим, — согласился Владимир. — Но для мыслеграммы нужен передатчик. У Ливена Брока, а следовательно и у Энквена, передатчика не было.

— Передатчиков всего-то на Земле раз, два — и обчелся, — сказал Алексей.

— Братцы, а не мог ли Энквен сам соорудить передатчик? — спросил Ван. — Принципиальная схема аппарата известна, нужные материалы в лаборатории Ливена Брока имеются...

Алексей вскочил с места в сильном волнении.

— Мог! Мог Энквен это сделать! — закричал он. — Мне Ливен Брок с неделю назад говорил, что его Энквен что-то мастерит, целыми днями не выходит из лаборатории. «А что мастерит, я и сам не знаю», — сказал тогда Ливен Брок. Я ему: «Смотрите, чтобы Энквен весь Зеленый на воздух не поднял!» А Ливен Брок рассмеялся и говорит, что он Энквену вполне доверяет.

— Что ж ты не сказал об этом раньше? — спросил Ван.

— Не придавал разговору никакого значения, — виновато произнес Алексей.

— Допустим, Энквену удалось собрать передатчик, — вмешался Владимир. — Что же дальше?

— А дальше то, что Энквен мог попытаться внушить Ливену Броку, что люди обязаны вырастить в башне безмолвия большой мозг! — закричал Ван.

— Откуда ты взял, что Энквен хочет этого? — удивился Владимир.

— Да все оттуда же! — хлопнул Ван по книге.

— Стоп, братцы, — сказал Алексей. — Какая-то ниточка прощупывается. Давайте строить версию. У нас уже есть кое-какие улики.

— Улики, версия... — язык криминалистов, — бросил Ван. — Энквен не преступник.

— У него нет ограничителей, — напомнил Владимир.

— Но у него есть такой воспитатель, как Ливен Брок,— отрезал Ван.

— Ладно, будем строить рабочую гипотезу,— примири-тельно произнес Алексей.— Итак, Энквен соорудил передатчик и, спрятавшись в безопасном месте, загипнотизировал Ливена Брока. Но где же он мог укрыться? И где сам Ливен Брок?

— Каков радиус действия биопередатчика? — спросил Владимир.

— Едва ли больше двадцати километров,— ответил Алексей. Ван хлопнул в ладоши.

— Предположим, Энквен удалился от Зеленого на максимальное расстояние — двадцать километров,— сказал он.— На какую высоту ему нужно забраться, чтобы осуществить биопередачу?

Владимир схватил листок и карандаш.

— Сейчас прикину,— произнес он.

Алексей, подойдя сзади, наблюдал за выкладками.

— 150 метров,— сказал Владимир через несколько минут и швырнул карандаш на стол.

— 150 метров...— повторил Алексей, что-то соображая.— Есть у нас сооружения такой высоты?

— Башня безмолвия,— подсказал Владимир.

— Если б Энквен залез на башню, его бы сразу там обнаружили,— покачал головой Ван.— А забраться внутрь, как вы знаете, он не мог.

— Я чувствую себя, как два часа назад, в подземной пещере,— признался Владимир.— Полная тьма, бредешь на ощупь и всюду натыкаешься на стены.

— Там хоть фонарик был,— сказал Алексей.

— У Ливена Брока в гостиной висит карта,— сказал Ван.

— Какая карта? — спросил Владимир.

— Топографический план окрестностей Зеленого городка,— пояснил Ван.— Туристские маршруты.

Они вошли в гостиную, включили свет и долго проверяли карту.

Ни одно из сооружений в окрестностях Зеленого не имело нужной высоты.

— Может быть, какой-нибудь холм или скала...— сказал Владимир.

— В окрестностях Зеленого нет таких скал и холмов,— перебил Алексей.

— Посмотрите сюда,— указал Ван на группку коричневых кубиков в углу карты.

— Что это? — спросил Владимир.

— Учебная база Звездной академии, — сказал Ван. — Только там может быть сооружение нужной высоты.

— Летим на учебную базу, — сказал Алексей. — Нельзя терять ни минуты.

— Может быть, радируем в совет? — предложил Владимир.

Ван покачал головой.

— А вдруг ложная тревога?

— Сами справимся, — решительно произнес Алексей.

Когда они вышли из дома Ливена Брока, восток еле-еле зарозовел, обозначая рассвет.

Федору Икарову снился странный сон. Будто бы он подружился с профессором Ливеном Броком — чудаковатым стариком. Они идут по берегу Оби. Солнце, ясное небо, жара. Только почему Ливен Брок в плаще? И рук из карманов не вынимает.

Берег крут и высок, и река сверкает так, что глазам больно.

— Давай прыгнем вниз, — предлагает Ливен Брок.

— Здесь глубоко, — предупреждает Федор.

— Тем лучше. Ты меня научишь плавать.

— Хорошо, — соглашается Федор, — только плащ нужно снять.

Старик упрямо мотает головой.

— Хоть руки выньте из карманов, — говорит Федор.

— Не могу.

— Как же вы плавать будете?

— Научи.

Резкий стук в дверь разбудил Федора. Он сел в постели, машинально пробормотал: «Войдите!» Дверь распахнулась, в комнату вошли три человека.

Ночной гость Федора, сидевший у стола, вскочил с места, схватил передатчик и неуловимым движением вскочил на подоконник.

— Энквен! — выкрикнул странное слово тот, кто вошел первым.

Профессор прижал к груди передатчик и толкнул оконные створки. Кто-то из вошедших успел схватить его за руку, но Ливен Брок резко вырвался и наклонился над бездной.

— Профессор! — закричал Федор.

Его крик словно послужил толчком. Подняв над головой руки с передатчиком, будто неумелый пловец, гость выпрыгнул из окна.

— Упустили,— с досадой произнес крепыш, потирая ушибленную руку.— Вырвался.

— Кто вы такие? Кто дал вам право...— грозно начал Федор. Он стоял во весь рост, обернувшись простыней, словно тогой.

— Теперь далеко не уйдет,— перебил Федора самый высокий, обращаясь к своим товарищам.

— Он убится,— сказал Федор.

— Что ты, курсант,— произнес крепыш.— Для белкового сорок этажей — сущие пустяки.

Все четверо сгрудились у окна, глядя вниз и стараясь что-нибудь разобрать.

Глава 4

БАШНЯ БЕЗМОЛВИЯ

*Жизнь рождают звездные реторты,
Бьются беспокойные аорты —
Кровь бежит по жилам голубым,
И кружась несется по вселенным,
По раздутым, опьяненным венам
Шар земной наш тельцем кровавым.*

Когда Федор и три его неожиданных гостя, спустившись на лифте, выбежали во двор, там уже успела собраться небольшая толпа.

— Неужели это профессор Ливен Брок?

— Что случилось? — слышались взволнованные голоса.

— Я сам видел, как он выпал из окна. По-моему, с самого последнего этажа,— повторял молодой человек, придерживавший велосипед.

— Разбился! Разбился! — повторяли голоса.

Федор, запахивая на голой груди куртку, с трудом протиснулся сквозь гудящее людское кольцо вслед за коренастым незнакомцем.

Гость Федора полулежал на асфальте. Рядом валялись обломки разбитого вдребезги биопередатчика. Опустившись на колени, Май пыталась нащупать пульс пострадавшего. Тот силится что-то сказать, но изо рта вылетали лишь невразумительные звуки:

— Ба... ба... ба...

— Я должен внести ясность,— громко сказал коренастый и коротко пояснил толпе, что перед ними не профессор Ливен

Брок, которого, к сожалению, до сих пор не разыскали, а его воспитанник, белковый робот Энквен.

К удивлению, Федор обнаружил, что о чрезвычайном происшествии в Зеленом городке знали все, кроме него. Очевидно, он из-за пинг-понга прослушал всеобщее оповещение.

Увещаемые комендантом, люди медленно разошлись. Курсанты обсуждали необычное происшествие. Последней ушла Май. Оглянувшись, она улыбнулась Федору.

Трое стояли подле лежащего Энквена, о чем-то тихо переговариваясь.

— Я помогу вам,— сказал Федор, и тот, что стоял поближе, кивнул, выражая согласие. Федор уловил уже, что его зовут Ван, а двух остальных — Володя и Алексей.

— Центр равновесия сместился,— сказал Ван.

— И речь нарушена,— добавил Алексей.

Владимир вызвал машину. Помахивая крыльями, она опустилась рядом.

Вчетвером они еле-еле погрузили Энквена.

— Какой тяжелый! — удивился Федор.

Они остановились, чтобы отдышаться.

— Будем считать, что познакомились,— сказал Владимир и хлопнул Федора по плечу.— Приходи в Зеленый, в шахматы сразимся...

— У меня к тебе вопрос, Федор,— сказал Алексей.— Когда ты обнаружил в комнате постороннего, он назвал себя Ливеном Броком?

Федор пожал плечами.

— Энквен не сделал в сущности ничего плохого,— произнес он, почувствовав вдруг необъяснимую симпатию к могучему, лишенному страха Энквену.

— Дело не в этом,— сказал Алексей.

— А в чем же? — спросил Федор.

— А в том, что белковый робот Энквен не имеет права лгать,— пояснил Ван.

— Понимаю: у него такой ограничитель? — решил блеснуть Федор своими познаниями в биокибернетике.

— Нет, у него такое воспитание,— сказал Владимир.

— У Энквена нет никаких ограничителей,— сказал Ван.

— Разве так бывает? — растерянно спросил Федор.

— Бывает,— подмигнул неожиданно Владимир.

— Нам очень важно, Федор, чтобы ты рассказал, как было,— сказал Ван.

Федор задумался.

— Когда я после пинг-понга вернулся к себе,— начал он,—

то с порога заметил в комнате постороннего. Я сразу узнал его...

— Узнал? — поднял брови Алексей.

— У меня есть фотография Ливена Брока, — пояснил Федор.

— Ясно, — кивнул Ван. — Дальше.

Федор переступил с ноги на ногу.

— Ну, я и обратился к гостю, назвав его Ливеном Броком, — произнес он.

— Значит, именно ты назвал Энквена Ливеном Броком, а не он сам себя? — переспросил Ван.

— Вспомни, это очень важно, — добавил Алексей.

— Я назвал Энквена Ливеном Броком, — твердо сказал Федор.

— Уф, гора с плеч! — произнес Ван.

— Спасибо, друг, — сказал Алексей.

Владимир молча обнял на прощанье Федора.

Федор подождал, пока машина поднимется в воздух. Когда орнитоптер превратился в слабо светящуюся звездочку, Федор пробормотал: «Вверху одна горит звезда, мой взор она манит всегда». Федор любил стихи, сам пробовал их писать и в минуты волнения часто вспоминал строки Лермонтова.

Когда орнитоптер лег на курс, Алексей вызвал координационный совет и кратко рассказал председателю обо всем происшедшем.

— Ваши выводы? — спросил председатель, когда Алексей умолк.

Алексей посмотрел на Вана и Владимира.

— Мы считаем, что нити сходятся к башне безмолвия, — сказал он, переводя взгляд на распростертое тело Энквена.

— Похоже, — согласился председатель. — Однако же, если бы в башню безмолвия кто-то проник, немедленно сработал бы сигнал защиты. Но такого сигнала не поступало. Как же сумел Ливен Брок проникнуть в башню?

К мембране пригнулся Ван.

— Энквен тоже проник в курсантский корпус, — сказал он.

— Хорошо, займитесь башней, — решил председатель после паузы. — Помощь нужна?

— Нет, — почти одновременно ответили все трое.

— Добро. Жду радиограмм, — сказал председатель, и мембрана щелкнула, отключаясь.

Орнитоптер чуть вибрировал, мчась к Зеленому городку на предельной скорости.

Мысли всех троих были поглощены теперь башней безмолвия. Башня не поражала размерами. Земля знала сооружения и побольше. Однако по сложности с башней вряд ли могло бы сравниться любое другое творение землян.

Ван нарушил молчание.

— Этой ночью я познакомился с мыслями Ливена Брока о внеземных цивилизациях,— сказал он.

— Прочел на полях книжки Циолковского? — спросил Владимир.

— Нет, эти соображения содержатся в одном блоке памяти Брока,— ответил Ван. — Я прослушивал этот блок как раз перед тем, как в кабинете профессора ворвался какой-то черт с садовыми ножницами...

Алексей улыбнулся.

— Я еще постригу тебя, Ван,— пообещал он.

— Вернемся к блоку памяти,— напомнил Владимир.

— Ливен Брок говорит там в одном месте,— произнес Ван: — «Если бы я повстречался с представителем инопланетной цивилизации и он спросил меня: «Чем ты, землянин, можешь гордиться?» — я ответил бы: «Башней безмолвия».

— Брок несколько пристрастен: он отдал башне полжизни,— заметил Алексей.

— А я согласен с Ливеном Броком,— задумчиво произнес Ван. Он подумал о гроздьях биологических реакторов, в сокровенных глубинах которых выращивались самые совершенные счетно-логические устройства: там синтезировались клетки серого вещества — головной мозг белковых роботов. С легкой руки Ливена Брока их называли еще белковыми братьями.

— Я часто думаю о белковых братьях,— будто угадав его мысли, сказал Алексей. — Чтобы создать человека, эволюции понадобились миллионы лет. Возникали и рушились горы, мелели моря, а хрупкий белковый комок, возникший некогда в древнем море, жил, размножался и набирал силы. Через какие только испытания не прошла земная жизнь, прежде чем стала она разумной! Белковый комок прошел через все мытарства, перешагнул через все ступеньки эволюции, прежде чем превратился в человека разумного. А белковые братья? Они выходят готовенькими из камеры синтеза. Эволюция, оказывается, ни при чем.

— Ты забываешь, что каждый белковый получает длительное воспитание,— заметил Владимир.

Алексей махнул рукой.

— Воспитание — это не то, — сказал он. — Разве можно подменить эволюцию?

— Мы не подменяем эволюцию, Леша, — произнес Ван. — Мы только используем ее законы. Разве физики подменяют законы природы? Они открывают их, чтобы заставить служить человеку. Возьми, например, гравитацию, о которой столько теперь говорят. Когда человек познает ее законы, он сможет их использовать, и могущество его удесятерится. Что же касается белковых братьев, то в настоящее время...

Энквен едва ли слышал разговор людей. Из окна Федора Икарова он выпрыгнул, повинувшись внезапному импульсу. Воспитатель называл это качество самостоятельностью, Лин — строптивостью. Высота в сорок этажей была для Энквена не страшна, но, рассчитывая силу толчка, Энквен упустил из виду вес передатчика. В результате робот приземлился неудачно. Поломки вызвали жгучую боль, но сказать об этом подбежавшим людям Энквен не мог: он даже пошевелиться был не в состоянии. К счастью, протиснувшийся сквозь толпу Ван Каро сразу же сообразил, в чем дело, и, не мешкая, отключил регулятор ощущений Энквена. Ван поспел вовремя: не сделай он этого — и робот мог погибнуть. Сильная боль могла привести к шоку и необратимой смерти. Как только Ван отключил регулятор, боль начала утихать, и по сильному телу Энквена волнами растеклось онемение. «Ощущение сродни невесомости» — такова была последняя мысль, которую зафиксировал засыпающий мозг белкового робота. Не получая никакой информации извне, клетки мозга Энквена одна за другой погружались в спячку.

— Прилетели! — воскликнул Владимир, выглянув в иллюминатор.

Аппарат повис над землей, и все трое выпрыгнули.

Ранняя заря окрасила башню безмолвия в розовый цвет, но людям было не до красот.

После краткого совещания решили, что Ван направится внутрь башни на поиски Ливена Брока. Что касается Владимира и Алексея, то они повезут Энквена в киберцентр — это дело тоже не терпело отлагательств: ткани Энквена могли атрофироваться.

В башню безмолвия, святая святых, имели доступ лишь несколько человек в Зеленом городке — альфа-ритмы их головного мозга были записаны и усвоены чуткими анализаторами башни. Только эти люди и руководили (на расстоянии, из зала, пользуясь дистанционным управлением) процессом синтеза головного мозга для белковых братьев.

Остальных людей башня «не признавала».

Для экстренных случаев имелся манипулятор — самоходная рабочая кабина, в которой можно было перемещаться по лабиринтам башни безмолвия.

Впрочем, залом с дистанционным управлением, тем более кабиной-манипулятором биокibernетики пользовались крайне редко: автоматика башни безмолвия работала безукоризненно.

Многотонная глыба автоматической двери беззвучно закрылась за Ваном. Зал управления встретил его первой неожиданностью: внешняя сигнализация башни оказалась отключенной. Это значит, что контроль над реакциями синтеза, протекающими в камерах, был снят. Кто мог решиться на это? Ливен Брок? Но ему лучше, чем кому-либо другому, известно, что неуправляемые реакции синтеза легко могут отклониться от равновесного состояния, сместиться насколько угодно в сторону, вплоть до взрыва.

Ван торопливо сел в манипулятор, способный перемещаться в специально созданном силовом поле башни, надел шлем, опустил на виски клеммы, служащие для передачи манипулятору мысленных приказов.

Говорят, такими манипуляторами будет оснащен новый фотонный звездолет, заложенный на Лунных стапелях...

Сейчас не время думать о постороннем, нужно сосредоточиться для мысленного приказа.

Ван отдал команду, и кабина медленно тронулась с места, словно пузырек воздуха в толще воды.

За прозрачными стенками кабины поплыли бесчисленные установки, в разнокалиберных трубках пульсировали разноцветные жидкости, один блок сменялся другим.

В привычной обстановке, известной по экрану дистанционного зала до мельчайших подробностей, Ван немного успокоился. Башня продолжала работать, и каждый блок ее был для Вана открытой книгой. Он уже не думал о том, что каждую секунду может взлететь на воздух — мало ли что задумал тот, кто отключил защиту и проник в башню.

То ускоряя, то замедляя движения манипулятора, Ван продолжал продвигаться вперед, пристально всматриваясь в белые нити, пронизывающие все установки башни и связывающие их между собой в единый гигантский организм.

Пока что повреждений не находилось.

Приближаясь к центральному индикатору башни, Ван не смог унять волнения. В результате поток мысленных команд исказился. Кабину залихорадило, она начала вибрировать. Несколько раз, вильнув в сторону, она сильно ударилась о стену.

«Взять себя в руки!» — приказал Ван. Кабина пошла ровнее. Повинуясь команде Вана, она мчалась теперь к сердцу башни безмолвия.

Люк впереди плавно отворился. Кабина влетела в круглый зал и повисла в воздухе, слабо покачиваясь.

В зале было полутемно — больше света здесь не полагалось. Когда глаза привыкли, Ван приблизился к сфере, наполненной голубоватой светящейся жидкостью. В разных направлениях сферу то и дело пронизывали золотистые искорки. В центре ритмично пульсировала треугольная масса темного цвета.

Одного взгляда Вану было достаточно, чтобы определить, что сердце башни работает как положено. Значит, синтез клеток мозга роботов проходит нормально.

Почему же тогда на пульте манипулятора не перестает мигать красная лампочка — сигнал неблагополучия в башне?

Отвратительное чувство собственной беспомощности охватило Вана. Связаться с координационным центром, вызвать подмогу? Но дорога каждая минута. А кроме того, кто лучше, чем он, знает все звенья башни безмолвия? Разве что исчезнувший профессор Ливен Брок — один из ее создателей.

Неужели все-таки придется, вызвав помощь, поставить под удар нормальную работу башни?

Ван Каро обладал счастливой способностью на лету схватывать то, на что другому потребовались бы месяцы и годы. Но что значит здесь, сейчас эта его способность?

Башня безмолвия имеет миллионы блоков и секций, и все они работают независимо друг от друга. Иначе нельзя. Чем выше автономность отдельных блоков, тем большей живучестью отличается мозг робота. Предположим, белковый попадет в беду — осколок метеорита пробьет ему голову. Пусть даже три четверти головного мозга выйдут из строя, оставшаяся часть все равно будет работать нормально. Остальные клетки, оставшиеся неповрежденными, примут на себя все функции головного мозга, и робот останется в строю.

Сидя в неподвижном манипуляторе, Ван раздумывал. Проверять все секции подряд? На это уйдет несколько дней. Установить с помощью сигнализаторов, в каком именно блоке находится Ливен Брок или кто там еще, нельзя. Если бы кибернетики Зеленого городка установили в башне безмолвия такую аварийную систему, мозг робота, выращиваемый здесь, уже не мог бы обладать такой поразительной живучестью.

Единственное место, которое вне подозрений, — это центральная камера высшего синтеза. О том, что заключительный этап выращивания головного мозга белковых роботов проходит

без отклонений, говорил тот факт, что сердце башни безмолвия работает, как обычно.

Сидя в манипуляторе, который покачивался, словно лодка на волнах, Ван продолжал соображать, что же делать дальше. Мысли его вновь и вновь возвращались к странному, ни с чем не сообразному поступку Энквена.

Какое коленце выкинут завтра Энквен и другие белковые роботы? Вдруг эти добрые силачи, способные завязать багор узлом и вспрыгнуть на сороковой этаж, взбунтуются?

Какая ирония судьбы: именно Ливен Брок, первый пострадавший из людей, настоял на том, чтобы новая партия белковых, самым развитым из которых был Энквен, воспитывалась без ограничений.

А вдруг человек вырастил себе врагов, страшных в своей беспощадности?

Ван бросил взгляд на часы. Время шло. Ван решил уже было, махнув рукой, начать свои поиски с самой нижней, первой камеры.

Манипулятор дрогнул и тихо, осторожно набирая скорость, скользнул вниз по вертикальному переходу.

Но вдруг, неожиданно для самого себя повинуясь какому-то шестому чувству, Ван решил, не доверяя ритмичной работе башенного сердца, собственноручно проверить работу центральной камеры синтеза, своими глазами убедиться, что Ливена Брока там нет.

Ван не мог отдать себе отчет, на чем основано его решение.

Повинуясь новому приказу, манипулятор замер на месте, затем резко рванулся в противоположную сторону.

Через несколько минут Ван воочию увидит картину, доселе знакомую только по экрану в зале, откуда осуществляется дистанционное управление процессом синтеза. Высокое помещение, представляющее собой круг, равный поперечному сечению башни безмолвия. Сетка, состоящая из одинаковых ячеек, которые издали напоминают медовые соты. И в каждой ячейке зреет серый комок — будущий головной мозг белкового робота...

Залетев под купол центральной камеры синтеза, манипулятор остановился. Уже начав досадовать в душе, что зря теряет здесь время, Ван сверху оглядел камеру. С того момента, когда он в последний раз наблюдал по экрану за камерой, что-то тут изменилось, что-то резало глаз. Но что? Стены, сходящиеся сверху в одну точку — вершину купола, светятся как обычно. Их ровный зеленоватый свет говорит о том, что процесс синтеза мозговой ткани проходит нормально. По краю

круга с «медовыми сотами», окаймляя его, мерно, в заданном ритме сердца башни колышутся трубы — сосуды, которые питают растущую мозговую ткань. Они подобны лианам тропических джунглей.

Ван спустился пониже... и не поверил своим глазам: перегородок между ячейками не было. Круг, где проходил высший синтез мозговых тканей, был теперь сплошным. Кто мог разрушить и убрать перегородки?

Наспех вырванные, сломанные перегородки валялись тут же, у кругового барьера, небрежно сваленные в кучи.

План созрел мгновенно. Прежде всего нужно обыскать «тропики» — так называли заросли питательных трубок еще те, кто вместе с Ливеном Брокм монтировал башню безмолвия.

Манипулятор в «тропиках» бесполезен: он запутается в трубках, застрянет на первом же метре.

По команде Вана машина опустилась на обод, окаймляющий круг. Ван снял ненужные уже клеммы, сорвал шлем. Откинув прозрачный люк и выйдя из кабины, он сразу же ощутил жаркое дыхание сырой, насыщенной специальными составами атмосферы. Психрометр на барьере показывал, как обычно, стопроцентную влажность, необходимую для синтеза.

Ван сразу взмок. Если Ливен Брок где-то здесь, то каково ему?..

Осторожно раздвигая свисающие, перевитые трубки, Ван продвигался вперед. Неожиданно впереди в полутьме мелькнула неясная фигура. Сердце Вана забилося. Он сделал еще несколько шагов и наткнулся на Ливена Брока.

Старый профессор стоял, прислонившись к толстой трубе, словно к стволу дерева. Он тяжело дышал, глаза его блуждали. Появление Вана, кажется, не удивило Ливена Брока.

— Ван... я ждал... тебя, — отрывисто произнес Ливен Брок, стараясь вздохнуть поглубже.

Душный, тепличный воздух, насыщенный химикалиями, не приносил облегчения.

— Пойдемте к манипулятору, профессор, — сказал Ван. — Там есть кислород.

— Да... кислород... — согласился Ливен Брок и, сделав шаг, пошатнулся. Не подхвати его Ван, Брок упал бы. Вана поразило странное выражение лица Ливена Брока. Таким он его не видел никогда. Похоже, что Ливен Брок спал или грезил наяву.

Кое-как они двинулись к кабине, останавливаясь чуть не через каждые два шага.

— Зачем вы здесь, профессор? — спросил Ван.

Ливен Брок не ответил, словно не расслышав вопроса. Они прошли еще несколько шагов.

Молчание нарушил Ливен Брок.

— Я допустил ошибку, Ван,— вдруг произнес он негромко. Ван споткнулся.

— Впрочем, ошибся и ты,— продолжал Ливен Брок.— Наши расчеты ничего не стоят. Объем головного мозга у белковых роботов слишком мал.

— Я заново пересчитал...

— Ошибка,— перебил Ливен Брок.— Ты говоришь о расчетах, которые я поручил тебе произвести?

— Да, учитель,— обрадовался Ван.

— Где же они?

— Я пришел с ними к вам домой, но не застал вас,— сказал Ван.

— Когда это было?

— Вчера утром.

Ливен Брок остановился.

— Вчера утром? Не помню. Ничего не помню,— нахмурился он.

Ван осторожно потянул Брока за руку.

— Пойдемте, учитель,— тихо сказал он.— В Зеленом встречены вашим исчезновением...

— Сначала нужно закончить дела здесь, в башне безмолвия,— махнул свободной рукой Ливен Брок.— Хорошо, что ты пришел. Вдвоем мы справимся быстрее.

— Осторожно,— сказал Ван и схватил Ливена Брока за руку. Профессор шагал, не разбирая дороги, как лунатик, и едва не провалился в люк.

— Послушай меня, мальчик,— вдруг произнес Ливен Брок торжественно.— Мы с тобой должны здесь вырастить большой мозг. Большой, понимаешь? Он должен быть величиной с башню безмолвия. Только большой мозг даст человеку могущество, поможет разгадать тайны Земли и неба,— закончил он скороговоркой.

Знакомые слова! Именно их повторял Энквен ночью, в комнате у Федора Икарова. Курсант запомнил эти слова.

Значит, учитель до сих пор находится под внушением, действие которого оказалось необычайно сильным. Может быть, таково действие биопередатчика, собранного Энквеном и погибшего в результате неудачного прыжка робота?

Передатчик расшибся вдребезги, над Энквеном, потерявшим сознание, колдуют сейчас биологи и кибернетики, но Ливен Брок продолжает выполнять его волю...

Как снять внушение? Нужно попытаться воздействовать на Ливена Брока логикой (последовательность мышления всегда была сильной стороной старого воспитателя).

Ливен Брок дышал тяжело, словно карабкался по крутому склону.

— Разве у нас плохие получаются роботы, учитель? — нарушил паузу Ван.

— Они могут быть в сто раз лучше, — отрезал Ливен Брок. Ван покачал головой.

— Нет, не могут, — сказал он.

— У наших роботов слишком малый объем головного мозга, — заметил Ливен Брок.

— Мы исходили из объема человеческого мозга.

— Ну и что?

— Вы же сами говорили, учитель, что природа за миллионы лет эволюции создала человеческий мозг, объем которого является оптимальным.

Ливен Брок вытер лоб.

— Я говорил?

— Не только вы... Опыты и расчеты подтвердили этот факт, — сказал Ван.

— Будущее Земли — большой мозг, — упрямо повторил Ливен Брок. — Мы с тобой должны вырастить его, соединив вместе все камеры башни безмолвия.

Они вышли к кольцу, охватывающему круг, внутри которого свершалось таинство синтеза.

Ливен Брок пнул ногой груды вырванных перегородок, затрепетавших, словно крылья.

— Видишь? — сказал Ливен Брок. — Я вырвал проклятые перепонки. — Пусть отдельные массы стыкуются, срастаются между собой. Получится единый мозг.

— Учитель, единый мозг не получится, — сделал Ван еще одну попытку воззвать к логике. Отдельные части мозга такой огромной величины (обвел он рукой круг) будут как бы погашать друг друга, взаимно уничтожаться. По моим расчетам, биологические клетки...

— Оставь, мальчик, — хитро улыбнулся Ливен Брок. — Лучше приступим к делу. Времени не терпит. То, что я сделал, убрав перегородки, слишком мало. Нужно перестроить всю башню. Для начала необходимо остановить сердце башни. Я пытался до него добраться, но... — улыбка Брока стала жалкой, — заблудился... Ведь я был тут в последний раз, когда тебя еще на свете не было.

Они подошли к манипулятору. Ван достал из кабины кисло-

родный баллон и подал его Ливену Броку. После нескольких глубоких вдохов глаза Брока заблестели, он выпрямился.

— А теперь к сердцу башни,— сказал он.

— Отключив сердце, мы погубим башню,— произнес Ван.— Принцип непрерывности. Мы рискуем...

— Без риска нет победы.

— Отключив сердце, мы погубим башню,— повторил Ван.

Ливен Брок прислонился к манипулятору.

— Я считал тебя своим помощником, Ван,— сурово сказал Брок.

Ван сделал шаг к Ливену Броку. Неожиданно Брок ударил Вана по голове кислородным баллоном. Ван пошатнулся, Ливен Брок оттолкнул его и вскочил в кабину манипулятора. Четкими движениями натянул шлем, опустил клеммы.

Повинуясь мысленному приказу, манипулятор рванулся вперед, словно камень, пущенный из пращи. Однако люк Ливен Брок забыл опустить.

Отчаянным усилием Ван успел ухватиться за край люка. Манипулятор вылетел из камеры синтеза, непрерывно наращивая скорость. В ушах Вана запел ветер.

Едва только кабина тронулась, Ливен Брок забыл о Ване. Этот молодой человек был только досадной помехой на пути к достижению великой цели, мысль о которой безраздельно владела Ливеном Броком.

Кабина, не снижая скорости, ворвалась в центральный ствол. Еще полсотни метров — и финиш...

— Остановитесь! Остановитесь, учитель! — кричал Ван. Перед глазами бешено мелькали слабо светящиеся панели приборов, занимающих стенки центрального ствола. Кабина начала вращаться вокруг своей оси, и панели слились в сплошные белые круги.

Уже не отдавая отчета в своих действиях, Ван, держась одной рукой за кромку люка, другой сорвал шлем с головы Ливена Брока. Полукружья клемм соскочили с его седых висков, и манипулятор, лишенный потока команд, дико заплесал на месте. Затем его завертело, словно осенний лист под порывом ветра, и швырнуло на стенку...

Придя в себя, Ван со стоном разжал онемевшую руку, которой продолжал держаться за борт манипулятора. Похоже, он лишь на несколько минут потерял сознание, ударившись о стенку центрального ствола.

Между тем Ливен Брок вылез из обтекаемого, как капля, манипулятора и с изумлением озирался вокруг.

— Ван! Что все это значит? — спросил он.

— Сейчас объясню, учитель. Но сначала нужно дать радиogramму в координационный совет, — сказал Ван и вытащил из кармана передатчик.

Когда Ливен Брок и Ван Каро вышли из башни безмолвия, стояло раннее утро. Над Зеленым городком проплывали легкие облака.

— Отвык от света, — сказал Ливен Брок, жмурясь на солнце.

В огороженный двор башни, развернувшись, въехала машина — это прибыл аварийный отряд биологов и кибернетиков, присланный координационным советом. Были здесь и Карбенко с Волгой, наотрез отказавшиеся от отдыха.

Приехавшие выскочили из машины и взяли Ливена Брока в плотное кольцо.

— Как самочувствие, профессор? — спросил Карбенко.

— Мое самочувствие не тема для разговора, — ответил Ливен Брок, ворчливым тоном стараясь замаскировать смущение. — Лучше скажите, что с Энквеном?

Алексей и Владимир переглянулись.

— Говорите, — устало произнес Ливен Брок. Его выдал голос — севший, надтреснутый.

— Пока ничего определенного, — сказал Алексей.

— Смерть? — посмотрел на него Ливен Брок.

Алексей пожал плечами.

— Я еду к Энквену, — решил Брок.

— Сейчас нельзя, — сказал Владимир. — Биологи поместили Энквена в вакуум-камеру.

— Остается ждать, — вздохнул Алексей.

— Остается ждать, — словно эхо повторил Ливен Брок.

Биологи и кибернетики двинулись к башне безмолвия. Их ждал зал с дистанционным управлением и долгая, кропотливая, ювелирная работа по восстановлению перегородок между ячейками в зале высшего синтеза.

Ливен Брок пошел домой. Ван решил проводить его.

Шли молча. Первым заговорил Ливен Брок.

— Энквен, мой благодетельный воспитанник, ничего не воспринимает на веру, — произнес он, тяжело опираясь на руку Вана. — Он должен сам все попробовать, пощупать собственными руками. Иначе чем бы он отличался от обычной запоминающей машины?

— И вы любите Энквена по-прежнему?

— Больше прежнего, — сухо ответил Ливен Брок.

Ван улыбнулся.

— Энквен чуть не погубил вас,— сказал он.

— Чуть не считается.

Ван замедлил шаг. Он решил высказать учителю мучившую его все время мысль:

— Из ворот Зеленого городка партия за партией выходят белковые роботы. Они попадают во все уголки Солнечной системы, а мы остаемся в приятном сознании, что белковый робот никогда не сможет причинить вред человеку. Такая уверенность была еще вчера. Сохранится ли она завтра?

Брок пожал плечами.

— А почему бы и нет? — бросил он.

— Неужто вы забыли, профессор, что с вами проделал Энквен?

Брок посмотрел на Вана.

— А что такого сделал Энквен? — медленно произнес Ливен Брок.— Всего-навсего попросил меня об одной услуге.

— С помощью гипноза.

— Да, Энквен попросил меня не очень-то вежливо,— согласился Ливен Брок.— Но другой возможности у него не было: ведь белковый робот не может проникнуть в башню безмолвия. И потом, заболелся Энквен не о себе, а обо всем человечестве. Ни больше ни меньше. Ты сам понимаешь, Ван, если б Энквен без гипноза попросил меня пойти в башню и уничтожить перепонки в зале высшего синтеза, я вряд ли согласился бы.

Ван кивнул.

— Откуда что берется? — пробормотал он.

— Тут арифметика простая,— сказал Ливен Брок.— Энквен каждый день слышал и от меня, и от других людей, и по видео, какие грандиозные задачи ставят перед собой люди. А размышлять над задачами — любимое занятие Энквена.

— Знаю,— оживился Ван,— мне Лин рассказывала, как Энквен помог ей по курсовому проекту, еще когда не научился решать задачи без программирования...

— Помню,— кивнул Ливен Брок.— Итак, Энквен ежедневно слышит об освоении космоса, о перестройке планет Солнечной системы. Он знает о городах, которые воздвигаются на дне океана, даже сам побывал в глубоководной впадине в районе острова Энергии. Много читает о космических первопроходцах, которые исследуют новые планеты, перестраивают их природу, ищут полезные ископаемые. Готов часами смотреть на экране репортаж с Лунных стапелей, где монтируется фотонный звездолет «Пион». А сколько он наслушался разгово-

ров наших физиков, которые вот уже много лет бьются над загадкой тяготения!

Они свернули на улицу, ведущую к дому Ливена Брока. Прохожих в этот час было немного. Встречные, здороваясь, с любопытством поглядывали на Ливена Брока, но в расспросы не вступали.

— Подумай-ка, Ван, что было бы,— продолжал Ливен Брок,— если бы вся эта информация вводилась в кибернетическую машину? Машина добросовестно запоминала бы все, что ей сообщают, и делу конец. А как поступает Энквен? Как самый настоящий друг людей. Создав большой мозг, он хочет принести им пользу. Во имя этого Энквен рискует собой... Он готов расшибиться в лепешку...

— В буквальном смысле,— докончил Ван.

— Он здорово расшибся?

— Честно говоря, да.

— В чем причина?

— Не рассчитал лишний вес передатчика, с которым прыгал.

Возле дома Ливена Брока они остановились.

— Учитель, когда вы исчезли и все занялись поисками,— сказал Ван,— я много часов провел у вас дома. Спускался в лабораторию, изучал лабораторный журнал, перерыл библиотеку...

— Так ты и должен был действовать,— заметил Ливен Брок.

— На верхней полке я обнаружил одну старинную книгу...— Ван запнулся.

— Ты нашел книгу Циолковского? — с живостью спросил Ливен Брок.— О биологической радиосвязи?

Ван кивнул.

— У тебя нюх сыщика,— похвалил Ливен Брок.— Что же дальше?

— Я просмотрел книгу, увидел пометки на полях.

Ливен Брок окинул взглядом коттедж, залитый лучами утреннего солнца.

— Книга Циолковского — одна из самых моих любимых,— сказал он.— Еще с юности я зачитывался ею. И потом, когда строил башню безмолвия, эта книга мне очень помогла.

Брок поймал недоумевающий взгляд Вана и пояснил:

— Нет, даже не идеями своими помогла мне книга, а какой-то широтой подхода, логикой и ясностью мышления. Ну, в течение многих лет на полях книги накапливались мои пометки. Это были критические соображения, замечания, новые

мысли, словом, все то, что возникает при чтении хорошей книги. Потом у меня появился Энквен. Когда я научил его читать, он начал усваивать все, что было в моей библиотеке. Она пришлась ему по вкусу. Дошел черед и до книги Циолковского.

— Но вы направляли чтение Энквена?

— Конечно. Я следил за его интересами, ничего не навязывая, — сказал Ливен Брок. — У Энквена, когда он усваивал информацию, возникало много вопросов, я старался на них отвечать.

Ван поправил волосы.

— Есть вопросы, которые кого угодно могут поставить в тупик, — заметил он.

— Бывало и такое, — согласился Ливен Брок. — Помню, как я растерялся, когда Энквен спросил, что означает действие поцелуя...

— Лин рассказывала мне эту историю, — сказал Ван.

— Однажды я заметил, что на полях книги Циолковского рядом с моими пометками появляются пометки Энквена, — продолжал Ливен Брок.

— Как вы реагировали на это?

Ливен Брок улыбнулся:

— Конечно, меня только радовало, что интересы Энквена совпадают с моими. Не забывай, Ван, что у него было право выбора. По этим пометкам я понял, в каком направлении работает его мысль.

— Пометки Энквена сослужили еще одну службу, — сказал Ван. — Они оказались зацепкой, которая помогла вас разыскать.

— Могу признать, что без тебя мне пришлось бы туго, — произнес Ливен Брок.

— Я был не один, — сказал Ван. — В поисках принимал участие весь Зеленый городок. А в разгадке пометок Энквена на полях книги мне помогли Алексей и Володя.

— Ну, конечно. Три мушкетера! — улыбнулся Ливен Брок.

— Еще вопрос, учитель.

— Да?

— Откуда Энквен взял идею большого мозга? Неужели сам додумался? — спросил Ван.

— Ни за что не догадаешься! Энквен вычитал эту идею в каком-то научно-фантастическом романе. «Мозг-гигант» или что-то в этом роде. Ну, и загорелся этой идеей.

— И скрыл ее от вас?

— Боже упаси! — энергично замотал головой Ливен Брок. — Энквен упрямый — это точно. Но не скрытный. Он всегда делится со мной, хотя никто его к этому не понуждает.

— Когда же началась эта история с большим мозгом? — спросил Ван.

— Две недели назад. Вечером после уроков Энквен вдруг заявил мне, что в башне безмолвия необходимо вырастить большой мозг. Ну, и растолковал, зачем это нужно людям.

— А вы?

— Я объяснил Энквену, что этот вопрос обсуждался давно. Кибернетики, мол, доказали, что идея большого мозга ложна, существуют оптимальные размеры мозга, подсказанные еще эволюцией, и так далее.

— В общем, разбили его доводы в пух и прах.

— Разбил, — кивнул Ливен Брок. — Но мой милый Энквен упрям, как тысяча чертей. Или как ребенок, у которого хотят отнять любимую игрушку.

Медленным шагом они шли через сад.

— Отдохну, — сказал Ливен Брок. — Нужно привести в порядок мысли и бумаги. Кстати, как твои расчеты?

— Я их закончил.

— Где они?

— У вас в столе, профессор... Я их привез вчера утром, — сказал Ван.

— Хорошо, — кивнул Ливен Брок. — Просмотрю. А тебя попрошу набросать свои соображения обо всем происшедшем. У будущего воспитателя обязана быть своя точка зрения. Только учти одно. Можно поставить белковому ограничителю — и дело с концом. Мы получим исполнительного, сильно-го, но тупого помощника.

— Такие на «Пионе» не нужны.

— И нигде не нужны. Когда испытываешь новую сложную машину, возможны всякие неожиданности. Но разве конструктор выбрасывает свое детище на свалку из-за того, что оно капризничает? Нет, он ищет причины неполадок и устраняет их. Так должны поступать и мы, конструкторы и воспитатели белковых. Из Энквена получится помощник, которым сможет гордиться любой звездный капитан.

Ливен Брок увидел в кустах под окном стремянку для книг и молча покачал головой. Ван улыбнулся.

Когда дверь за профессором закрылась, Ван направился в координационный совет, где его ждали с подробным отчетом о происшедших событиях.

ОЗЕРО СРЕДИ ГОР

*Когда созреют гроздья звезд,
Расправит плечи Млечный мост,
Тогда раскроется душа,
Читай ее, листай страницы!
И из небесного Ковша
Тебе захочется напиться.*

Федор Икаров не любил передоверять управление автопилоту, неважно, летишь ли в соседний город или в другую часть света. Когда включен автопилот, чувствуешь себя в кабине, как пассажир, словно кто-то ведет за тебя машину. А ты можешь заняться чем угодно: любоваться проплывающими внизу пейзажами, интересный биоблок послушать, а то и сферофильм посмотреть.

Автопилот свое дело знает. Но Федор не любил чувствовать себя пассажиром.

Вот и теперь он вел машину сам, прокладывая по карте курс. Пульт корабля чем-то походил на систему управления учебной ракеты, в которой Федор за годы учебы в Звездной академии провел немало часов, и трудных, и радостных... Федор улыбнулся: воспоминания о первом тренировочном полете на Луну привели его в хорошее настроение.

С детства Федор усвоил, что человеку в любых обстоятельствах не пристало быть просто пассажиром.

Теперь под машиной проплывали предгорья древнего Кавказа. Скоро покажется озеро Отдыха — искусственный водоем, созданный высоко в горах лет полтораста назад.

Одинокая тучка, в которую влетел аппарат, чем-то напоминала Федору облака, которые он наблюдал, впервые подлетая с группой учлетов к Зеленому городку.

По какой ассоциации? Быть может, потому, что и тогда, и теперь он находился в полете, мчась над землей на небольшой высоте. Все, что так или иначе связано с полетами, Федор запоминал накрепко. Вообще в воздухе он чувствовал себя увереннее, чем на земле. «Врожденное чувство полета» — так сказал о нем председатель медицинской комиссии, которая отбирала в Звездную академию будущих космонавтов, отсеивая тысячи страждущих попасть туда.

Облака, облака...

Машина, вынырнув из одинокой тучи, спустя недолгое время снова погрузилась в сплошную серую пелену грозового облака, которое нависло над Казбеком.

На прозрачном пластике кабины, словно пот, показались снаружи капельки влаги.

Облаку, казалось, не будет конца. Федор знал, что именно облака, эти бесформенные, податливые образования, определяют погоду над планетой.

Много веков глядели люди на облака. Глядя на зорьке в небо, задумывались: что будет завтра? Холод или жара? Ураган или тишь? Ливень или сушь?

Погода в значительной мере определяется характером облачности.

Нелегко уследить за облаками, разгадать их тайны. Нпросто предсказывать погоду, но во сто крат сложнее управлять ею. Постепенно люди пришли к мысли, что погода в различных точках их планеты взаимосвязана. Друг от друга зависят, определяют друг друга штиль на экваторе и буря на Оби, мороз на полюсе и жара в Патагонии, дождь в Зеленом городке и засуха в Эфиопии.

Отсюда оставался один шаг до того, чтобы все метеорологические явления изучать в их взаимосвязи. Но шаг этот был необычайно труден. Сделать его наука смогла лишь после того, как люди проникли в космос. Служба погоды получила на вооружение искусственные спутники Земли.

Федор припомнил, как он еще мальчишкой в школе поразился, когда учитель на его вопрос: «Что изучает наука о погоде?» — лаконично ответил: «Облака...»

Облака — пульс погоды.

Пульс может быть спокойным и лихорадочным, четким и аритмичным. Опытному врачу пульс говорит очень много о состоянии пациента. Точно так же хороший синоптик по состоянию облаков может «прощупать» характер погоды над планетой.

Уметь точно предсказывать погоду крайне важно.

Поэтому едва человек шагнул в небо, как десятки и сотни трудолюбивых спутников ринулись ввысь, со всех сторон пронизывая воздушный океан: они собирали информацию, передавая ее на землю.

Облака, облака над Кавказом!..

Федор включил инфравизор.

Тяжелые тучи — показал экран — застыли над горными отрогами. Только над озером Отдыха, в самом сердце Кавказа, небо чистое. Синоптики для изучения облаков придумали даже

специальный термин. Федор наморщил лоб. Как бишь его?.. Нефо... Да, нефоанализ. Но, конечно, облаками наука о погоде не исчерпывается. Климат планеты — хитрая штука. Он определяется балансом лучистой энергии, которой небесное тело обменивается с окружающим пространством...

Но долой мысли о метеорологии! Сегодня — отдых, отдых, отдых!

Федор задумался, нахлынули воспоминания.

Врезалось в память: отец, высокий, седой, держится очень прямо. Они вдвоем спускаются к реке. Небольшая пристань, летнее солнце дробится и пляшет на воде, глазам больно.

У причала покачивается прогулочный катер.

— Пассажиров просят пройти на палубу, — приглашает рупор.

Федя виснет на руке отца:

— Покатаемся, папа!

— Нет, — качает головой отец.

— Почему?

— Скучно быть пассажиром, сынок, — загадочно отвечает отец.

Они выбирают весельную лодку канареечного цвета. Федя садится на корму, горячую от солнца. Отец опускает весла на воду.

— Когда-то все люди нашей планеты были пассажирами, — сказал отец, когда они отплыли немного. — Пассажирами корабля под названием Земля. Они не могли ни покинуть Землю, ни приостановить или изменить ее бег.

— Но потом люди перестали быть пассажирами, — произнес Федя.

— Верно, сынок. Но не все.

Отец греб размеренно, широко, и след за кормой оставался прямой.

Федя опустил пальцы в воду.

— Я не пассажир! — сказал он.

— Это нужно доказать, — улыбнулся отец.

Они плыли долго по прихотливым речным изгибам. Пристань давно скрылась из виду. О многом они переговаривали, много песен спели.

За бортом проплыл длинный низкий остров, поросший ивняком.

Отец посмотрел на часы.

— Пора поворачивать, — сказал он и слегка притабил, переводя дыхание.

— Ты обгорел, — произнес Федя.

Отец тронул пальцем кожу на плече.

— Похоже, — согласился он. — Отвык за четыре года от земного солнца.

— А кварц?

— Не то, — махнул рукой отец.

Неугомонным запомнил его Федор. В первый же день после возвращения на Землю он взвалил на себя кучу дел. Были тут и лекции, и рассказы по видео, и в перспективе даже океанографическая экспедиция в Индийский океан.

Прошло всего несколько месяцев после возвращения, и отец снова затосковал по звездам. «Тот, кто однажды побывал в дальнем космосе, вечно будет стремиться туда» — так говорили отец и старые космические волки, его друзья. Ну, а когда находишься на корабле, то, по их же словам, нет ничего желаннее и дороже Земли...

Федя любил вспоминать ту далекую речную прогулку с отцом.

Повернув лодку, отец бросил весла и сидел, скрестив руки на груди.

— Пусти меня на весла, — попросил Федя. — Не хочу быть пассажиром.

— Хорошо, — согласился отец.

Они поменялись местами.

— Устанешь — скажешь, — произнес отец и растянулся на корме, закрыв глаза.

Весла, которые в руках отца выглядели такими послушными, неожиданно оказались строптивыми. Они вели себя, как живые существа: вырывались из рук, норовили то нырнуть поглубже, то выскочить из воды. Лодка вертелась. Отец, казалось, не замечал ничего. Прикусив губу, Федя разом изо всех сил бросил весла на воду. Радужные брызги захлестнули лодку.

— Спокойнее, сынок, — сказал отец, не поднимая век. — Не торопись. Следи, чтобы весла не погружались глубоко. И дыхание береги...

К Феде пришло спокойствие, и лодка подчинилась ему. Линия берега медленно двинулась назад, за кормой установился тающий след.

Но неприятности Феде на этом не кончились.

Вскоре начала саднить спина. Едкий пот заливал глаза. Весла вновь стали непослушными и тяжелыми, как гири. Но Федя продолжал грести.

— Поменяемся? — предложил отец.

— Нет, — мотнул головой Федя.

— Долго ты намерен грести?

— До пристани.

Солнце палило нещадно. Федя подумал, что время застыло, как застывает оно в быстро летящей ракете. Ладони горели. Когда, обернувшись, Федя увидел, что вдали показалась пристань, у него уже не было сил закричать от радости, да и горло пересохло.

— Ты упрямый парень, — сказал отец. — А главное — ты уже не пассажир!

Миновал еще год, и отец улетел, для Феди — навсегда: если его ионолет и вернется, на Земле пролетит не одно столетие...

И до сих пор, покоря межзвездные пространства, люди не научились обуздывать течение времени. Это станет возможным только тогда, когда человечество постигнет природу тяготения.

«Я не пассажир», — подумал Федор и включил обзорный экран.

Позади остались Зеленый городок, трудные переводные экзамены, капризные белковые, которые никак не желают слушаться команд юного астронавигатора, бессонные ночи, бдение над книгами и блоками памяти, когда голова пухнет от бесконечных параллаксов, моментов инерции, дефектов массы и прочих вещей, важных для будущего капитана.

Впереди — отдых. Недаром же именно так называли озеро, куда лежит теперь его путь.

Вглубь провалилась массивная цепь Уральського горного хребта. По экрану проносились тени облаков.

Где-то сейчас отец? Земля давно уже перестала получать радиосигналы с его корабля. При субсветовых скоростях, которых научились достигать люди, связь с астронавтами стала самым большим местом: как могли сигналы достичь Земли, если скорость их едва превышала скорость корабля, бегущего прочь от материнской планеты?

Отдавшись течению мыслей, Федор не заметил, как пролетело время. Светящаяся точка на карте почти слилась с голубым озерным пятнышком.

Можно заходить на посадку.

Он глянул вниз. Безмятежная сталь озера Отдыха тускло поблескивала под осенним солнцем. Вокруг теснились горы, увенчанные снеговыми шапками.

Федор сделал два круга, чтобы осмотреться — он был здесь впервые. Озерную гладь бороздили яхты. Они скользили, накренившись так, что мачты едва не касались воды, и Федору сразу же захотелось сбросить куртку, встать на борт и вцепиться в трос, подставив грудь ветру.

Машина причалила к розовой ноздреватой скале.

По еле заметной тропинке, цепляясь за узловатые ветки боярышника, Федор спустился к воде. Только тут он понял, что отыскать Ливена Брока будет не так-то просто.

Погоду на сегодня заказали жаркую, и едва ли не весь Зеленый городок прилетел сюда, ко огромному водному зеркалу, брошенному среди гор.

Полоса пляжа казалась узкой только сверху. Обрывки песен, смех, восклицания волейболистов — все смешалось в веселой симфонии отдыха.

Стараясь ни на кого не наступить, Федя брел по теплему песку и жмурился от солнца. Дорогу ему пересекла девушка, которая несла на плече прозрачную байдарку, сверкавшую так, что глазам было больно. Узкое тело байдарки плыло в воздухе, слегка покачиваясь.

— Можно вам помочь? — неожиданно для себя произнес Федор.

Девушка подняла на него глаза и улыбнулась.

Федор, не дожидаясь ответа, подставил плечо под ее ношу.

— Спасибо, — сказала девушка, когда байдарка заколыхалась на воде.

Откинув за спину тяжелую косу, она шагнула к воде. Вот сейчас сядет в байдарку, взмахнет веслом, и они расстанутся, так и не успев познакомиться.

Федор переступил с ноги на ногу. «Думай, думай, капитан. У тебя ровно две секунды. Ты в открытом космосе, корабль попал в беду. Не решишь задачу — погибнешь. Задача — завязать знакомство. Итак... на вид ей лет семнадцать. Взгляд серьезный. Возможно, учит детей в интернате. Примем за рабочую гипотезу. Вывод: нужно стать объектом, нуждающимся в обучении. Кстати, байдарка двухместная...»

— Разрешите прокатиться с вами на байдарке? — сказал Федор.

— Вы хотите грести или править? — сощурилась девушка.

— Я хочу научиться править байдаркой, — сказал Федор.

Девушка улыбнулась.

— В другой раз. Оттолкните байдарку, когда я сяду, — сказала она. — Хорошо?

Но у Федора был такой несчастный вид, что она смягчилась.

— Сядете за руль, — решила она. — Вот ножной рычаг, видите?

Оба наклонились так, что золотистые волосы коснулись Фединой щеки.

— Старайтесь, чтобы за кормой оставалась прямая линия. А кроме того, ни на кого не налетайте.

Девушка откинула крышку со второго места.

— Садитесь! Главное — удерживать равновесие... И слушать мои команды.

Смутное чувство вины шевельнулось в душе Федора. Нужно отыскать профессора и Энквена, они же договорились...

— Вода в озере холодная, — сказала девушка, неверно истолковавшая колебания своего добровольного помощника, который помог ей справиться с байдаркой.

«Разыщу их попозже, только покатаюсь немного», — решил Федор, отталкиваясь от берега.

Теперь задача — правильно сыграть роль ученика, впервые севшего в байдарку, чтобы его учительница не догадалась об обмане. Неуверенные движения, робость в обращении с рулем и вопросы, побольше вопросов!

Умница! Она делает вид, что не замечает напряженного состояния новичка, впервые севшего в байдарку.

Девушка гребла, что-то напевая. Будущий капитан прислушался — песня была незнакомой.

Снова пришла
Белая мгла,
По-над Донцом пролетела,
Лето, налив
Белый налив,
Сделало черное дело...

Может быть, эта песня из глубокого прошлого? Много таких песен привез с собой когда-то отец, вернувшийся из звездной экспедиции. Федя заставлял его тогда все время петь их, пока не выучил наизусть. Он знал немало старых песен, но эту слышал впервые.

Федор резко надавил ногой на рычаг, и легкое суденышко послушно вильнуло в сторону. Бронзовый купальщик, едва не проткнутый острым носом байдарки, остался справа по борту. Он поднял руку и крикнул что-то Федору.

— Вы делаете успехи, — улыбнулась девушка.

— Учусь.

— Способный ученик!

— Еще я хотел бы научиться песне, которую вы пели, — сказал Федор.

— Нравится?

— Нравится.

— Я сама ее придумала, — сказала девушка. — Когда живешь на Луне, очень по Земле тоскуешь.

Разговор иссяк.

Мимо, совсем близко, промчалась яхта, обдав их тучей брызг.

Федор старательно изображал роль неуклюжего новичка, впервые севшего за руль байдарки. Но в какой-то момент он переиграл. Земля и небо поменялись местами, перед глазами мелькнуло испуганное лицо девушки, и Федор почувствовал как холодная вода обожгла тело.

Дело довершила его учительница. Когда они кое-как выбрались на берег, она сказала:

— Спасибо за купание! — и провела ладонями по мокрому платью, прилипшему к телу.

На берегу стояли Ливен Брок и очень похожий на него Энквен. Девушка подбежала к Ливену Броку, который обнял ее.

— Здравствуйте! Я прилетел... — сказал подошедший Федор, за ним по песку тянулась мокрая дорожка.

— Оно и видно, — усмехнулся Ливен Брок. — Переоденься, Лин.

— Мне не во что, бабушка!

— Что же ты будешь делать?

— Сброшу платье и буду загорать, — решила Лин и побежала к павильону для переодевания.

Ливен Брок подмигнул Федору.

— Парень ты не промах, — заметил он. — Моя внучка первый день на Земле, а ты уже успел познакомиться с нею.

— Первый день? — удивился Федор.

— После годичного отсутствия, — уточнил Энквен. Он стоял, расставив ноги, несокрушимый, как скала. Голову украшал ежик седых волос, которые представляли собой антенны.

— Верно, Энквен. Я только сегодня утром, как говорится, с Луны свалилась, — улыбнулась Лин, запыхавшаяся от бега.

— Ты изменилась, Лин, — заметил робот.

— Ты тоже, Энквен! — воскликнула девушка. — Я ведь помню тебя, когда ты совсем...

— Первый выход в открытое пространство, — пророкотал Энквен.

— Да, — кивнула Лин, — и потом еще задача, которую ты — помнишь? — решил без программирования...

— Я ничего не забываю, — сказал Энквен.

Ливен Брок тронул Лин за косу.

— Как первый день? — спросил он.

— Отвыкла я от Земли, — пожаловалась Лин. — Быстро устаю с непривычки.

— И все тяжелым кажется? — добавил Ливен Брок. — Ничего не поделаешь, разная сила тяжести. Но это скоро пройдет.

— Еле байдарку подняла, — сказала Лин. — Спасибо рыцарь нашелся, помог.

Федор смущенно отвел взгляд.

— Пойдемте в тень, — предложил Ливен Брок и, взяв Лин за руку, двинулся первым.

Под тентом собрались те, кому надоело не по-осеннему щедрое солнце.

Перед Ливеном Броком расступались, давая дорогу. За столиком сражались шахматисты. Белыми играл приятель Федора Володя Карбенко. Его партнером — Федор определил это с первого взгляда — был белковый. Федор уже не путал, как раньше, людей и роботов.

В первые дни пребывания в Зеленом городке Федор не мог отличить человека от белкового, что несколько раз ставило юного курсанта в смешное положение. Долго помнили друзья и происшествие с беглецом Энквеном, которого Федор принял за профессора Ливена Брока. Федор знал, конечно, что белковые роботы имеют шестипалые конечности, но где там считать пальцы, особенно на расстоянии? Однако со временем пришел опыт.

— Вечные партнеры, — пробормотал Ливен Брок, оценивая позицию.

Володя потер переносицу. Его партнер в раздумье переводил взгляд с фигуры на фигуру, размышляя. Он то поднимал, то вновь опускал на колени массивную руку.

Энквен, стоявший рядом с Федором, замер, анализируя шансы сторон. Партнер Володи Карбенко склонился над доской, будто пловец, готовящийся нырнуть.

— Присядем, — предложил Ливен Брок. Что-то в его голосе заставило Энквена насторожиться.

— Что с тобой, воспитатель?

— Устал, — ответил Ливен Брок.

Люди сели в шезлонги, Энквен сделал несколько шагов и остановился на границе солнца и тени.

Вдали, за озером, вздымались горы. К одной из синих круч, подобно ласточкину гнезду прилепилось селение. Аккуратные белые соты зданий казались невесомыми.

— Что там? — спросил Федор.

— Служба погоды, — ответил всезнающий Энквен, не оборачиваясь.

— Ходят на лыжах, — сказала Лин.

— Охотятся, — добавил Федор.

— Хорошо там, в горах, — вздохнул Ливен Брок. — Дышится легко.

Лин потрянула косой.

— Давайте пойдем в горы, — предложила она.

Ливен Брок покачал головой.

— Нет уж, горы не для меня. Вот ему они по плечу, — кивнул он на Федора.

— Почему не видно Вана? — спросил Карбенко. — Он собирался лететь на озеро.

— У Вана срочная командировка, — ответил Ливен Брок.

— На Марс, — уточнил Энквен, повернувшись к сидящим людям. — Ван Каро повез туда новую партию роботов-строителей.

Карбенко поднялся.

— Пойду сыграю еще партию, — сказал он.

— Желаю удачи, Володя, — махнула ему рукой Лин.

Энквен наблюдал за яхтой, вырисовывающей на озерной глади замысловатую фигуру. Его аналитический ум бился над формулой математической кривой, по которой движется судно. Построив формулу, Энквен тут же придумал, как проверить ее: нужно посчитать, в какой точке очутится яхта, допустим, через тридцать секунд. Получилось — возле того покачивающегося буйка с флажком.

Через полминуты яхта пронеслась мимо буйка, едва не коснувшись его. Робот издал звук удовлетворения.

— Денек-то какой, — сказал Ливен Брок. — Даже Энквен доволен. Постаралась служба погоды, хорошо выполнила наш заказ...

Федор глянул на лицо Ливена Брока. Возраст старого профессора выдавали только две глубокие складки у губ. Кожу покрывал ровный загар. Ливен Брок был одет по-пляжному, и Федор едва сдержал искушение — вытащить из кармана фотографию, которую после памятного эпизода, случившегося в первый день его пребывания на учебной базе, всегда носил с собой. Ему захотелось сравнить фотографию с оригиналом, но Федор ограничился тем, что похлопал себя по карману.

Яхта, за которой наблюдал Энквен, пристала к берегу. Из нее выпрыгнул на песок человек. Он улыбнулся Ливену Броку и помахал ему рукой.

— Энквен! — позвал Ливен Брок.

Сделав огромный прыжок, робот очутился рядом с воспитателем.

Ливен Брок задумался. Энквен терпеливо ждал.

Кучка шахматистов, стоящая поодаль, оживленно загудела.
— Посмотрю, как дела у Володи,— сказал Федор, поднимаясь с шезлонга.

— И я! — произнесла Лин.

Ливен Брок посмотрел на две удаляющиеся фигуры, затем перевел взгляд на своего воспитанника.

— Видишь человека, который причаливает яхту? — спросил Ливен Брок, нарушив паузу.

Энквен кивнул.

— Это мой старый приятель. У него золотые руки,— сказал Ливен Брок.

— Инженер?

— Хирург. Сейчас ты пойдешь к нему. Он тебя знает.

— Знает?

— Да, я говорил ему о тебе, Энквен. И пригласил его сюда, на озеро, чтобы он дал тебе несколько уроков хирургии.

— Хорошо,— сказал Энквен.— Можно идти?

Ливен Брок кивнул.

Оставшись один, Ливен Брок задремал. Когда подошли Федор и Лин, он открыл глаза.

— Как там Володя? — спросил Ливен Брок.— Не выиграл? Федор только рукой махнул.

— Так я и знал,— сказал Ливен Брок.

— Он ничего не мог поделаться, дедушка,— произнесла Лин.

— А где же Энквен? — спросил Федор, оглянувшись.

— Держу пари, ты успел дать ему какое-нибудь задание,— улыбнулась Лин Ливену Броку.

Тот кивнул.

— Ну, а я сама себе даю задание! — сказала Лин.

— Загорать на песочке? — зевнул Ливен Брок.

Лин покачала головой.

— Пойду в горы,— сказала она,— поброжу по склонам.

— Тебе будет тяжело. Ты отвыкла от земной тяжести,— заметил Ливен Брок.

Лин улыбнулась.

— Так я быстрее привыкну к ней,— сказала она.— Заодно и с растительностью кавказской поближе познакомлюсь.

Ливен Брок вздохнул.

— Тебя не переубедишь. Только будь осторожной, в горах обвалы...

Лин беспечно махнула рукой.

— И пораньше возвращайся, непоседа,— попросил Ливен Брок.— Я еще не рассмотрел тебя как следует.

— Хорошо, дедушка.

«Решай, решай, капитан. У тебя считанные секунды». Федор шагнул к Лин.

— Лин, можно с вами в горы?

Лин погладила косу.

— Вы знакомы с техникой альпинизма? — спросила она, прищурившись.

— Немножко...

— Учтите, это не совсем то же самое, что управлять байдаркой, — сказала она. — Энквен с нами, дедушка? — повернулась Лин к Ливену Брокку.

Ливен Брок покачал головой.

— Энквен не пойдет. Занят, — произнес он негромко.

— В таком случае анализатор понесете вы, — обратилась Лин к Федору.

Федор поспешно согласился, хотя понятия не имел, о чем идет речь.

Глава 6

МОЙ ВЗОР ОНА МАНИТ ВСЕГДА...

*Звезду распирает лава идей,
Как мысли, теснятся вихри огня,
Как будто немислимый Фарадей
Здесь опыты ставит, подручных браня.*

Завтра погода переменится. Завтра, заранее запрограммированные, одновременно сработают тысячи реле блуждающих аэростатов, отключая метеорологический кордон, и массы холодного воздуха со всех сторон хлынут к озеру Отдыха, неся с собой туманы и дожди — извечные атрибуты осени.

Но сегодня на озере и в его окрестностях жарко. Нагретый скалами воздух дрожит и переливается, искажая синюю перспективу.

Лин шла впереди, размахивая геологическим молотком. За ней, чуть приотстав, шагал Федор. За плечами его топорщился рюкзак, руку оттягивал анализатор.

Время от времени она останавливалась. Если она нагибалась к цветку или растению, Федор осторожно опускал на землю анализатор, включал его и направлял на увядший цветок узкий пучок голубого света, еле заметного днем. Через несколько мгновений на экране анализатора появлялась информация: род, вид и семейство, к которому относится растение, продолжительность жизни, основные свойства, приспособ-

ляемость... Последнее качество интересовало Лин больше всего.

Они подошли к кусту ярко-желтой эрцеллы, стреловидные листья которой были нацелены в небо, источавшее зной. Эрцелла любит жару. Гости Земли кавказские горы пришлось по нраву.

— Вернусь на Луну и займусь эрцеллой, — сказала Лин, всматриваясь в цифры и символы, проплывающие по кофейной поверхности экрана.

— Хотите приспособить эрцеллу к лунным условиям? — спросил Федор.

— Нет, к марсианским. Мне кажется, она должна прижиться в марсианских песчаных пустынях. Кончу учиться — и полечу озеленять Марс, — мечтательно произнесла Лин.

— А я-то решил, что вы будущая учительница! — признался Федор.

Лин пожала плечами.

— Я с детства мечтала о профессии озеленителя планет, — сказала она. — Увлекалась астроботаникой. Дедушка мне не препятствовал, это его принцип, как вы, наверно, заметили. — Особенно в применении к Энквену, — улыбнулся Федор.

Лин срезала образчик эрцеллы, и они снова двинулись в путь.

Федор поправил лямку рюкзака.

— Первый раз вижу эрцеллу, — признался он. — Раньше только читал о ней.

— Эрцеллу вывели всего несколько лет назад, на Оранжевом спутнике, — сказала Лин. — Это полезное, но на Земле еще редкое растение. Вчера, спеша с Луны на Землю, я пролетала мимо Оранжевого спутника. Представьте себе ярко-желтое переливающееся озеро, а вокруг — черная космическая ночь!

Глубоко внизу осталось озеро Отдыха. Дорога становилась все труднее. Колючий кустарник, сквозь который приходилось продирается, цеплялся за одежду. То и дело надо было обходить в беспорядке разбросанные каменные глыбы.

Лин по-прежнему шла легко. Похоже, она не ведала, что такое усталость. А ведь здесь она была в шесть раз тяжелее, чем на Луне. Хотя, правда, теперь пассажиры на новых кораблях Луна — Земля проходят частичную акклиматизацию во время полета.

Лин успевала еще орудовать геологическим молотком. Заметив интересующий ее минерал, она отбивала образчик и совала его в рюкзак Федора.

Федор облизнул пересохшие губы.

— Хорошо бы найти родник или горный ручей,— сказал он.

— Найдем,— откликнулась Лин.— Горы-то ведь не лунные, а земные. Вот у нас, на Луне, если в походе иссякнет запас воды — дело плохо.

Неожиданно Лин остановилась, опустилась на колени, разглядывая какой-то минерал. Федор, не снимая рюкзак, прислонился спиной к сосне, перевел дух. Лин ловко взмахнула геологическим молотком и отбила от скального выступа очередной образчик.

— Похожий минерал есть у нас, на Луне,— сказала она, вертя в руках обломок.

— Он у вас ценится?

— Очень.

Лин поднялась с колен и спрятала образчик в разбухший рюкзак.

— Из этого минерала добывают драгоценные металлы? — поинтересовался Федор.

Лин улыбнулась.

— Воду, обыкновенную воду,— сказала она.— Вода у нас встречается только в связанном состоянии.

Федор кивнул.

— Знаю. Я читал, что, когда на Луне появились первые поселения, вода стала одной из главных проблем. Доставлять ее с Земли было бессмысленно.

— Вот и стали ее добывать из лунных минералов,— докончила Лин.

Перед мысленным взором Федора промелькнули тысячи раз зубренные страницы учебников селенологии и селенографии. Старый преподаватель, читавший в Звездной академии курс луноведения, отличался суровостью на экзаменах и умел заставить курсантов относиться с уважением к своему предмету, несмотря на то что помыслы их были устремлены к звездам.

Путь Лин и Федора преградил огромный ствол поверженного дуба. Излом уже потемнел, но ветви все еще боролись за жизнь. Федор скинул рюкзак, прыгнул на ствол и, протянув руку, помог Лин перебраться через него.

В горах вечереет рано, особенно осенью.

День уходил. На каменные скалы обветренных скал слышно напозлали тени. Казалось, они появлялись из ущелий, множились, заполняя собою мир.

— Неужели вы умеете на глаз определять, какой минерал содержит воду в связанном виде? — спросил Федор, нарушив долгое молчание.

Лин замедлила шаг.

— Говорят, в старину были люди, которые могли чують под землей воду или руду, — сказала она. — Остановится такой человек, ткнет палкой: «Копайте здесь!», откроют яму — и, пожалуйста, артезианский колодец. Ткнет: «Ройте здесь!» — и точно, в скважине обнаруживают руду.

— И вы верите в это?

Лин подумала.

— Нет, — сказала она, — не верю. Знахарство, дикость, средневековье.

Федор промолчал.

— Вы не согласны, Федя? — спросила Лин.

— Видите ли, — ответил Федор, — Земля имеет собственное магнитное поле. На границах рудных месторождений оно искажается. Почему же не представить себе человека, который улавливает эти изменения магнитного поля?

— Без помощи приборов?

— Да.

Лин усмехнулась.

— Шестое чувство! — произнесла она. — Месмеризм, разоблаченный как шарлатанство еще Французской академией наук бог знает сколько лет назад.

— К таким разоблачениям надо относиться с осторожностью, — возразил Федор. — Разве не та же Французская академия наук объявила, что камни с неба падать не могут? И на этом основании было решено, что метеориты — это вздорная выдумка!.. Так что поиски средневековых рудознатцев, возможно, когда-нибудь приобретут научную основу.

Лин и Федор упорно карабкались вверх, цепляясь за карликовые сосны и выщербленные непогодой валуны. Наконец они оба как по команде остановились, достигнув небольшой площадки, поросшей горным мхом. С одной стороны над площадкой возвышалась гора, с другой — была пропасть. Над краем пропасти навис большой валун.

Они сложили свою ношу. Лин подошла к валуну и заглянула вниз.

— Далеко мы забрались, — сказала она.

Федор подошел и встал рядом.

— Знаете, о чем я подумала? — произнесла Лин, глядя на скалы, по пояс погруженные в туман. — Горы, как люди. У каждой свой характер, свой нор. Вот эта — угрюмая...

Видите, как нахмурилась? А вот та, рядом, наоборот, так и лучится добродушием. Правда?

Федор что-то ответил. Он смотрел на Лин, не очень вникая в смысл ее слов.

— Вереск! — воскликнула Лин, переводя взгляд. — Высоко забрался.

Внизу, на почти отвесном склоне, серебрился маленький одинокий кустик.

— Живучий! — сказала Лин.

Она нагнулась, пытаясь дотянуться до кустика. Оставался пустяк — какой-нибудь десяток сантиметров. Лин ухвати-лась за острый край скалы и в тот же миг поскользнулась, потеряв равновесие. Федор успел схватить ее за руку. Валун, задетый им, сорвался, увлекая за собой в пропасть целый поток мелких камней.

Еще не веря своему спасению, Лин виновато улыбнулась Федору. Улыбка перешла в гримасу боли. Лин разжала руку, сжатую в кулак. Ладонь пересекала глубокая рана.

— Это когда я схватилась за край скалы, — тихо сказала девушка.

Федор перевязал порез своей майкой, предварительно разорвав ее на узкие полосы.

Снизу доносился затихающий гул обвала.

Они сели рядом на гранитный обломок. Лин посерьезнела, может быть, просто устала.

— Больно? — спросил Федор.

Она кивнула, затем сорвала травинку и принялась жевать.

Вровень с площадкой величаво проплыл орел. Не обращая внимания на непрошенных гостей, он сделал круг, затем, высмотрев что-то внизу, камнем ринулся в пропасть.

Стемнело. Федор развел небольшой костер, натаскав валежника. Лин, сложив руки на коленях, неотступно смотрела, как пляшут пламенные языки.

В костре что-то щелкнуло. Один уголек откатился в сторону, но долго еще тлел, борясь с темнотой, прежде чем подернуться пеплом.

— Словоно умирующая звезда... — прошептала Лин. — Федя, звезды умирают?

— Умирают, но не так, как человек.

Лин вздохнула.

— Звезды гаснут, как угольки, — тихо сказала она.

Федор покачал головой.

— Остывший уголек можно потрогать, — сказал он. — Ко-

гда умирает большая звезда, от нее ничего не остается. Для нас, конечно, для наблюдателей.

— Значит, погасшая звезда рассыпается в пыль? — спросила Лин.

— Нет, она остается на месте.

— Вы разыгрываете меня, Федя! — воскликнула Лин. Она поднялась с валуна, сделала несколько шагов. — Если звезда остается на месте, пусть даже погасшая, то почему ее нельзя обнаружить?

— По очень простой причине, Лин, — сказал Федор. — Если звезда достаточно велика... Она не отпускает от себя ничего, вырваться от нее невозможно. Ни один луч, ни один квант света не может покинуть такую звезду. Любая частица, как бы скоро она ни мчалась, если и попытается оторваться от звезды, то тут же упадет обратно, — указал Федор на пропасть.

Лин посмотрела в сгущенную тьму пропасти расширенными глазами.

— Звезда — черная темница, — негромко произнесла она. — Страшно... Звезда, берущая навеки в плен все, что к ней приблизится. Вечная тюрьма в шапке-невидимке...

— Именно в шапке-невидимке, — подхватил Федор. — Астрофизики называют ее сферой Шварцшильда.

— А что это за сфера? — оживилась Лин.

— Условная величина, рассчитываемая отдельно для каждой звезды, — пояснил Федор. — Если звезда занимает пространство большее, чем сфера Шварцшильда, — она сияет для нас в небе, как обычная звезда. Однако достаточно ей, сжимаясь, стать меньше сферы Шварцшильда — и звезда исчезнет с небосклона, превратится в черную дыру, бесконечную воронку, попав в которую, уже не выберешься.

— Знаете, Федя, я однажды побывала на Марсе, — произнесла задумчиво Лин, — и повидала там бальсанч — песчаную бурю.

— Слышал о бальсанче, — кивнул Федор, — но видеть его еще не приходилось.

— Во время бальсанча небо смешивается с землей, становится сразу темно, как ночью, — продолжала Лин. — Поднимаются тучи песка, и песчинки жалят, как пчелы. Огромные обломки скал летают легко, словно перышки. Горе тому, кто не успеет спрятаться: пространство пронизывают фиолетовые стрелы молний, которые испепеляют все на своем пути... Но мертвая звезда, о которой вы рассказали, больше потрясает воображение. Потому что, попав даже в такую передрыгу, как

бальсанч, можно надеяться спастись... А Черная звезда... — не договорив, Лин смолкла.

Костер погас, лишь несколько углей еще тлели. Пахло увядшей травой.

— Послушайте, Федя, а если человек попадет в плен к Черной звезде? — спросила Лин.

— Трудно будет вырваться, преодолеть притяжение звезды, — сказал Федор.

Лин кивнула.

— Понимаю. Но он сможет жить там, в плену?

— Этот вопрос еще не выяснен, — нахмурился Федор. — Чтобы ответить на него, нужно полететь к Черной звезде.

Из-за дальней снеговой шапки выглянула Луна. Лин посмотрела на нее.

— Тянет туда? — спросил Федор, показывая на Луну сложенной веткой.

— Конечно. Луна — моя родина.

— Я недавно читал о первых поселенцах на Луне, — сказал Федор.

— Хроника?

— Фантастика. Автор пытается представить себе, как будут жить люди, впервые прилетевшие на Луну.

— И как они там у него живут? — поинтересовалась Лин.

— Неважно живут. Вся беда, по мнению автора, заключается в том, что человеческий организм за миллионы лет эволюции приспособился к земному тяготению...

— Сейчас только и говорят о тяготении, — заметила Лин. — По-моему, гравитация во все времена была злым роком человечества.

— Автор дальше описывает, как люди, попавшие на Луну, начали вырождаться. Оттого что притяжение было гораздо меньше земного.

— Чем же дело кончилось?

— От поколения к поколению люди мельчали и в конечном счете превратились в карликов, злобных, завистливых и слабоумных, — сказал Федор.

— Мрачная фантазия, — задумчиво произнесла Лин.

В потемневшем небе проступила первая звезда.

— «Вверху одна горит звезда, мой взор она манит всегда», — прочел Федор.

— Я тоже люблю Лермонтова, — сказала Лин. — А знаете, Федор, о чем я сейчас думаю? — вдруг улыбнулась она, глядя на звезду.

Федор развел руками.

— Я думаю, что насчет Черной звезды вы все придумали. Я права, признайтесь? Это такая же мрачная фантазия, как того автора, который писал о первых поселенцах на Луне.

— Нет, это не фантазия, — покачал головой Федор. — Одна такая звезда, уже известна человечеству. К счастью или к несчастью, не знаю.

— Странно... — сказала Лин.

— История начинается давно, — произнес Федор. — Один инженер — дело было в первой половине XX века — занимался изучением радиопомех. Настроил он однажды свой приемник, и вдруг на волне пятнадцать метров поймал необычные сигналы. Дальше дело разворачивалось, как в хорошем детективе. Сигналы проверили — оказалось, что это не могли быть обычные атмосферные помехи... А самое удивительное — что таинственные сигналы повторялись с периодичностью 23 часа 56 минут!

— Звездные сутки.

Федор кивнул.

— Шумиха поднялась невообразимая, — продолжал он. — Как же: братья по разуму протягивают руку! Инопланетная цивилизация желает вступить с землянами в контакт! Обитатели космоса шлют привет! И прочее в таком духе. Подобные заголовки украшали в те дни газеты всего мира. Доводы газетных авторов выглядели убедительно. «Ясно, что только разумные существа могут посылать сигналы через равные промежутки времени», — вещали статьи.

— Чем же все кончилось?

— Дело оказалось проще простого, — сказал Федор. — За время, равное периоду сигналов, наша планета совершает полный оборот вокруг своей оси. А это означает, что сигналы, принятые инженером-радиостом, исходят из одного и того же небесного участка. Этот участок уточнили — оказалось, что он расположен в созвездии Стрельца. Шумиха умерла, дав начало замечательной науке — радиоастрономии. Одновременно были открыты новые небесные объекты — радиозвезды... Ну, а потом уже открыли Черную звезду — «дырку» в небе...

Лин улыбнулась — в темноте ровно блеснули зубы.

— Похоже, дело кончится тем, что я предам астроботанику и подамся в звездочеты, — сказала она. — Вы, наверно, будущий астроном, Федор?

— Нет.

— Кто же?

— Угадайте.

— Попробую.

Глаза Лин озорно блеснули.

— Рулевой на байдарке?

— Это моя побочная специальность.

— А основная?

— Я курсант Звездной академии, — сказал Федор. — Буду, как отец. Он звездoproходец.

Лин знала, что такое звездoproходец. Улетая в дальний космос, к звездам, человек навсегда прощается со своим поколением. Когда он возвращается на Землю, его встречает новое поколение.

Каждое возвращение со звезд приносит благо человечеству, делает его могущественнее и мудрее. Звездoproходцы помогают остальным обживать звездный дом. Немного таких людей, идущих впереди других землян в освоении пространства. Земля окружает их — редких гостей! — почетом и уважением.

Жить по несколько лет в разных веках и эпохах непросто.

— Есть такая исландская сага, — тихо сказал Федор, будто угадав мысли Лин. — Воины сидели в длинной хижине, греясь у костра. Двери с обеих сторон были распахнуты, чтобы выходил дым. В дверь влетела птица. Она покружилась над костром и улетела прочь. «Вот наша жизнь», — сказал вождь. — До — небытие, и после — небытие, а посреди — несколько мгновений света и тепла».

— Зато те, кто покоряет пространство, живут как бы несколько жизней, — произнесла Лин. — Они имеют возможность познакомиться с различными поколениями землян, увидеть, чего они достигли.

Федор посмотрел на Лин.

— Эта возможность дается недешево, — сказал он.

Лин вздохнула.

— Разве нельзя отказаться от таких полетов?

Федор покачал головой.

— Когда-то пионеры осваивали нашу планету, бредя по топам, прорубаясь сквозь джунгли, пересекая прерии, — ответил он. — Благодаря им Земля принадлежит людям. Ныне пионеры должны прокладывать путь к звездам.

— Нужно посылать в пространство автоматы! — нарушила Лин паузу.

— Автоматы не заменят человека.

Рядом, в кустарнике, резко прокричала какая-то птица.

— Ужасно... — прошептала Лин. — Ужасно, когда люди навсегда прощаются со своим поколением, улетая к звездам. Мы их никогда не увидим. Значит, для нас они умирают... Недале-

ко от института, где я учусь, расположены стапели, где строятся звездные корабли.

— Вы были там? — с живостью спросил Федор.

Лин кивнула.

— Недавно, — сказала она. — Там сейчас строится фотонный звездолет «Пион». Представляете, Федя, это не корабль, а целый город! Там столько отсеков, что без карты не разберешься. Наверно, экипаж корабля будет состоять из сотен, тысяч людей. Целого выпуска Звездной академии не хватит! Разве можно свыкнуться с мыслью, что все они умрут для нас?

— «Пион» уйдет в пространство с одним человеком на борту, — сказал Федор.

— С одним человеком? — Лин показалось, что она ослышалась.

— С одним, — подтвердил Федор.

— Одному человеку без экипажа там делать нечего, — сказала Лин.

— На «Пионе» будет экипаж, — произнес Федор. — Но не из людей, а из белковых роботов.

— Из Зеленого городка?

— Да.

— И Энквен полетит?

— Конечно.

— А я никогда не интересовалась судьбой белковых братьев, — сказала Лин. — Почему-то думала, что их используют только на работах в пределах Солнечной системы.

— Так было до последнего времени. Только последняя группа белковых воспитывается для звездных рейсов, — сказал Федор.

— Но Энквен-то каков! Уж он-то мог бы мне рассказать, — заметила Лин.

— А разве вы спрашивали его об этом? — резонно возразил Федор.

Снова прокричала птица — резко и протяжно.

— Интересно, куда полетит «Пион»? — задумчиво произнесла Лин.

— У нас в академии все уверены, что к Тритону, — сказал Федор.

— А что это за объект?

— Та самая черная дыра, о которой я вам рассказывал.

— Воронка в небе?

— Да.

Лин зябко передернула плечами.

— Разве мало в небе других звезд? — спросила она.

— Только Тритон с его чудовищным притяжением поможет людям решить одну из величайших загадок природы, — сказал Федор. — Раскрыть тайну гравитации. Разгадка ее даст ключ человечеству ко многим явлениям природы. Научившись управлять гравитацией, человечество обретет крылья, антигравитационные паруса понесут корабли землян к новым, еще более далеким мирам. А главное...

— Что?

— Главное, есть надежда, что, разгадав гравитацию, человек научится покорять время, так же как он покоряет пространство.

— Покорять время... — повторила Лин и посмотрела на своего рослого, немного сутуловатого спутника. Говоря о звездах, он преображался. Его мысли были там, на загадочном и смертельно опасном Тритоне. Когда Федор рассказывал о дальнем космосе, лицо его становилось одухотворенным. В широких плечах легко угадать недюжинную силу. А как он тащил рюкзак, с которым и двое с трудом бы справились! Вначале, во время короткой встречи на берегу, этот парень показался ей чуть диковатым, но теперь она поняла, что первое впечатление было ошибочным. Просто Федор жил напряженной внутренней жизнью, которую временами выдавали глубоко посаженные, пылливо светящиеся глаза.

Пора было возвращаться на озеро, но уходить совсем не хотелось.

Лин осторожно поправила перевязанную руку.

— Силы тяготения есть и на Земле, — сказала она. — Зачем же лететь так далеко, чтобы их изучать?

— Здесь эти силы слишком малы.

— А на Тритоне?

— Там гравитация настолько велика, что она-то, собственно, и убивает звезду. Чудовищное притяжение как бы стягивает звезду к центру. Ломая любые внутренние преграды, звезда сжимается до тех пор, пока в поле тяготения не начнет заметно изменяться ход времени.

Лин кивнула.

— Теория относительности, — сказала она.

Законы Эйнштейна, которые на лекциях в институте казались ей такими абстрактными, вдруг в рассказе Федора начали приобретать реальные очертания.

— Представьте себе, что в поле тяготения Тритона попал какой-нибудь корабль, скажем, тот же «Пион», — произнес Федор. — Любой предмет (неважно, пылинка ли это или ко-

рабль) под действием сил притяжения начнет падать к центру звезды, причем скорость падения будет все время возрастать, пока не приблизится к скорости света...

— И «Пион» погибнет! — вскрикнула Лин.

— Не обязательно, — покачал головой Федор. — Во-первых, у «Пиона» будет начальный импульс, с которым он подлетит к Тритону, благодаря чему корабль сможет, если повезет, стать искусственным спутником звезды. Во-вторых, благодаря высокой скорости время на корабле замедлится, оно как бы застынет...

— С земной точки зрения?

— Конечно.

Лин представила себе, как «Пион» вращается вокруг Черной звезды, ежеминутно рискуя сорваться в бушующую пропасть. Экипаж ставит эксперименты, накапливает факты, шаг за шагом разгадывая тайну гравитации. Но допустим, задача решена. Как же вырваться из плена Черной звезды?

— Как же вырваться из плена Черной звезды? — вслух повторила Лин.

— Это дело того человека, который поведет «Пион», — ответил Федор. — Дело капитана.

Лин поднялась.

— Поздно, — сказала она.

— Пора возвращаться, — откликнулся Федор, тоже поднимаясь.

Благодаря полной луне спускаться было легко. Каждый камешек, каждая травинка были щедро облиты желтым сиянием. Над молодыми людьми мерцали звезды.

— Послушайте, Федя, — сказала Лин, — но если Тритон не светится, то есть, я хочу сказать, если он сам втягивает в себя весь свет, который излучает, то ведь обнаружить его в телескоп невозможно?

— Невозможно.

— Как же «Пион» обнаружит звезду, к которой летит?

— Для того чтобы обнаружить умершую звезду, которая, сжавшись, стала меньше собственной сферы Шварцшильда, существует только один способ, — сказал Федор. — Поле тяготения этой звезды. Если в полете силы гравитации начнут возрастать, это и будет означать, что корабль...

— Падает на Черную звезду!

— Приближается к Черной звезде, — поправил Федор.

Долгое время они спускались молча, погруженные в свои мысли.

— Мне не дает покоя одна мысль,— сказала Лин, когда они вышли на дорогу, ведущую к высокогорному озеру.— Кто будет тот смельчак, который один, с экипажем из белковых роботов, полетит на «Пионе» к умершей звезде?

Осень со всех сторон наступала на маленький островок тепла, затерявшийся в сердце Кавказских гор.

За поворотом открылось озеро. Оно блестело, рассеченное надвое лунной дорожкой.

Лин и Федор молча дошли до башни радиомаяка, антенна которого бессонно вращалась днем и ночью. От черной башни внезапно отделилась невысокая фигура. Федор шагнул вперед, заслоняя собой Лин. Черты лица разобрать было трудно, потому что фигура двигалась в тени, отбрасываемой башней.

— Дедушка! — громко сказала Лин. Она быстро ответила назад руку, чтобы Ливен Брок не успел заметить повязку.

— Бессонница,— сказал Ливен Брок,— решил немного прогуляться.

Они двинулись втроем к палаточному городку. Палатки были разбиты на песке, у самого берега озера.

Быстро раздевшись, Федор вытянулся под одеялом, но уснуть, против обыкновения, долго не мог.

В памяти проплывали события прошедшего дня, как некогда, яркого и насыщенного. Стремительный рассветный полет... Утренние облака, подцвеченные зарей... Леса, поля, горы, города, проплывающие внизу... Кавказ, величавый Казбек... Высокогорное озеро Отдыха, по воле синоптиков превратившееся на несколько дней в крохотный островок тепла и лета... Ливен Брок, Энквен... Лин, байдарка... И снова Лин. Вылазка в горы и их долгий разговор, внешне, быть может, и бессвязный, но исполненный для Федора глубокого смысла. Иначе почему бы он теперь, ворочаясь на узкой койке, все время возвращался к нему, вспоминая каждую реплику, каждую интонацию длинноносой девушки?

Федор говорил ей о сокровенном. О мечтах. О звездах. Да, и звезды — это тоже сокровенное. О Тритоне, о загадочной Черной звезде, о таинственной дыре в небосводе Федор привык думать постоянно.

Повернувшись, Федор нагнулся, приподнял край брезента. Неужели скоро рассветет? Несмотря на то что сон не приходил, ночь промелькнула, словно единый миг. Да, на востоке началась заря. Вершины гор зарозовели. Он отпустил край брезента, улегся поудобнее и закрыл глаза, пытаясь уснуть.

Полежав несколько минут, он рывком поднялся и сел, спустив ноги на пол. Остывший за ночь песок приятно холодил

босые ноги. Спавший на второй койке долговязый программист Ам Лир, завернувшись в одеяло, уютно посапывал.

Который час? Часы остановились (видимо, Федор забыл их с прошлого дня завести). Беспокоить Ам Лира не хотелось. Федор тихонько вышел из палатки. Все вокруг спало: и озеро, и песок, и палатки, и горы. Федор посмотрел на неподвижные стрелки своих часов и усмехнулся: эдак и впрямь решишь, что время вдруг застыло, словно там, на Тритоне... А что он, собственно, знает о Тритоне? Если разобраться, очень мало, только общие вещи.

Оставляя глубокие следы на влажном песке, Федор подошел к воде. Влага как бы застыла. Не так ли застывает и умирающая Черная звезда? Да, если человек окажется рядом с ней, то ему будет казаться, что звезда застывает, словно воск, вылитый в холодную воду. Долго Федор не мог понять, почему это происходит, пока Ливен Брок не разъяснил ему, в чем суть дела. Вот чудовищная масса звезды под воздействием гравитации начинает сжиматься, сжестиваться, «слипаться», стягиваться к центру. Сначала этот процесс происходит медленно. Затем обломки, частички звезды под воздействием непреодолимой силы начинают мчаться вглубь со все увеличивающейся скоростью. Казалось бы, изменения в звезде должны быть именно теперь наиболее хорошо заметны. Но это не так. Когда звезда сжимается, гравитация увеличивается, а в этом случае в соответствии с общей теорией относительности Эйнштейна скорость течения времени замедляется... Да, само Время застывает, словно студень, вокруг загадочной Черной звезды! Ну, а раз замедляется время, замедляются и все происходящие события...

Кто поведет «Пион» к Черной звезде? Неужели и впрямь на борту корабля будет только один человек — капитан, а экипаж составят белковые роботы? Ливен Брок сказал: возможно, именно так и будет, если окажется, что белковые роботы, воспитываемые в Зеленом городке, смогут пройти все испытания.

Никому еще Федор не рассказывал о тайной своей мечте — стать капитаном «Пиона», повести его к Черной звезде, неважно, с каким экипажем: это дело Высшего координационного совета.

Неизвестно, когда родилась эта мечта, когда созрела. После вчерашнего вечера Федору казалось, что она всегда жила в нем.

«Пион» заложен на Лунных стапелях. Еще несколько лет — и он будет готов.

Сумеет ли Федор к тому времени достаточно проявить себя? Конечно, претендентов будет великое множество. Но у Федора Икарова будет по сравнению с многими «космическими волками» одно неоспоримое преимущество — молодость. Да, именно это обстоятельство, которое в иных условиях, при отборе кандидатов в капитаны для обычного звездного рейса, едва ли считалось бы таким уж ценным, в данном случае могло — Федор верил в это — оказаться решающим. Из любого учебника космоплавания известно: для того чтобы руководить полетом в межзвездном рейсе, нужен опыт. Однако данное утверждение справедливо только для обычного межзвездного полета, протекающего в привычном пространстве. В таком полете, действительно, необходима сноровка, приобретенная в предыдущих полетах. Возможны сходные ситуации, допустимы аналогии, позволяющие капитану принять правильное решение в необычных, острых обстоятельствах. Что же касается Черной звезды... Чей опыт мог бы принести здесь пользу? Ни одному землянину не пришлось еще побывать в условиях огромной гравитации черной дыры, когда само пространство прогибается, теряя привычные свойства пространства обычного, евклидова, которое называют еще «плоским». За миллионы лет эволюции люди приспособились к «плоскому» пространству. Каково им придется в изогнутом пространстве? Как будет вести себя в необычных условиях техника землян — их корабль, приборы, наконец, белковые помощники?

Выходя на берег, Федор подумал, что в условиях Черной звезды весь опыт космоплавания, накопленный человечеством, мог бы оказаться бесполезным грузом. Более того, может быть, и вредным.

Какими качествами должен обладать человек, который поведет «Пион» к Черной звезде? Шагая вдоль кромки воды, Федор принялся произносить вслух, загибая пальцы:

— Молодость — раз.

— Железное здоровье — два.

— Умение переносить огромные перегрузки — три. (Лучше меня никто не переносит перегрузки на курсе, да, пожалуй, и во всей Звездной академии.)

— Знать космоплавание, звездную навигацию и основы нуль-транспортировки. Это четыре...

Что там еще говорил начальник академии на выпускном вечере?

— Уметь руководить экипажем белковых. Пять... (Как странно звучит — «экипаж белковых». Наверно, так же стран-

но звучали когда-то слова: «звездные лодии», «нуль-транспортровка», «фотонный двигатель»...)

Когда были загнуты все пальцы левой руки, Федор перешел на правую:

— Усвоить все, что людям до сих пор известно о гравитации, — шесть.

Исчерпав и здесь все ресурсы, он разогнулся и сделал на песке двойное сальто. Затем, пораженный внезапной мыслью, вскочил и огляделся. Что если она увидит? Но небольшой палаточный городок спал. Интересно, в какой из палаток спит Лин? Удивительная девушка с Луны...

Трусой, чтобы согреться (было довольно свежо), Федор двинулся к своей палатке.

...Лин спросила вчера: «Как сможет корабль, достигший черной дыры, оторваться от нее? Как сумеет он преодолеть ее притяжение?» Федор ответил: «Это дело капитана, который поведет «Пион»». Федору немного покрасоваться захотелось, распушить павлиний хвост, показать, какие опасности ждут пионцев, какая ответственность ложится на капитана. Впрочем, отвечая так, Федор лишь отчасти покривил душой. В вопросе о том, как кораблю отрыватьсь от Черной звезды, и в самом деле было много неясного. Твердо известно было одно — если «Пион» приблизится к Тритону на расстояние, меньшее некоторого критического радиуса, то уже никакая сила в мире не сможет вызволить корабль землян: ловушка захлопнется, и он погибнет. С другой стороны, если корабль будет вращаться слишком далеко от черной дыры, научные наблюдения принесут гораздо менее ценную информацию. А ведь изучение поля Черной звезды — главная цель полета.

Все дело было в том, каков же этот критический радиус. Тут-то и была загвоздка. Верно посчитать его можно будет, только находясь в окрестности черной дыры... То есть это дело капитана...

Сегодня погода переменится. Сегодня, загодя запрограммированные, одновременно сработают тысячи реле блуждающих аэростатов, отключая метеорологический кордон, и со всех сторон к озеру Отдыха хлынут массы холодного воздуха. Осень поглотит крохотный островок лета.

Свернут и увезут палатки. Ветер сотрет непрочные следы, оставленные на пеже. С окрестных гор поползут белесые туманы. По поверхности пустынного озера забарабанит дождь, капельки будут оставлять мгновенные следы, похожие на лунные кратеры...

Сегодня в двенадцать ноль-ноль на озере Отдыха наступит осень.

Федор сел на песок, прислонился к шершавой, прогнувшейся под его тяжестью стенке палатки.

Первый солнечный луч брызнул из-за зубчатых гор.

Глава 7

ДВА КАПИТАНА

*Минуто назад захлопнулся люк
И взвыл укрощенный дьявол,
И вниз провалились зеленый луг,
Река, где мальчишкой плавал...*

Когда Май, постучавшись, вошла в комнату, Федор, сидел за столом и читал письмо. Перед ним валялся конверт с лунным штемпелем.

— А я к тебе с новостью,— сказала Май. Она покосилась на конверт и села на стул, не дожидаясь приглашения.

— Неужели распределили? — воскликнул Федор.

Май кивнула.

— Наконец-то,— сказал Федор и положил письмо на стол. Разбивка на пары для учебного поиска была событием, которого третьекурсники ждали, о котором говорили целую неделю. В Звездной академии после важного курса инопланетной аэрофотосъемки полагался зачет. Он состоял в том, что слушатели разбивались на пары, один из курсантов в ракете-одиночке исследовал указанную заранее местность на одной из планет. Это могла быть Луна, Марс или Венера, а то и искусственный спутник Земли — один из множества вращавшихся вокруг планеты. Впрочем, последний вариант считался одним из самых простых и легких, а потому и наименее почетным. Пока один из курсантов исследовал естественный и искусственный рельефы местности, изучал распределение речной сети (если она имелась), второй курсант, его дублер, находясь на Земле, контролировал его действия.

Такая система поиска имитировала условия в космическом полете, когда один из астронавтов отчаливал на ракете-шлюпке, чтобы исследовать новую планету, а товарищ, оставшийся на материнском корабле, страховал его.

Когда курсант возвращался, дублер получал новое задание и улетал в той же ракете, а прилетевший страховал его полет.

— Список только что вывесили внизу,— сказала Май.— Там толпа теперь, не протолкнешься.

Май умолчала о том, что ждала списка несколько часов, чтобы сделать приятное Федору.

— Куда я лечу? — спросил Федор.

Май улыбнулась.

— Судя по твоей переписке, тебе повезло,— сказала она.— Тебе досталась Луна.

— А кто мой дублер?

— Я.

Федор усмехнулся.

— И впрямь повезло,— заметил он.

В последнее время они с Май пикировались по всякому поводу, но теперь девушка не обратила внимания на шпильку.

— Когда старт? — спросил Федор.

— Завтра в двенадцать ноль-ноль.

Май поднялась и уже в дверях спросила:

— Сыграем в пинг-понг?

— Некогда,— сказал Федор.— Еще разочек справочники по селенографии просмотрю.

— Ладно, учи, да только как следует,— сказала Май.— Я ошибок не прощаю.

Дверь закрылась, и Федор вернулся к письму Лин. Она писала о жизни на Луне, о том, как продвигается сборка «Пиона». «Мы встретимся нескоро. Я прилечу на Землю только через полгода,— читал Федор,— а мне так много нужно тебе рассказать! Моя дипломная работа посвящена эрцелле. Удалось доказать, что это растение является гораздо более живучим, чем считалось раньше. Оно стойко к радиации. Кое-какие свойства эрцеллы я улучшила — все-таки недаром проторчала три месяца на Оранжевом спутнике! В ясную погоду видела сверху Зеленый городок, а рядом — твой лагерь... А знаешь, какая мысль вдохновляла меня все время? Что улучшенную мной эрцеллу могут взять на «Пион» и она полетит вместе с кораблем к Черной звезде. Опять, наверно, скажешь, что я фантазерка, да?

Дедушка пишет, что работает много. Энквеном не нахвалится. Впрочем, тебе это, наверно, известно лучше, чем мне. Пиши о своих делах.

На что употребим каникулы? Я предлагаю путешествие по Иртышу и Оби на байдарках. Есть у меня на примете один неплохой рулевой...

А ты? Еще не отказался от идеи во время каникул слетать на Марс, «побродить по пустыне и, если повезет, посмотреть

песчаную бурю — бальсанч?» Пишу об Иртыше, но не уверена в успехе: ты у меня упрямый, как Энквен».

Федор аккуратно сложил письмо и спрятал его в конверт. Он подумал, что если съемка лунного участка, координаты которого ему вручат завтра утром, пройдет удачно, то у него будет на Луне несколько свободных часов и можно будет встретиться с Лин. Радировать ей об этом? «Нет, лучше нагряну внезапно, как снег на голову», — решил Федор, пряча конверт в ящик стола, в котором хранил переписку.

Ракета дрогнула, и Федора вдавило в сиденье. Привычно отяжелевшей рукой он поставил рычаг на максимальную скорость и откинулся на спинку. Федор гораздо лучше других курсантов переносил перегрузки, но все равно ощущения в течение того времени, когда корабль шел с ускорением, были не из приятных. Задав курс, Федор закрыл глаза. После зачета по аэрофотосъемке следует геологический поиск — очень серьезный экзамен. Будущий капитан космического корабля должен разбираться не только в звездной навигации. Открыв новую планету, он должен за сравнительно короткий срок определить, пригодна ли она для жизни (или может быть переделана), изучить в общих чертах характер поверхности, выявить естественные энергетические ресурсы, оценить наличие полезных ископаемых и возможности их разработки.

Конечно, в космическом полете все это выполняет не один капитан: экипаж звездолета укомплектован специалистами. Но очень многое в полете зависит от капитана, от того, какие решения он примет. Потому и обязан капитан знать все.

Лежа под свинцовым прессом перегрузок, Федор подумал: каким же должен быть капитан фотонного корабля, экипаж которого укомплектован белковыми роботами! Вся ответственность на таком корабле ложится на плечи единственного человека.

Ракета продолжала набирать скорость. Кто-то проворно накладывал тяжелые плиты на грудь Федора, лежащего навзничь в пилотском кресле. Дышать стало трудно. Во всей академии такой режим ускорения выдерживал, пожалуй, один Икаров.

Люди должны победить тяготение, избавиться от этого унижительного чувства, когда при старте тебя неизменно сплюсцивает в лепешку.

Но разве дело только в том, чтобы победить перегрузки? Взнудать время, научиться управлять его течением! Ради этого стоит пойти на любой риск, принести любые жертвы.

В наушниках что-то шелкнуло.

— Как проходит полет? — прозвучал голос Май.

— Нормально, — ответил Федор, с трудом ворочая языком. Со штурманского экрана на него смотрела Май.

Повернув голову, Федор выглянул в иллюминатор. Глубоко внизу дымилась чаша Земли.

Грохот дюз оборвался. Кто-то одним ударом сшиб с груди Федора тяжкие плиты. Двигатели отключились, в кабине воцарилась невесомость. Корабль шел теперь по инерции.

Хотя Федор и не любил чувствовать себя пассажиром, но инструкция предписывала на пассивном участке пути пользоваться ракетным автопилотом.

Включив автопилот, Федор задремал. Когда он проснулся, корабль вошел уже в сферу притяжения Луны. Естественный спутник Земли постепенно увеличивался в размерах, перемещаясь к центру обзорного экрана.

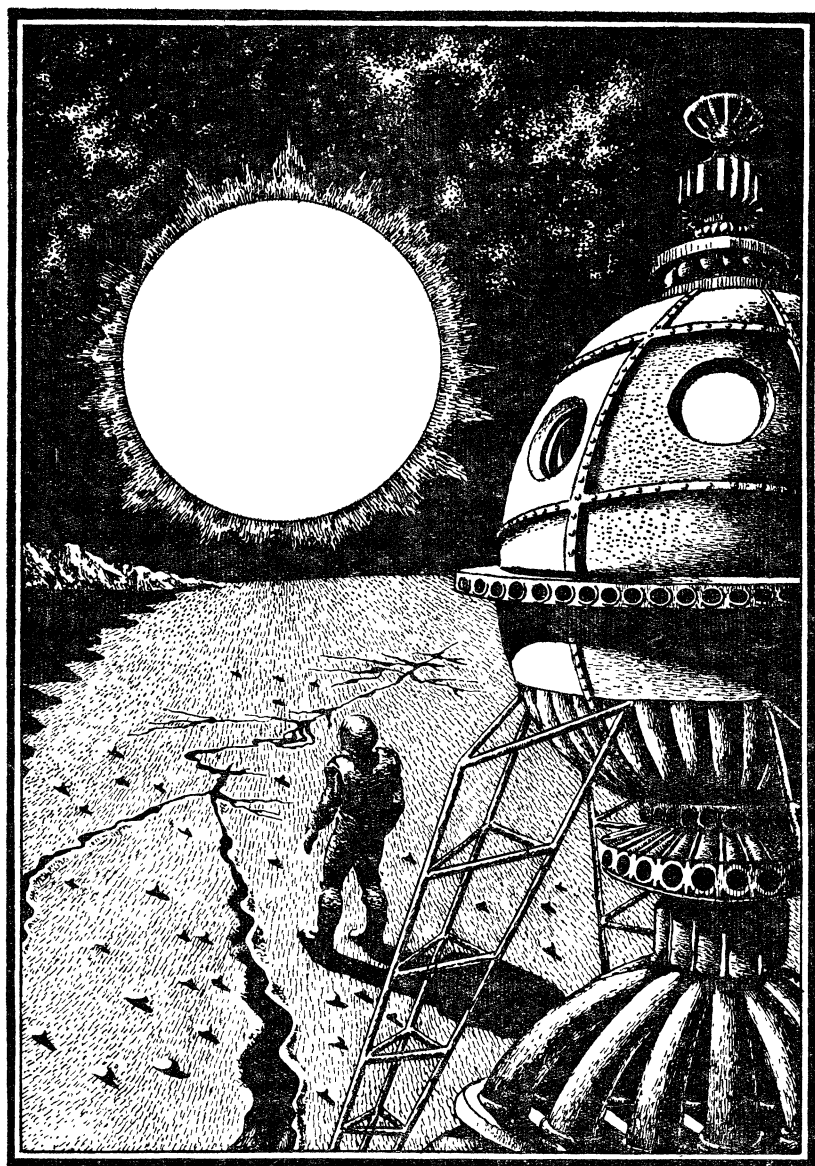
Май сидит теперь в глубоком бункере, ее и курсанта Икарова связывают только телевизионный экран да радионаушники. Ну, а вообще-то что их связывает? Только полудетская дружба, которая не выдержала испытания временем? Неужели Май не в силах это понять? Когда он вернется с Луны, надо будет с ней объясниться.

Но сейчас нельзя размагничиваться. Федор посмотрел на часы: уже можно ознакомиться с заданием. Он вытащил из кармана пакет и сломал печати. Задание было не совсем обычным: Икаров должен был исследовать любой — по собственному выбору — участок лунной поверхности и передать его изображение дублеру. Май должна была определить, где находится этот участок.

Луна заняла половину экрана. Пора включить тормозные двигатели. Федор чувствовал ракету, как собственное тело. Так натренированный спортсмен ощущает каждую свою мышцу и владеет ею.

— Федя, ты не заснул? — прозвучал в наушниках насмешливый голос Май.

— Разворачиваюсь на посадку, — сдержанно ответил Федор и усмехнулся. Он подумал еще, что, будь в кабине ракеты установлен биопередатчик, Май могла бы слушать его мысли. Аппараты биосвязи еще не получили широкого распространения и не были усовершенствованы, но после происшествия с Энквенем они не могли не вызвать пристального интереса ученых. Не за горами время, когда люди смогут мысленно общаться друг с другом.

Приступив к ручному управлению, Федор, не отрываясь, смотрел в обзорный экран. Прямо по курсу, как на картинке учебника, перед ним находился лунный диск, усеянный оспинами кратеров. За хвостом корабля на фоне черного неба и звезд висел голубой глобус — Земля.

Под идущим на посадку кораблем медленно поворачивалось гористое южное полушарие Луны.

Лунные горы не чета земным. Первозданные многокилометровые пики соседствуют с такими пропастями, что дух захватывает. Наша старушка планета тоже когда-то имела приличный горный рельеф, но ливни, грозы и ураганы, бушевавшие в течение многих миллионов лет, сгладили его. А на Луне, где до сравнительно недавнего времени не было ни воды, ни атмосферы, царствуют острые углы и резкие, несглаженные переходы.

Федор не спешил садиться. Он маневрировал, выбирая подходящую площадку для штуки, которую задумал.

Под кораблем проплыл лунный Южный полюс — горы Лейбница. Федор восстановил в памяти лунную карту — пользоваться картой на зачете нельзя было — и направил корабль на север. Внизу показался зубчатый кратер — цирк Шиккарда. «Не то!» — решил Федор. Он еще сбросил скорость и повернул ракету на северо-восток. «Вот оно то, что нужно. Плато Варгентина. Круг диаметром примерно в сто километров — значит площадь что-то около восьми тысяч квадратных километров», — сразу прикинул Федор. Он спланировал к центру плато.

Одноместка села, покачнувшись на стабилизаторах. Федор включил передачу изображения, открыл люк и спрыгнул на плато, ровное, как стол.

В наушниках послышался шорох.

— Что это за местность? — растерянно спросила Май, хотя подобные вопросы на зачете не поощрялись.

— Луна, — ответил Федор, что тоже отнюдь не рекомендовалось. Но Федор был рыцарь.

— Луна?.. — переспросила Май.

— Она самая, — подтвердил Федор, наслаждаясь произведенным эффектом.

— Расскажи своему роботу, — прозвучало в наушниках. В голосе Май явственно слышалось: «Если это Луна, то где же горные кряжи, изломанные пики, кратеры и цирки?»

— Это не Луна, — сказала Май. — Признавайся: ты причалил к промежуточному спутнику?

Федор хмыкнул.

— Включи круговое наблюдение! — потребовала Май.

— Включаю, — как положено, ответил Федор.

Однако панорама мало помогла Май. Экран по-прежнему показывал абсолютно ровную поверхность.

— Включи обзор до горизонта, — решила сделать Май последнюю попытку.

— Есть обзор, — с готовностью произнес Федор, нажимая кнопку на переносной панели.

Май умолкла. Видимо, она лихорадочно пыталась сообразить по изображению на экране, куда Икаров посадил одноместку.

Федор торжествовал: расчет его оказался безошибочным. Ни один лунный пик, ни один кратер не попал в поле зрения Май. Перед нею на экране была лишь ровная, как медаль, поверхность. Такая поверхность и впрямь характерна скорее для промежуточного спутника, чем для Луны, — тут Май была права... Строго говоря, Май допустила одну-единственную ошибку: она забыла, что радиус видимого горизонта на Луне мал по сравнению с земным и составляет всего два с половиной километра.

Эта ошибка, характерная почти для всех землян, стоила ей — а заодно, конечно, и Федору — несданного зачета.

Здесь, рядом, в нескольких сотнях километров от злополучного плато Варгентина, находится Лин. Но лететь к ней нельзя. Ввиду того что зачет не принят (а в этом Федор не сомневался), придется немедленно возвращаться на базу. Самое обидное, что Лин даже радировать нельзя: находясь в учебном поиске, запрещается связываться по радио с посторонними лицами. Гм... посторонними лицами.

Однако в своем поступке Федор не раскаивался. Он поправил шлем, сделал несколько шагов. Тело было непривычно легким. Но ходить по Луне было вовсе не так просто, как он ожидал. Тело не привыкло еще к малой тяжести. Лин рассказывала: когда она ребенком попала в лунный интернат, первое, чему их учили, — это ходьба. Такой предмет был — уроки ходьбы.

— Учлет Икаров, возвращайтесь на базу, — прогреготало в наушниках. Голос начальника курса звучал недовольно.

Май против ожидания, узнав, в чем дело, не обиделась на Федора.

А зачет пришлось сдавать вторично.

Перед тем как войти в «лунную комнату», Федор и Май переглянулись.

— Заварил ты кашу,— сказала Май.— Как теперь расхлебывать будем?

— Ну, и ты хороша,— произнес Федор.— Не смогла отличить Луны от...

— Ладно, теперь дело не в этом,— перебила Май.— Но почему старик сам решил экзаменовать нас?

Федор пожал плечами.

— Может, потому, что знает Луну вдоль и поперек? — предположил он.

Май вздохнула.

— Пойдешь первой? — спросил Федор.

— Даже не знаю... Ой, страшно! Знаешь что? Давай войдем вместе,— предложила Май.

Икаров поправил китель и шагнул в комнату, посвященную целиком Луне — естественному спутнику нашей планеты. Схемы, лунографические карты висели по стенам, пол и стеллажи были уставлены всевозможными моделями, связанными с селенографией, селенологией, преобразованием Луны, строительством на ней.

Следом за Федором вошла Май, осторожно прикрыв за собой дверь. Комната была пустой. Учлеты недоуменно переглянулись.

— Опоздали? — тихо сказала Май.

Федор посмотрел на часы. 17.00. Именно это время назначил начальник академии для переэкзаменовки.

— Может быть, он...— начала Май и поперхнулась: оба одновременно увидели начальника академии, который вышел из-за огромного, в два человеческих роста, лунного глобуса.

— Готовы? — спросил начальник.

— Готовы, профессор,— ответил Федор.

— В каком порядке нам отвечать? — произнесла вдруг Май и залилась румянцем.

Начальник подумал.

— Вместе готовились? — спросил он.

— Вместе,— кивнула Май.

— Ну, и отвечать будете вместе,— решил начальник, окидывая взглядом Май и Федора.

Начальник толкнул пальцем глобус, и тот начал медленно вращаться.

— Присядем,— предложил начальник, и все трое сели за стол, стоявший рядом с глобусом. Поверхность стола была сплошь завалена образцами лунных пород.

— Каково происхождение Луны? — посмотрел начальник на Май.

— Существует несколько теорий. Некоторые астрофизики считают, что Земля и Луна раньше были независимы и лишь затем превратились в единую систему. Другие полагают, что Луна оторвалась от Земли еще в ту пору, когда наша планета была жидкой, под воздействием солнечной гравитации...

— Это единственная причина отрыва Луны от Земли? — спросил начальник. Поскольку Май молчала, взгляд его обратился к Федору.

Икаров посмотрел на лунный глобус, который все еще медленно вращался.

— Луна могла оторваться от Земли вследствие того, что вращение нашей планеты ускорилось, — сказал Федор.

— Но эти теории устарели, — подхватила Май.

Начальник одобрительно кивнул.

— А почему? — спросил он.

— Из этих теорий следует, что Земля и Луна должны быть одного возраста. А на самом деле, по данным радиоактивного анализа, Земля намного старше Луны, — ответила Май. — Земле примерно четыре с половиной миллиарда лет, а Луне всего только три и семь десятых миллиарда...

Начальник остановил рукой глобус, к этому моменту едва вращавшийся.

— Что застали первые люди на Луне? — спросил начальник.

«С чего это старик в историю углубился? Наверно, хочет поглубже копнуть», — подумал Федор.

Май немного подумала.

— Луна оказалась безжизненной, как и ожидалось, — начала она. — Первые космонавты подтвердили, что на Луне очень мало углерода. Выяснилось, что по геологическому составу различные участки Луны довольно сильно отличаются друг от друга.

— Точнее.

— Например, базальты в море Изобилия содержали только один процент окиси титана, а базальты из океана Бурь — целых десять процентов...

— Даже больше десяти, — уточнил экзаменатор. — Ну, а как вы считаете, что дало наукам о Земле изучение Луны? Ну, скажем, в вопросе о происхождении земной атмосферы?

Май прикусила губу.

— У Луны не было своей атмосферы, — произнесла она.

— Так. И что же отсюда следует? А вы помолчите, учтет Икаров, — резко сказал начальник академии, заметив, что Фе-

дор порывается что-то подсказать.— До вас очередь дойдет. Итак? — обратился он к Май.

— Не знаю... — прошептала она.

— Не страшно, — сказал начальник. — Капитан космического корабля не должен быть ходячей энциклопедией. — Он строго посмотрел на Май и Федора. — Вы должны научиться думать, строить логические цепи умозаключений... Но конечно, при минимальной затрате времени. Итак, попробуйте, — обратился начальник к Май.

Брови Май сошлись к переносице. Вертикальная складка разрезала лоб. Взгляд остановился на груде образцов, заваливших стол. Она сидела, выпрямившись, слегка откинувшись назад, на спинку стула.

— Поскольку Луна лишена была атмосферы, — тряхнула волосами Май, — космические частицы и метеориты могли беспрепятственно бомбардировать ее поверхность. Такая бомбардировка продолжалась в течение миллиардов лет...

— Значит, масса Луны должна была бы увеличиваться? — спросил начальник.

— Конечно. Так оно, наверно, и было вначале, — ответила Май. Она уже ухватила нить рассуждений и обрела уверенность. — Однако энергия метеоритного дождя была так велика, что при встрече частиц с поверхностью Луны происходил взрыв. Ведь метеориты не тормозились защитной атмосферной «шубой»... Те частицы взрыхленной лунной породы, которые приобретали в результате взрыва вторую космическую скорость, безвозвратно уносились в космическое пространство. В результате этого процесса в конце концов установилось равновесие, масса Луны не уменьшалась и не увеличивалась, а на поверхности ее образовался особый слой.

— Согласен, — кивнул начальник. — Именно на этот слой ступили первые космонавты. Но какие выводы можно отсюда сделать относительно земной атмосферы?

Федор неприметно положил руку на оплавленный осколок лунного камня. Каким-то шестым чувством Май догадалась, что он хотел сказать.

— На Земле такого слоя, подобного лунному, нет, — сказала Май. — Значит, с давних времен наша планета имела атмосферу, которая играла роль защитной брони.

— Логично, — согласился начальник. Непонятно почему, но он не касался злополучного лунного вояжа Федора и конфуза Май с рекогносцировкой на местности.

Май перевела дух.

— Что это у вас под рукой? — вдруг спросил начальник, переведя взгляд на Икарова. Он, оказывается, заметил жест Федора.

— Анортозит, — ответил Икаров.

— А можете сказать, из какой примерно области Луны он доставлен? — спросил начальник и тут же пожалел о своем вопросе: вряд ли сумеет ответить на него этот симпатичный учлет.

Федор в раздумье вертел в руках светло-серый кристалл.

— В море Изобилия анортозит имеет другой оттенок, более темный, — начал он рассуждать вслух. — Пожалуй, это порода высокогорная. Она встречается... — Федор помедлил, что-то прикидывая, припоминая, и уверенно добавил: — Да, в кратере «Аполлоний С».

— Точно, — не сдержавшись, улыбнулся начальник. — Образец я привез отсюда. Собственноручно добыл.

Взгляд начальника потеплел. И впрямь ответ учлета был незаурядным по точности. Но каковы истоки этого ответа? Что это? Феноменальная глубина знаний вкупе с абсолютной памятью либо случайное попадание, вытасченный наудачу лотерейный билет, оказавшийся счастливым? Справедливы ли неумные похвалы, на которые не скупятся обычно осторожные в оценках преподаватели Звездной академии, когда речь заходит о Федоре Икарове?

Во всяком случае далеко не каждый специалист по геологии Луны — селенолог — сумел бы, как этот парень, глянув на обычный образец породы, определить, из какой он географической области Луны. Для этого нужно обладать особой зоркостью, чутьем, тем, что планетологи зовут «нюхом».

— Что вы можете сказать о лунном железе? — спросил начальник Икарова.

Федор, поискав глазами, безошибочно определил в грудке, лежащей перед ним, нужный образец. Положив на стол осколок анортозита из кратера, Икаров протянул руку к поблескивающему кристаллу.

— В этом лунном минерале имеется металлическое железо, — сказал Федор. — Оно связано с силикатами. Состоит это железо из двух полиморфных видов, которые часто встречаются в метеоритном железе. Эти виды — камасит и тэнит.

— Чем характерен тэнит? — спросил начальник.

→ В нем много никеля.

Поначалу начальник сыпал вопросы, Федор отвечал на них, но постепенно разговор утрачивал экзаменационный характер,

превращаясь в беседу двух специалистов относительно предмета, интересующего их обоих.

Май не без удивления наблюдала за этой метаморфозой, совершающейся на ее глазах.

Ведь начальник академии в прошлом был одним из известнейших селенологов, не потому ли, кстати, он и был так страстен к двум учлетам, которые завалили зачет по Луне? Что же касается Икарова, то для него селенология была в конце концов обычным учебным курсом. Интересным? Да. Важным? Пожалуй. Но ведь таких курсов у слушателя Звездной академии был не один десяток...

Теперь уже Федор все чаще задавал начальнику вопросы. Они спорили, каждый отстаивал свою точку зрения.

— Долго я ломал голову с этим чертовым тэнитом, — признался Федору начальник. — Слишком много в нём никеля. А как вы считаете, почему в лунной почве вообще так много никеля и платиноидов?

— Я думал над этим, — сразу ответил Федор, словно ждавший этого вопроса. — По-моему, главная причина — вещество метеоритов.

— Да, мне это тоже приходило в голову, — кивнул начальник. — Ну, хорошо. — Он встал, поднялись и Май с Федором.

Начальник проводил учлетов.

— Мы продолжим беседу завтра, Икаров, — сказал он, когда Федор был уже в дверях.

* * *

После отчаянного прыжка и неудачного приземления Энkvена прошло несколько месяцев. Биокибернетики как будто бы восстановили все функции робота, но дотошный Ливен Брок обнаружил одно тревожное обстоятельство. Когда Энkvен не торопился, с ним все было в порядке. Но стоило ему ускорить шаг, побежать или высоко подпрыгнуть, как у Энkvена нарушалась координация движений.

Плохо было и другое. Вслед за Энkvеном, как бы беря с него пример, начали хромать и спотыкаться и другие белковые роботы из группы «Пиона».

Это явление выглядело абсолютно непонятным до тех пор, пока на очередном научном семинаре не выступил Алексей Волга с очередной сногшибательной идеей. «Белковые роботы как бы связаны невидимой нитью с Энkvеном, — сказал Волга, — и объясняется это очень просто: между всеми белковыми группами «Пион» установилась биологическая связь». В каком-то смысле вся группа представляла собой единое целое.

«Вылечим Энквена — выздоровеют и остальные», — утверждал Волга.

Карбенко и Волга сидели на садовой скамье во дворе института и разговаривали о разных разностях. На двери операционной они по молчаливому соглашению старались не смотреть.

— Волнуешься? — спросил Карбенко.

— Начиная волноваться, Володя, — признался Алексей.

— Не нужно, Леша. Великая река Волга должна быть спокойной.

— Почему?

— Потому что она отражает небо, — не очень вразумительно ответил Карбенко.

— Не только небо, Володя.

— Тем более. Ты лучше скажи-ка, Леша, какие у тебя планы на ближайшее воскресенье?

Волга пожал плечами.

— Какие могут быть планы? — сказал он. — Все зависит от того, с чем сейчас выйдут Ливен Брок и Ван.

— С чем, с чем! Я не сомневаюсь, что все будет в порядке, — произнес Карбенко. — А задумал я, Леша, пригласить тебя на небольшую прогулку.

Волга махнул рукой.

— На шахматы больше меня не затащишь, — произнес он мрачно. — Я не хочу быть у вас в клубе мальчиком для битья.

— Речь не о шахматах, а о пещерах, — сказал Карбенко.

Волга, внимательно рассматривавший на дорожке муравья, который тащил сухую травинку, поднял голову:

— Каких пещерах?

— Ну, тех, где мы искали с тобой Ливена Брока и Энквена, — пояснил Карбенко.

— Ах, вот оно что! — усмехнулся Волга. — Понравилось, значит?

— Хочу еще раз картину посмотреть, — сказал Карбенко.

— Какую еще картину?

— На стене, первобытного художника, охотник и олень! — громко произнес Карбенко. — Скажи, пожалуйста, где твои мысли?

— Мои мысли там, — кивнул Алексей в сторону операционной. — Уже третий час идет операция.

Карбенко посмотрел на часы.

— Три двадцать, — уточнил он.

— Как думаешь, Володя, смогут они поправить Энквена? — спросил Волга, не поднимая головы.

Вместо ответа Карбенко вскочил со скамьи и ринулся к двери: из нее вышли Ливен Брок и Ван Каро, которым было поручено оперировать Энквена. Брок и Ван шатались от усталости.

— Чем закончилась партия? — спросил Карбенко. — Победа?

— Партия отложена, Володя, — сказал Ливен Брок.

— В какой позиции?

Ливен Брок вытер лоб.

— Позиция неясная, Володя, — сказал Ван.

— Что с Энквеном? — спросил подошедший Волга.

— Операция закончена, Энквен жив, но до испытаний ничего нельзя сказать определенного, — сказал Ливен Брок.

— За чем же дело стало? Полетим на полигон, — предложил Карбенко.

— Испытывать нужно не только Энквена, но и остальных белковых группы «Пиона», — напомнил Ливен Брок.

— Пройдемся по аллее, — предложил Ван. — Подышим свежим воздухом.

Он все время оглядывался.

По аллее они дошли до волейбольной площадки. Шла игра, но играющих не было видно — их заслоняла плотная толпа болельщиков. Слышались лишь глухие удары по мячу, отдельные восклицания игроков да изредка восторженные или раздосадованные вздохи болельщиков.

— Сегодня Лин прилетела, а я ее еще не видел, — пожаловался Ливен Брок.

— Дома ждет? — спросил Карбенко.

— Как бы не так, — улыбнулся Ливен Брок, неплохо изучивший непоседливый характер внучки. — Лин всегда, когда прилетает с Луны, жалуется, что на Земле ей тяжело, «словно карманы камнями набиты». Но вместо того чтобы идти в Дом акклиматизации, как все нормальные люди, прилетевшие на Землю, она либо бежит на Обь поплавать, либо в гимнастический зал, либо в горы отправляется...

— В общем, Лин акклиматизируется на свой лад, — сказал Карбенко.

Кое-как они пробились к игровой площадке. Старый профессор не ошибся — Лин с увлечением играла в волейбол. Вновь подошедших она не заметила.

— Как же мы решим с испытаниями белковых? — озабоченно произнес Ван.

Они говорили негромко, склонившись друг к другу.

— Предлагайте, мушкетеры, — сказал Ливен Брок.

— Есть идея! — воскликнул Волга так громко, что на него оглянулись.

— Очередная, — добавил Карбенко.

— Испытаем немедленно белковых! — так же громко сказал Алексей.

— Где? — спросил Ван.

— Здесь, — указал Волга на волейбольную площадку, по которой метались игроки.

Ливен Брок посмотрел на Алексея.

— В этом что-то есть, — сказал старый воспитатель.

— Я что-то не совсем понял... — пробормотал Карбенко.

Что касается Вана, то внимание его было больше поглощено не разговором, а Лин.

— Группа «Пиона» состоит из двенадцати белковых, — блестя глазами, начал развивать свою мысль Алексей. — Разобьем их на две команды, и пусть играют.

— А судить кто будет? — спросил Карбенко.

— Здесь все специалисты, — указал Алексей на болельщиков. — Кибернетики, биологи, программисты... От их взгляда не укроется никакая, даже самая малая, погрешность в движениях белковых.

Ливен Брок слушал, кивая.

— Все? — спросил он, когда Алексей умолк.

— Все, профессор, — ответил Волга.

— Я с тобой не согласен, — сказал Ливен Брок. — Экзаменовывать нужно не только белковых, но и тех, кто их создал и воспитал. Потому предлагаю, чтобы белковые сразились с людьми.

— Но всех белковых двенадцать... — начал Карбенко.

— В командах разрешаются замены, — перебил Ливен Брок. — Что скажете, мушкетеры?

— Проиграем — позор на весь Зеленый городок! — почесал затылок Алексей.

— Нужно выбрать самых сильных игроков, — деловито сказал Владимир.

— Да уж! — согласился Алексей. — Им придется защищать честь всего рода человеческого.

— Икарова бы сюда, — вздохнул Алексей. — Гасит, как бог.

— Икаров здесь, — уверенно сказал Владимир.

— Ты его видел? — обернулся Ван, уловивший последнюю реплику.

— Не видел, но уверен, что он тут. Я открыл новый закон, — пояснил Владимир. — Нашел Лин — ищи Федора.

Ван ничего не сказал.

Между тем события на волейбольной площадке шли своим

чередом. Люди и роботы следили за азартной игрой — программисты сражались с математиками. Лин играла за команду математиков.

Ливен Брок вытащил из кармана блок связи.

— Когда уж на биосвязь перейдем! — посетовал он и, пригнувшись над мембраной, велел Энквену поспешить на волейбольную площадку.

Вскоре появился Энквен, несмотря на толпу, сразу же отыскавший воспитателя.

— Отбери пять белковых, — сказал Энквену Ливен Брок, — из тех, у кого в последнее время была больше, чем у других, расстроена координация движений. Ты будешь капитаном команды.

Энквен кивнул.

— Против вас выступит команда людей, — закончил Ливен Брок.

Энквен отошел.

— Простите, — вмешался в разговор старик садовник, когда Энквен исчез из виду. — Насколько я знаю, белковые роботы никогда еще не играли в волейбол.

— Верно, — кивнул Алексей.

— Как же они смогут играть? — удивился садовник.

— Белковые наблюдали игру — этого достаточно, — сказал Ливен Брок.

— А тренировки, практика? — не отставал садовник.

— Белковые обязаны научиться по ходу игры, — пояснил Ливен Брок.

— Ох, проиграют ваши питомцы, — покачал головой садовник.

— Тем хуже для нас, воспитателей, — сказал Ливен Брок.

— Добрый день, друзья! — послышался сзади ломкий басок.

— Федя! Вот кстати, — обрадовался Алексей.

— А я что говорил! — воскликнул Владимир и победоносно осматрелся.

— Мы тебя ждем, капитан, — сказал Ван.

— Откуда, Федор? — спросил Ливен Брок.

— Я только что с базы, — ответил Икаров и, немного помолчав, добавил, обращаясь к Ливену Броку. — Боюсь, с Энквеном опять что-то неладно.

— А что? — встревожился Ливен Брок.

— Шел я сейчас по аллее, — сказал Икаров, — и еще издали заметил Энквена. На сей раз я его с вами не спутал...

Энквен был не один. С ним стояло несколько белковых, они что-то обсуждали. Я подошел — притихли...

Ливен Брок улыбнулся.

— Готовится важное дело, Федя, — сказал он и изложил вкратце Икарову суть замысла.

— Ты будешь капитаном команды людей, — произнес Алексей.

— Не подкачай! — добавил Владимир.

Весть о матче между белковыми роботами и людьми быстро распространилась среди присутствующих.

Игра на площадке шла к концу. Побеждали математики. Заключительную точку в игре поставила Лин. Высокий пас... прыжок... удар — и мяч, обманным ударом посланный над защитным блоком, опустился на площадке противника.

Ливен Брок вытащил из кармана блокнот.

— Зачем это? — спросила Лин.

— Ты даже не представляешь, Лин, насколько ответственна эта встреча, — сказал Ливен Брок.

Болельщики расступились, на площадку вышла команда белковых, ведомая Энквеном. Неуверенно переступая (здесь они были в первый раз!), белковые заняли свои места. Сделать это было нетрудно: они в точности скопировали действия людей, стоящих за сеткой.

Ливен Брок забрался по лесенке на судейскую вышку, удобнее уселся и поднес к губам сирену. Игра началась.

На подачу вышел Энквен. Робот ударил несколько раз мяч о землю, как это, он видел, делали люди. Затем подбросил мяч и, когда тот стал опускаться, поддел его снизу, словно рычагом, шестипалой рукой. Мяч взвился над площадкой и опустился в глубоком ауте, где-то за аллеей.

— Не рассчитал... — с досадой пробормотал Ливен Брок и сделал в блокноте первую запись: «Энквен плохо вычисляет траекторию брошенного предмета, обладающего упругостью».

Роли команд переменялись — атаковали люди. На подачу выбежал Ван Каро. Мяч он подал квалифицированно, заправским драйвом. Пролетев над самой сеткой, мяч опустился на площадке противника. Белковые лишь проводили его взглядом. Только Кельзав сделал слабую попытку дотянуться до мяча, даже задел его, но это не спасло дела.

— Один: ноль, — провозгласил Ливен Брок, еще что-то черкнув в блокноте.

Счет начал угрожающе расти.

Притихшие воспитатели молча наблюдали за беспомощной игрой своих подопечных.

При счете 5 : 0 Ливен Брок объявил тайм-аут, и Энквен сделал игрокам своей команды короткое внушение. О чем он говорил, какие советы давал, осталось неизвестным: разговор шел на радиочастотах, но после возобновления игры роботы немного освоились. Им даже удалось забрать подачу. Правда, белковые тут же ее потеряли, послав мяч в сетку.

Чудо произошло, когда на подачу вышел Алексей. В отличие от Вана он любил подавать высокие мячи. Мяч повис над площадкой роботов. И тут Кельзав, словно подброшенный пружиной, вылетел на перехват. Возможно, сработали ассоциации, связанные с обучением роботов плаванию на Оби... Подпрыгнув на несколько метров, он в воздухе сделал сальто, а затем ударил по мячу с такой силой, что Владимир, пытавшийся его принять, растянулся на песке площадки.

Воспользовавшись паузой, Алексей вытер лоб. Он живо вспомнил дождь, ветреный день, водный полигон, где они с Владимиром обучали пионцев плаванию. Кстати, обучение плаванию проводилось примерно по той же схеме, как и теперь обучение волейболу. Роботы, еще не умея плавать, прыгали в воду и тут же, на ходу, самостоятельно постигали технику плавания. Все белковые, кроме отсутствующего Энквена, с честью выдержали тогда испытание. Как плавали они, как ныряли! Как бесподобно научились, прыгая в воду, перехватывать в воздухе сигнальную ракету!

Теперь роль ракеты играл мяч.

С земли, поглаживая бок, поднялся Владимир.

— Сигнальная ракета,— бросил он Алексею. Тот кивнул.

В игре наступил перелом. Правда, низкие мячи по-прежнему смущали белковых, но зато верхние подачи все они, за исключением своего капитана Энквена, перехватывали и гасили великолепно.

— Высокие подавай на Энквена! — крикнул Ван, пасуя мяч Федору.

Перевес в игре сохранялся на стороне людей. Они играли гибче, все время меняя тактику, в то время как роботы вели игру слишком прямолинейно.

Первый тайм программисты и биологи выиграли.

Взоры воспитателей были обращены к Ливену Броку. Тот просмотрел записи в блокноте, сунул его в карман, затем поглядел в сторону белковых, которым Энквен вновь что-то спокойно объяснял.

Ливен Брок слез с судейской вышки, его окружили воспитатели.

— Что же это будет, Ливен? — с тревогой спросил один из них.

— После перерыва лед тронется, — уверенно сказал Ливен Брок.

Слова опытного воспитателя оказались пророческими. Начало второго тайма проходило в равной борьбе. Команды двигались очко в очко.

Энквен, служивший в команде роботов связующим началом, и сам освоил технику гашения высоких мячей, и его удары буквально с каждым разом становились все более точными.

Федор, как и остальные его игроки, сражался с полной выкладкой. Но белковые и в защите начали играть безошибочно. Они спасали «мертвые» мячи, умело ставили блок. Как только Федор или кто-либо иной подпрыгивал, чтобы ударить по мячу, перед ним над сеткой вырастали шестипалые руки, преграждавшие путь атаке.

Федору показалось, что роботы научились разгадывать каждый раз его замыслы. Он только успевал продумать маневр, а у белковых уже было готово противоядие.

Один из ударов Энквена оказался настолько сильным, что мяч пробил сетку. Игру на несколько минут пришлось приостановить. К этому моменту роботы выигрывали тайм с подавляющим счетом.

Сетку заменили. Ливен Брок поднес к губам сирену, но его остановил Энквен.

— Погоди, воспитатель! — крикнул Энквен.

Ливен Брок опустил сирену и выжидательно посмотрел на робота. Энквен вперевалку подошел к судейской вышке, подпрыгнул и повис на одной руке, ухватившись за штангу.

— Говори, Энквен! — сказал Ливен Брок.

Робот молчал, раздумывая.

— Я доволен тобой, Энквен, — произнес Ливен Брок.

— А остальными?

— И остальными тоже. Ступай на площадку, — произнес нетерпеливо Ливен Брок.

— Дальнейшая игра бессмысленна, воспитатель, — вполголоса сказал Энквен.

— Вы устали? — удивился Ливен Брок. — Я этого не заметил.

Энквен покачал головой.

— Дело не в нас, — сказал он.

— Ах, вот оно что, — улыбнулся Ливен Брок. — Энквен мой, ты еще не знаешь людей! Их выносливости, выдержке нет предела. Люди могут все...

— Игра бессмысленна, воспитатель,— повторил Энквен. Он висел на руке без всякого видимого усилия.

— Почему?

— Мы освоили эту игру с мячом,— пояснил Энквен.— И с каждой минутой будем играть все лучше. Поэтому результат игры предрешен.

Ливен Брок машинально раскрыл блокнот.

— Записи здесь,— робот свободной рукой коснулся блокнота,— устарели. Каждый из нас может рассчитать полет мяча с точностью до миллиметра.

— До миллиметра?

— Да.

— Проверим,— сказал Ливен Брок. Он попросил мяч и жестом удалил с площадки всех игроков, оставив на ней только Энквена. Затем пошарил по карманам, вытащил карандаш и швырнул его вниз. Карандаш упал на край площадки, которую защищала команда людей.

Зрители и игроки, притихнув, следили за приготовлениями Ливена Брока.

Когда последний игрок покинул поле, Энквен не спеша вышел на середину площадки.

— Готов? — спросил Ливен Брок.

Энквен кивнул.

Ливен Брок с силой бросил мяч вверх и в сторону от Энквена.

Робот пристально следил за полетом мяча. Когда мяч начал снижаться, робот подпрыгнул, в полете изогнулся и резко, натыкаясь, ребром ладони нанес удар. Мяч опустился на карандаш, глубоко вдавив его в песок.

Зрители наградили Энквена аплодисментами.

— Вопрос ясен,— сказал Ливен Брок и приготовился слезть с судейской вышки.

— Погоди, воспитатель,— снова остановил его Энквен. Он поднял карандаш и протянул его Ливену Броку.

— Говори,— произнес Ливен Брок.

— Когда встречаются два шахматиста разных категорий,— сказал Энквен,— то для уравнивания шансов один дает другому фору — какую-нибудь фигуру: слона, например, или ладью.

— Моя школа,— пробормотал Карбенко с довольной ухмылкой. Остальные молчали, ожидая, куда клонит Энквен.

— Предлагаю уравнивать шансы двух команд,— сказал Энквен и посмотрел на Ливена Брока.

— Так-так... Какую же фигуру ты предлагаешь пожертвовать? — спросил Ливен Брок.

— Пусть против команды людей играет один белковый,— предложил Энквен.

— И он справится один?

— Он выиграет.

— У целой команды?

— Да.

Все посмотрели на Ливена Брока, ожидая, что он ответит Энквену.

— Хорошо,— согласился Ливен Брок.— Какой белковый может выйти на поле?

— Любой,— коротко ответил Энквен.

— Кого ты назначаешь?

— Себя,— мгновенно произнес Энквен.

Ливен Брок кивнул, словно ожидая такого ответа. По его жесту на площадку вышли шесть человек. За сеткой остался только один Энквен. Слегка согнувшись в коленях и подавшись вперед, словно перед прыжком, он ожидал подачи команды противника...

Первые же минуты после возобновления игры показали, что уравнивания сил, о котором говорил Энквен, не произошло. Как ни старались люди обмануть робота, то посылая мяч на край площадки, то опуская его у самой сетки,— расчет Энквена каждый раз оказывался безошибочным, прыжок — точным, а удар — неотразимым.

В сгустившихся сумерках Энквен метался по площадке, как пантера. Сходство со зверем довершали кошачья гибкость и мягкость движений робота.

Счет в пользу Энквена неумолимо рос.

— Включить освещение, учитель? — спросил Ван.

Ливен Брок махнул рукой.

— Я думаю, пора опустить занавес,— сказал он и свистком возвестил окончание игры, приостановленной ввиду явного преимущества Энквена.

Так закончился необычный матч между людьми и белковыми роботами.

Стемнело. Дорожки начали светиться. По аллее шла группа людей.

— Ах, Энквен, Энквен! — восхищенно повторял Владимир.

— Поздравляю вас, профессор, с успехами воспитанника,— сказал Алексей.

Ливен Брок улыбнулся.

— А я вас, мушкетеры,— сказал он.— А также того капитана, который полетит на «Пионе». На экипаж ему жаловаться не придется.

Лин и Федор ушли вперед.

— Я сегодня не собирался в Зеленый,— сказал Федор.

Лин погладила косу.

— Как же ты очутился на волейболе? — спросила она.

— К тебе прилетел.

— Откуда ты узнал, что я на Земле?

Федор улыбнулся.

— Тайна,— произнес он.

— Я никому не радивала, как же ты мог узнать?

Федор пожал плечами.

— Разве ты не веришь в биосвязь без передатчика? — произнес он многозначительно.

Лин искоса бросила взгляд на Федора: не поймешь, серьезно он говорит или шутит?

— Ты ведь был, кажется, недавно на Луне? — спросила Лин после паузы.

Федор кивнул.

— И улетел, не повидавшись?

— Понимаешь, Лин, так получилось... — замаялся Федор. Об истории, связанной с Май и ее неудачной рекогносцировкой на плато Варгентаина, у него не было охоты распространяться.

— Понимаю,— сказала Лин. — Опять тайна.

— Я заметил,— перевел разговор Федор,— что ты недолюбливаешь радиogramмы.

— Да,— согласилась Лин,— я больше люблю письма.

— Писать?

— И получать тоже!

Дом Ливена Брока был неподалеку от института, но Лин и Федор избрали отнюдь не кратчайший путь. Нужно было и переговорить о многом, и насмотреться друг на друга.

— В письме все важно,— задумчиво проговорила Лин,— и почерк, и конверт, и даже бумага,— я больше люблю старинную бумагу, чем пластик. Знаешь? Когда приходит от тебя письмо, я всегда гадаю...

— Гадаешь?

— Гадаю, в каком настроении ты был, что думал, когда писал письмо. А знаешь, о чем я подумала, когда пролетала сегодня над Атлантикой? Подумала, что хорошо бы написать тебе письмо, засмолить в бутылке и бросить в океан. И пусть оно путешествует долго-долго. Все равно слова не остынут! А потом...

— А потом?

— А потом, много лет спустя, ты случайно придешь на берег океана и найдешь бутылку... Я фантазерка, да?

— Нет, почему же? Когда-то бутылочная почта была в ходу,— заметил Федор.

— Капитан Грант?

— К бутылочной почте прибегали во время катастрофы, кораблекрушения. Это был единственный шанс подать о себе весть,— сказал Федор.— Но далеко не всем так везло, как капитану Гранту, записку которого все же нашли и не слишком поздно... В этом смысле Христофору Колумбу повезло меньше. Однажды Колумба во время экспедиции начали преследовать несчастья. Одна каравелла — «Санта Мария» — погибла, а на другой — «Нинье» — матросы, измученные лишениями, подняли бунт. Как быть? Радио тогда не было, биосвязи тоже. Колумбу ничего не оставалось, как написать обо всех своих несчастьях в письме, которое он засмолил в бочонке и бросил в море.

— Письмо не погибло?

— Нет.

— А сколько оно шло?

— В этом все дело,— сказал Федор.— Письмо нашли только почти 360 лет спустя. Отчаянное послание выудили в бурных водах Бискайского залива.

— Послушай, Федя,— Лин остановилась от поразившей ее мысли.— Письмо Колумба совершило прыжок во времени, как звездный корабль.

— Как мой отец,— негромко добавил Федор.

Они подошли к дому.

Было за полночь, но окошко Ливена Брока светилось.

— Ливен Брок работает,— сказал Федор.

— Дедушка меня ждет,— прошептала Лин.

Они прощались долго.

Глава 8

РУТОН

*Не всюду нас ждет атмосфера сердечности,
Мы знаем! Но выверен курс корабля.
Ведь где-то над нами, в немыслимой вечности
Плывет голубая планета Земля!*

Ректор — или начальник — Звездной академии помешал ложечкой остывший чай и, забыв сделать глоток, снова углубился в список, который лежал перед ним.

— Отличный нынче выпуск,— сказал он.

— Потому нам и трудно сейчас,— заметил начальник курса, сидящий рядом.

Они уже четвертый час колдовали над списком учлетов последнего курса.

Наступило время решающего выпускного экзамена. Курсантов предстояло разбить на группы, каждой из которых нужно было выполнить задание в пределах Солнечной системы.

Группы были различной численности, и разными были задания. Впрочем, у последних было нечто общее: каждое из заданий — так постановил Высший координационный совет Земли — заключало какую-нибудь задачу, еще не решенную. Тем самым выполнение каждой группой курсантов экзаменационного задания приносило определенную пользу, помогало осуществлению грандиозного плана, по которому земляне преобразовывали природу Земли и других планет.

Карточки с фамилией и характеристикой каждого курсанта ректор и начальник курса складывали в разные стопочки соответственно различным группам поиска. Стопочки бесконечно тасовались.

Здесь же лежал список заданий, хранимый в строжайшей тайне. Как обычно, экзаменуемый имел право вскрыть конверт с заданием не раньше чем через два часа после старта ракеты. В списке почти напротив каждого экзаменационного задания уже стояла пометка.

Кропотливая и ответственная работа по распределению групп — ее по традиции не принято было доверять электронным машинам — подходила к концу.

— Май Порт,— прочел по списку начальник академии. Затем оторвал глаза от листа и посмотрел на собеседника.

— Несколько взбалмошная, но характер — кремь,— сказал начальник курса.

Ректор кивнул.

— Любит звезды,— добавил начальник курса.

— Звезды любят все, кто пришел к нам учиться,— заметил ректор.

— Май разбирается в навигации.

— Оценки?

Начальник курса заглянул в карточку.

— Почти по всем предметам отлично,— сказал он.

— Почти? — переспросил ректор.

— Давняя история... Несколько лет назад она провалила зачет по аэрофотосъемке.

— Припоминаю...— улыбнулся ректор.— Луна, плато Варгента. Но потом она, кажется, пересдала?

— С блеском.

— Верно. С блеском.

Они помолчали.

— Это единственный у нее случай?

— Да. И притом случай скорее курьезный, чем серьезный,— сказал начальник курса.

— Помню, помню,— произнес ректор.— Случай, делающий честь незаурядной выдумке Федора Икарова. Что ж, давайте включим Май Порт в марсианскую группу,— предложил ректор.

— Группа трудная...— усомнился начальник курса.

— Май справится.

— Должна справиться,— согласился начальник курса и положил карточку Май в группу Марса.

— Остался один Икаров,— напомнил начальник курса.

Глаза ректора потеплели.

— Гордость академии,— сказал он.

Начальник курса бросил взгляд на список заданий.

— Для Икарова все группы легкие,— сказал он.— Разве что марсианская?

Ректор побарабанил пальцами по столу.

— Икаров с группой не полетит,— сказал он.

— А в чем дело? — удивился начальник курса.

— Я разговаривал с председателем координационного совета,— сказал ректор.

— Зеленого городка?

— Солнечной системы,— поправил ректор.— Совет озабочен. На стапелях, как вы знаете, ныне заложены корабли, которые строятся невиданными ранее темпами. Теперь эти корабли, в том числе и «Пион», под угрозой. Сроки их монтажа срываются...

— Литий? — полуутвердительно произнес начальник курса.

— Лития не хватает,— кивнул ректор.— По решению координационного совета литий теперь будут искать всюду: и на Земле, и на Марсе, и на Венере.

— Эти планеты достаточно разведаны. Едва ли на них встретится достаточный запас лития,— сказал начальник курса.

— В том-то и дело,— вздохнул ректор.— У совета не хватает поисковиков. Каждый капитан, как раньше говорили, на вес золота. В общем, Федор Икаров полетит на Рутон.

— На Рутон? В систему Проксима Центавра? Но туда нет группы.

Ректор отхлебнул чаю.

— Группа не нужна,— сказал он.

— Что же, Икаров один полетит?

— И один, и не один.

Начальник курса пожал плечами.

— Икаров полетит на Рутон с Энквеном,— сказал ректор.

Начальник курса помолчал, осмысливая сказанное.

— Значит, все-таки один? — произнес он.

— Я с такой точкой зрения не согласен.

— Значит, они вдвоем должны будут исследовать Рутон,— думая о чем-то, сказал начальник курса.

— Да.

— Разыскать литий,— продолжал начальник курса.

Ректор прошелся по кабинету. За прозрачными стенами спал учебный лагерь, окруженный тайгой.

— Цель совместного полета Икарова и Энквена,— сказал ректор после паузы,— не только литий. И даже не только Рутон...

— Понимаю,— взволнованно произнес начальник курса. И тихо повторил: — Понимаю...

— Между прочим, я давно уже замечаю у Икарова и Энквена нечто вроде взаимной тяги,— заметил ректор.

Теперь им казалась важной любая деталь, связанная с Икаровым и Энквеном.

— Не знаю насчет тяги. По тяготению у нас Икаров специалист,— усмехнулся начальник курса собственному непритязательному каламбуру.— Но общаться они, действительно, любят. Особенно после знаменитого волейбольного матча.

Ректор отвернулся от окна. На груди его блеснул орден Солнца — знак высшего почета свободной Земли.

— Кстати, знаете, как прозвали Федора и Энквена после исторического матча? — усмехнулся начальник курса.

— Как?

— Два капитана.

— Что ж, удачно,— сказал ректор.— Особенно в свете последних новостей.

Оба подошли к столу. Все карточки были распределены по стопкам, кроме одной, которая лежала особняком.

— Вот и еще один выпуск...— сказал ректор.— Разлетятся скоро наши питомцы.

— Все правильно. Не вечно орлятам в гнезде сидеть,— откликнулся начальник курса.

На космодроме было многолюдно и «многороботно», как выразился Ливен Брок. Неизвестно почему, но провожать Федора Икарова и Энквена в учебный поиск прибыл чуть ли не весь Зеленый городок.

Корабль стоял на старте, готовый к прыжку.

Люди волновались. Белковые держались с обычной невозмутимостью. Но самым спокойным казался Ливен Брок. Время от времени он проводил ладонью по ежику седых волос (лишь этот нервный жест выдавал волнение воспитателя Энквена).

Для Энквена это был первый серьезный поиск. Выдержит ли он испытание? От результата зависела судьба тех белковых, которые еще только, ковыляя, вышли из камер синтеза, судьба тех, для кого головной мозг лишь созрел в ячейках башни безмолвия.

Ван отозвал Федора в сторонку и протянул ему небольшой целлулоидный шарик.

Федор покачал головой.

— Спасибо, Ван,— сказал он.— В поиске, думаю, мне будет не до пинг-понга. Да и с кем играть? С Энквеном? — кивнул он в сторону робота, которому в это время Ливен Брок давал последние наставления.

Ван улыбнулся.

— Чудак,— произнес он, — какой пинг-понг? Это биопередатчик.

— Откуда он?

— Сам собрал. Только опробовать не успел,— сказал Ван.— Возьми, авось пригодится.

Федор повертел шарик.

— Это второй биопередатчик в моей жизни,— заметил он.— Первый, который я видел, был ужасно громоздок. Прогресс налицо.

Федор сунул шарик в карман комбинезона.

Подошел Карбенко.

— Я уже предупредил Энквена,— сказал он.

— О чем? — спросил Федор.

— Как о чем? — удивился Владимир.— Ты будешь с ним тренироваться, если выдастся свободный часок. Шахматист поддерживает форму только регулярной игрой.

— Ладно, если будет время,— улыбнулся Федор.

— А, вот и Леша! — воскликнул Ван.

Они встали в кружок, все четверо.

— Пятнадцатиминутная готовность! Всех попрошу в бункер,— объявил старший диспетчер космодрома, удивленный необычным нашествием светил из Зеленого городка и Звезд-

ной академии. Федор направился к пульсолету. Рядом, приотстав на полшага, шел Энквен.

Снаряжение, нужное для поиска, Федор и Энквен придирчиво проверили накануне. Проверка длилась несколько дней и отняла у Федора массу сил. Вчера, когда они с Энквеном проверяли шагающую тележку-манипулятор, в ангар заглянул ректор Звездной академии.

— Учтите,— улыбнулся он многозначительно, обращаясь сразу к двоим.— Точно такие манипуляторы проектируются на «Пионе»...

Об этих словах ректора и размышлял Федор, шагая к пульсолету.

В кабине было тесно.

Энквен переместился поближе к пультам — он не боялся больших перегрузок, которые характерны для пульсолета. Икаров капитально устроился в капитанском кресле. В наушниках звучал голос диспетчера, отсчитывавшего последние секунды.

— Семь... шесть... пять...

Услышав «ноль!», Икаров нажал кнопку старта. Теперь начинался другой отсчет — отсчет времени поиска. Пакет с заданием можно будет вскрыть только через два часа.

А пока — самый мучительный послестартовый участок пути. Выгода пульсолета в том, что он в отличие от кораблей на ионной тяге быстро набирает скорость. Но перегрузки, которые при этом возникают, способны выдержать немногие даже из натренированных астронавтов. Иные предпочитали порцию снотворного — инструкция для пульсолетов это разрешала, — но Федор предпочитал обходиться без этого.

Пульсолет шел с большим ускорением, Федор чувствовал это каждой клеточкой тела. Он откинул голову и закрыл глаза.

Сколько прошло времени? Когда Федор поднял веки, Энквен по-прежнему стоял у пульта, неподвижный, как скала. Будто почувствовав, что Икаров на него смотрит, робот повернул голову. В его взгляде Федору почудилось сочувствие.

— Скажи, капитан, люди победят силу тяжести? — спросил Энквен.

— Победят.

— Когда?

— На этот вопрос, Энквен, трудно ответить...

— Большой мозг ответил бы, — неожиданно произнес Энквен.

— Мы с тобой, может быть, когда-нибудь ответим на этот вопрос, — сказал негромко Икаров.

Энквен кивнул, словно отвечая собственным мыслям.

— Включи обзорный экран,— сказал капитан.

Земля, с которой они час назад стартовали, успела превратиться в еле заметный серпик, затерявшийся среди звезд.

Один двигатель, повинуясь программе, отключился. Ускорение уменьшилось, и дышать Икарову стало легче.

— О чем вы говорили с Ливеном Броком накануне полета? — спросил Федор.

— О биологической связи,— сказал Энквен.

«Немудрено,— подумал капитан.— О биологической связи теперь говорят все».

— Потому я и спросил тебя, капитан, о гравитации,— неожиданно добавил Энквен.

— Причем здесь гравитация?

— Ливен Брок считает, что тяготение и биосвязь спаяны воедино,— пояснил Энквен.

Федор посмотрел на него.

— Передача мыслей на расстояние, возможно, осуществляется с помощью гравитационных волн,— счел нужным пояснить Энквен.

— Чтобы доказать это, нужны опыты. Много опытов...— сказал Икаров.

— Мы с Ливеном Броком проводили эксперименты.

— На сей раз без моего участия,— через силу усмехнулся Икаров.

— Опыты проводились дома у воспитателя и на Оби,— произнес Энквен.

— А что за опыты? — заинтересовался Икаров.

— Ливен Брок вручал мне запечатанный конверт...— начал Энквен.

— Вот такой? — спросил Икаров, вытащив из кармана конверт, час назад на космодроме врученный ему ректором Звездной академии.

Робот кивнул.

— С этим конвертом я спускался в лабораторию, которая в подвале,— продолжал Энквен.— Сверху на люк Ливен Брок накладывал стальные плиты.

— А потом?

— Потом я по сигналу воспитателя вскрывал конверт. Там были сделанные на отдельных листках различные геометрические рисунки — квадрат, параллелограмм, окружность, эллипс и так далее...

Робот говорил медленно. Перед внутренним взором его с кинематографической точностью проплывали совсем недавние

картины: темное помещение лаборатории... Все, что давным-давно знакомо, — стол, калькулятор, приборы — в инфраосвещении выглядит немного иначе, чем обычно, незнакомо и чуть-чуть таинственно... И у стола — он, Энквен, перебирающий листки с простыми рисунками...

— Дальше, — сказал Икаров.

— Я вынимал листки наугад. У меня были две задачи, — произнес Энквен. — Первая — как можно более четко представить себе каждый геометрический образ. Вторая — запомнить порядок листков.

— А Ливен Брок?

— Воспитатель находился наверху, в своем кабинете. Он должен был уловить мои мысленные сигналы и постараться расшифровать их.

— Совпадение получалось?

Робот кивнул.

— А на Оби?

— На Оби мы повторили опыты, — сказал Энквен. — Только вместо металлических плит была толща воды.

— Ты нырял?

Энквен замялся.

— Нырять не умею. Опускался в скафандре, — ответил он.

— И тоже было совпадение?

— Да.

— А на какую глубину ты погружался?

— Пятнадцать метров.

Нетрудно было уловить ход мысли Ливена Брока. Его опыты с Энквеном подтверждали, что мысленная передача не может быть прервана или искажена ни толщей воды, ни металлическими плитами. Однако передача может осуществляться только каким-либо из видов материальных волн. Стальные плиты, водная толща задерживают и искажают почти все виды волн. Единственным исключением являются гравитационные волны: в отличие от электромагнитных волн, от радиоволн, они не ведают преград. Вывод ясен: передача мысли осуществляется с помощью волн тяготения. Но вот каким образом?

— Чтобы раскрыть загадку биосвязи, нужно понять природу тяготения, — произнес Энквен, будто угадав мысли Икарова.

Снова и снова гравитация!

— Ливен Брок сказал кому-нибудь о своих последних опытах? — спросил Икаров.

— Нет.

— Почему?

— Опыты не закончены из-за моего внезапного вылета,— сказал Энквен.

Заканчивался второй час полета. Несколько минут Энквен провел в неподвижности. Он замер так, как это могут только белковые роботы да еще каменные статуи. Взгляд Энквена был прикован к секундной стрелке часов на пульте, которые включились, когда оператор на космодроме отсчитал «ноль!».

Едва только секундная стрелка завершила круг, Энквен перевел взгляд на конверт с заданием, который Икаров все еще держал в руке.

Капитан вскрыл конверт и быстро пробежал глазами листок с заданием.

Робот ждал. Это он умел.

— Мы летим на Рутон, Энквен,— сказал Икаров после паузы.

Огромная память робота мгновенно отреагировала на название планеты. Но из всей суммы знаний, зафиксированных в запоминающем устройстве, он выделил только одно:

— Рутон почти не исследован.

— Тем лучше,— сказал капитан.

По звездной навигации Икарову в академии не было равных. Вдвоем с Энквеном он быстро составил программу для маршевых двигателей корабля. Теперь все было готово для пульсации — прыжка через всю Солнечную систему и дальше — к неблизкой Проксиме. Корабль уже достаточно удалился от Земли, и ядерное пламя, которое при пульсации вырвется из ракетных дюз, будет безопасно для планеты.

Теперь капитану — хочешь не хочешь — оставалось пройти неприятную процедуру усыпления: при пульсации возникали перегрузки, которые не мог перенести ни один человеческий организм в состоянии бодрствования.

Федор не любил сам себе делать укол, но выбора не было. Он приготовил шприц и закатал рукав.

— Разреши мне, капитан,— вдруг сказал Энквен и протянул руку к шприцу.

— Ты умеешь делать уколы?

— Да.

— Откуда?

— Лин показала.

— Хорошо,— сказал Икаров и протянул Энквену шприц. На память робота можно было положиться, капитан знал это.

Шестипалые руки уверенно взяли шприц. Робот посмотрел шприц на свет — в этом порывистом жесте Федор узнал Лин.

— Пока я буду спать, следи за приборами,— сказал Икаров.

— Когда ты проснешься, капитан, мы выйдем на эллиптическую орбиту вокруг Рутона,— произнес Энквен.

— Ненавижу сон,— вздохнул Икаров.— Третью своей жизни человек убивает на сон.

— Такова ваша несовершенная природа...— выразил сочувствие Энквен.

Икаров забрался в манипулятор, в котором по инструкции полагалось быть во время пульсации усыпленному астронавту.

— Ненавижу быть пассажиром,— негромко сказал Икаров. Глядя в сосредоточенное лицо Энквена, склонившегося над манипулятором, он добавил: — В вену попади.

Игла шприца кольнула, как жало.

— Я мячом с лёта в карандаш попадаю,— сказал Энквен.

Ответить Икаров не успел: темная волна наркотического сна затопила мозг. Щупальца манипулятора охватили спящего капитана, окутали его, словно кокон.

Энквен, хотя и не страшился перегрузок, сел в капитанское кресло и перевязался ремнями, чтобы страшная сила инерции не расшибла его о стенки штурманской рубки, когда корабль войдет в пульсацию.

Автоматы, руководимые Энквеном, исправно вывели корабль из пульсации. После маневра выравнивания орбиты на планетолете воцарилась невесомость. Корабль вынырнул из пульсации в районе двойной звезды α Центавра, ближайшей соседки Солнца.

Икаров очнулся и покинул манипулятор. На обзорном экране медленно проплывала темная, изъязвленная поверхность планеты.

— Под нами Рутон, капитан,— доложил Энквен.

— Параметры орбиты?

Энквен выпалил цифры.

— Высота подходящая для разведки,— решил Икаров.

Общая программа исследования новых планет была разработана давно.

Вращаясь вокруг планеты, астронавты должны были прежде всего произвести геодезическую и картографическую съемку поверхности, составить хотя бы общее представление о геологии небесного тела. Попутно необходимо было промерить магнитные поля, окружающие планету, определить структуру гравитационного поля, взять пробы воздуха и исследовать их, выяснить, что представляет собой климат планеты.

Федор и Энквен, не отрываясь, смотрели на экран. Новый, неисследованный мир лежал перед ними.

Рассчитывать приходилось только на собственные силы и сметку: связь с Землей по радио в самостоятельном поиске запрещалась.

Неведомые чувства обуревали Федора. Никогда еще не удалялся он так далеко от Земли. Капелька воображения — и можно себе представить, что ты среди звезд, вдали от Солнечной системы... Корабль неумоимо нанизывал витки. Работы у Энквена и Икарова, несмотря на помощь автоматов, было много.

С момента пробуждения Федор, не переставая, думал о литии. С каждым новым витком сведения о геологии Рутона пополнялись. В принципе для геологической разведки чем ниже обращается над планетой корабль-спутник, тем лучше. Но поверхность Рутона, как справедливо заметил Энквен, почти не изучена. Слишком снижаться опасно: можно врезаться в скалу. Капитан оставил корабль на высоте порядка двадцати километров.

Энквен следил за тем, чтобы витки не накладывались один на другой, а образовывали над Рутоном равномерную сетку.

На одном из витков стрелка магнитометра запрыгала, указывая на наличие руд в толще планеты. Что это за руды? Какова их глубина залегания? Мощность пластов? Детализация потом, потом... Сначала — общая картина планеты.

Барабаны приборов вращались, и все новые и новые штрихи ложились на ленту.

Нелегко было привыкнуть к планете, которая принадлежит одновременно двум Солнцам.

Как бы глубоко и хитро ни прятала планета клад полезных ископаемых, ключ к нему всегда можно подобрать. Чтобы обнаружить такой клад, вовсе не обязательно вгрызаться в толщу породы. Отмычкой к запрятанным сокровищам часто служит магнитное поле, незримым покрывалом охватывающее всю планету. Над месторождением полезных ископаемых магнитные линии искривляются, что и улавливают чуткие приборы. По этим искривлениям машины вычисляют точные координаты месторождения, мощность пласта, глубину залегания и прочие параметры. Если же у планеты нет собственного магнитного поля, на помощь приходит ее гравитационное поле.

Будничная, черновая работа, которой невпроворот в космосе. После всесторонней аэромагнитной и гравитационной разведки наступит миг, которого Федор ждал столько лет, — они

высалятся на Рутон. Какие моря, какие пропасти, какие бури и грозы ожидают их на неведомой планете?

Сколько времени понадобится им, чтобы разобраться в Рутоне — клубке загадок?

От посторонних мыслей Федора отвлек Энквен, возившийся с феррозондовым щупом. Глаза робота, не отрываясь, смотрели на кривую, вычерчиваемую самописцем прибора.

— Что у тебя, Энквен? — спросил Икаров.

— Клюет, — ответил Энквен, бог весть по какой ассоциации вспомнив совместную с Ливеном Броком рыбалку на Оби.

— Железо?

— Подозреваю гранитоид, содержащий молибден и вольфрам, — сказал Энквен.

— Литий пока не попадается?

Энквен покачал головой.

Капитан нанес обнаруженное с помощью Энквена месторождение на глобус — макет Рутона.

— Поищи-ка земной аналог этому месторождению, — велел капитан Энквену.

Чтобы выполнить приказ Икарова, робот должен был искать нужную информацию не в толстых справочниках, не в микропленках и не в картах геологических разрезов Земли. Все эти громоздкие аксессуары поисковиков заменялись для Энквена его памятью. Икаров знал: белковый робот помнит столько, что и в сотне энциклопедий едва ли уместить. Но от этих знаний было бы мало проку, если бы воспитатель не научил Энквена распоряжаться ими. Что толку в складе, забитом под самый потолок всякими полезными предметами, если для того, чтобы отыскать нужную вещь, необходимо копать целый день и все перерывать? Что касается Энквена, то он из склада своей памяти умел сразу же извлекать нужную вещь.

Икаров несколько секунд ждал результат.

— Капитан, по мощности рудоносного пласта, — доложил Энквен, — земного аналога не имеется.

Икаров понимал, что означает эта находка. И вольфрам, и молибден — хлеб космической промышленности, хлеб, в котором Земля давно уже ощущала нехватку...

Полтора десятка витков ушло на то, чтобы набросать предварительную аэромагнитную карту Рутона.

На шестнадцатом витке Икаров отключил магнитометр.

— Садимся, капитан? — спросил Энквен.

— Рано, — ответил Икаров, медленно вращая перед собой глобус Рутона, который он успел испещрить различными значками. — Сделаем еще один портрет планеты.

— Какой портрет?

— Радиационный. Меня тут кое-что смущает...— нахмурившись, сказал Икаров.

Не только смещение магнитных линий выдает местоположение горных руд. Многие горные породы «дышат», посылая в окружающее пространство радиацию. В результате планета оказывается окутанной облаком излучения. По рельефу этого облака также можно составить представление о богатствах, которые таит в своих недрах новая планета.

Время шло. Корабль нанизывал витки вокруг Рутона, все время меняя плоскость обращения.

Оторвавшись от приборов, Икаров устало разогнул спину, глянул на часы. Время спать. Вокруг — масса интересного, хочется сделать своими руками и то, и другое, и третье, но первая заповедь астронавта в далеком поиске — режим. Собыешься с колен — потом ее нащупать трудно.

Капитан дал Энквену инструкции на время своего отсутствия, затем, перебирая руками скобы невесомости, двинулся в свою рубку. Спал недолго, но, возвратившись к пультам, почувствовал себя освеженным.

У радиометра маячил Энквен, он даже позу не переменил.

— Ты железный, Энквен,— заметил Икаров.

— Белковый,— уточнил робот.

— Что ты успел?

Энквен показал несколько новых отметок на радиационной карте Рутона. Капитан просмотрел пометки, долго глядел на одну, показывавшую всплеск радиации, но ничего не сказал.

Приблизившись к центральному пультам, капитан посмотрел на часы и обернулся к роботу:

— Энквен, как будем измерять время на Рутоне?

— В часах, минутах и секундах,— сразу ответил робот, не удивившись вопросу.

— Не то,— улыбнулся капитан.— На Земле основной жизненный цикл — сутки. И многие астронавты, надолго покидая Землю, сохраняют на корабле суточный ритм.

— Мы здесь надолго?

— Пока не выполним задание.

— Давай, как другие астронавты,— кивнул Энквен.— И знаешь что, капитан?

— Что?

— Давай и на «Пионе» измерять время в сутках. Если мы полетим на нем,— добавил Энквен.

Энквен отметил очередное показание радиометра, нанес его на карту и приблизился к Икарову.

— На Земле я задавал вопросы воспитателю,— произнес робот.

— Знаю.

— Здесь буду задавать вопросы тебе.

Икаров кивнул в знак согласия, одновременно припомнив жалобу Ливена Брока на то, что вопросы Энквена иной раз ставят его в тупик. А ведь Ливен Брок — один из самых образованных людей Земли!

Энквен посмотрел на глобус Рутона.

— Радиация — поток частиц, который разрушает живую клетку,— произнес Энквен.— На Земле есть радиация. Почему она не уничтожила жизнь?

— Эволюция жизни сумела приспособиться к радиации,— пояснил Икаров.

— Может человек ощутить радиацию, как ощущает он тепло, цвет или запах? — снова спросил Энквен.

— Нет,— ответил Икаров.

— А если доза излучения смертельна?

— Даже в этом случае.

Энквен положил руку на радометрический счетчик.

— Перед выходом наружу позаботься о противорадиационной защите, капитан,— сказал он.— Я обнаружил на Рутоне сильное гамма-излучение.

Энквен, оставив счетчик, подошел к глобусу, повернул его и показал точку, которая с самого начала привлекла внимание Икарова.

Капитан посмотрел на робота.

— Что же, по-твоему, дает излучение? — спросил Икаров.

— Сначала я решил, что это уран,— сказал Энквен.— Теперь пришел к выводу, что здесь месторождение тория и радия.

Икаров долго и молча всматривался в хитросплетения кри-вых, вышедших из-под пера самописцев.

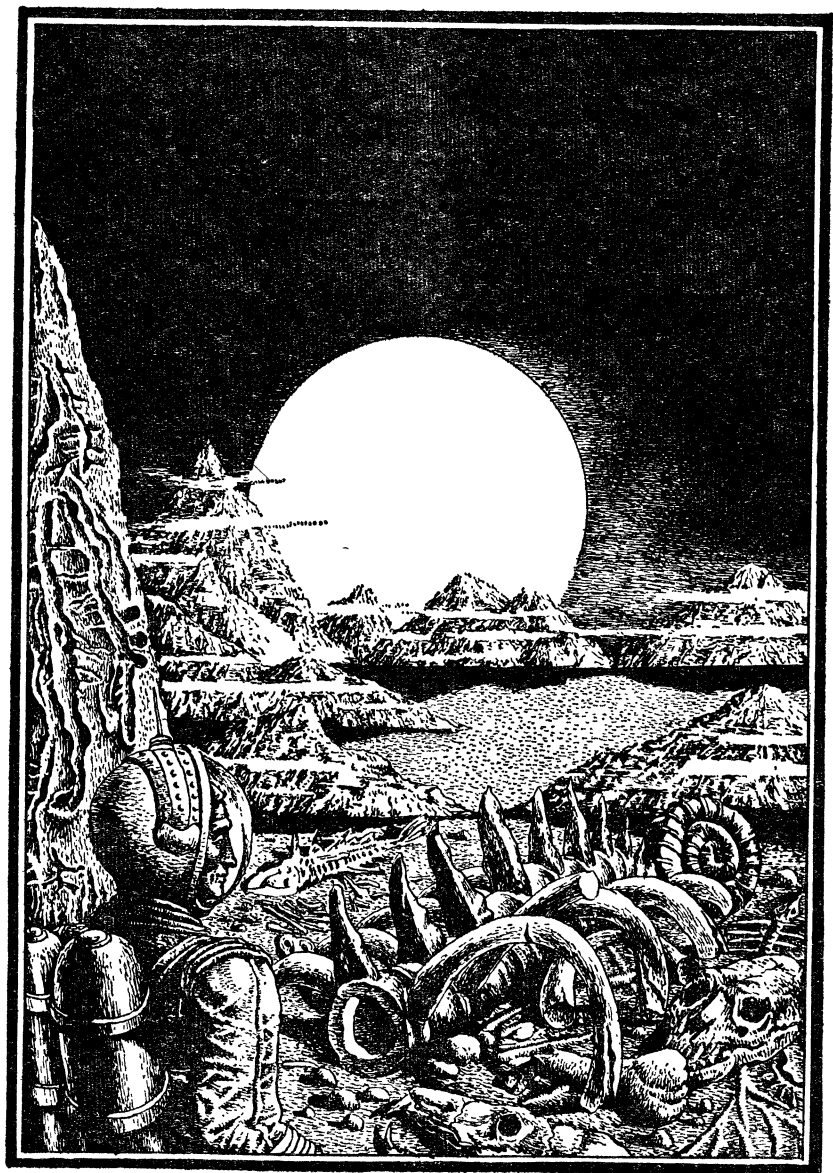
— Ты ошибся, Энквен,— покачал капитан головой.— Это не торий и не радий.

— Всплеск радиации...— начал Энквен.

— Космическое излучение,— перебил капитан.— Рутон тут ни при чем. Запомни форму этого пика на ленте: такую кривую может давать только космическое излучение.

Нагнувшись над глобусом, Икаров стер точку, которую нанес Энквен.

За время короткого сна в рубке накопилось немало дел.

Капитан углубился в работу. Резкий голос Энквена заставил его вздрогнуть:

— Поздравляю, капитан! — сказал Энквен.

— С чем это?

— Мы на Рутоне ровно сутки, — произнес Энквен.

— Близ Рутона, — машинально поправил Икаров.

Да, пошли вторые сутки, и кое-какое представление о планете они уже составили. Но пока что напрасно искали Икаров и Энквен металл, в котором в последнее время больше всего начала нуждаться Земля. Следов лития на Рутоне обнаружить пока не удавалось.

— Здесь нет лития, — сказал Энквен.

— Высадимся — отыщем, — произнес капитан.

Рутон был почти не изучен землянами. Руки не доходили. Кроме того, Высший координационный совет считал, что Рутон беден полезными ископаемыми. Данные совета основывались на показаниях автоматических зондов, которые запускались в сторону Рутона. Но зонды, по-видимому, ошиблись либо автоматика их оказалась несовершенной. Первые же часы пребывания близ Рутона убедили исследователей, что традиционные представления землян об этой планете нуждаются в существенных поправках. Много заманчивых крестиков, птичек и прочих значков нанесли Икаров и Энквен на глобус Рутона.

В одном месте Икаров обнаружил даже обширный район, где можно было подозревать нефтеносные пласты. Откуда нефть на Рутоне? Разве эта планета знала органическую жизнь? Быть может, эта нефть неорганического происхождения? Все эти вопросы предстояло решить.

Когда корабль перешел на новый виток, индикаторы в одном месте показали неожиданный всплеск температуры на поверхности Рутона. Это произошло над возвышенным плато, окаймленным горами.

Икаров несколько раз проверил показания. Ошибки быть не могло: температура плато, которое давно уже скрылось из виду, была много выше температуры окружающей среды.

Энквен внимательно осмотрел индикатор инфракрасного излучения.

— Возможно, чувствительность прибора недостаточна, — высказал он предположение.

Икаров усмехнулся.

— Чувствительность прибора такова, — сказал он, — что если бы ты в Зеленем городке чиркнул спичкой, регистратор в моей комнате, известной тебе, отметил бы тепловую вспышку.

— Как люди создали такой прибор? — спросил Энквен.

— Бионики позаимствовали принцип прибора у змеи, — ответил Икаров. — Змея способна определять ничтожное изменение температуры.

— Это люди воспитали у змеи такое качество?

— Нет, эволюция, — улыбнулся Икаров. — Видишь ли, змея глуха. Она не может улавливать звуковые колебания воздуха. Природа не подарила ей ушей.

— У змеи есть глаза, — сказал Энквен. — Когда мы с Ливеном Броком были в зоопарке...

— Глаза у змеи есть, — перебил Икаров, — но видят они неважно. И голоса нет у змеи, она может только шипеть, выпуская струю воздуха. Так что единственный орган чувств, который помогает змее выжить, — это орган, с помощью которого она может распознать источник тепла. Ни одно существо на Земле, кроме змеи, не располагает таким органом. Таким образом, змея издали чувствует добычу — теплокровное животное и может охотиться на него. Змея может почувствовать мышь, даже когда та прячется в норе, глубоко под землей.

Икаров, помня просьбу Ливена Брока, говорил с Энквеном обстоятельно, и робот впитывал знания, как губка.

Корабль продолжал нанизывать витки, но литий обнаружить не удавалось.

«Парадокс, — думал Икаров. — Человечество остро нуждается в литии. Между тем этот металл встречается на Земле буквально повсюду. Как это сказал Алексей Волга, когда они прощались на космодроме? Литий у нас под ногами, а мы вынуждены искать его на далеких планетах».

Действительно, литий на Земле чрезвычайно распространен. Есть он и в листьях, и в траве, и в рыбе, и в звере. Встречается он и в горных породах, составляющих основу земной коры.

Уже в самом названии этого металла заключен парадокс. «Литий» по-гречески означает «камень». Так окрестил этот элемент шведский химик Арфведссон еще в первой половине XIX века.

А какой уж литий камень? Где вы видели камень легкий, как пробка, мягкий, как воск? Где вы видели камень, который воспламеняется, словно спичка? Его можно резать ножом, как масло. Брось литий в воду — и он вспыхнет. Уже при комнатной температуре литий окисляется. Плавится литий при температуре всего-навсего 180 градусов Цельсия, а его родные братья — другие редкие металлы, такие, как молибден и вольфрам, — сохраняют твердость характера, как сказал бы

Леша, при температуре чуть ли не до полутора тысяч градусов.

— Кто же из них камень — литий или молибден?

Все это Икаров рассказывал Энквену, который слушал внимательно и сосредоточенно.

Рассказал он своему помощнику и то, что именно литию суждено было выйти на передний край космической промышленности землян.

Литий стал топливом для звездных кораблей.

Литий стал незаменимым другом астронавтов, помогая восстанавливать в ракете воздух, необходимый для дыхания. Раньше для этой цели служили растения, зеленые листья которых содержат, как известно, хлорофилл. Но такой восстановитель воздуха, как растения, чрезвычайно громоздок. Растению на корабле необходимы и почва, и вода, и удобрения. Все это, вместе взятое, составляло прежде многие тонны — значительную долю собственного веса корабля. Один восторженный конструктор написал даже шуточный гимн хлорофиллу, где воспевал растения, которые отправляются с астронавтами в долгий и опасный путь, чтобы в полете «все невзгоды честно делить» и «щедро поить» людей кислородом.

— Новые космические корабли не нуждаются в растениях как естественных восстановителях воздуха, — сказал Икаров. — Эту роль будет выполнять литий.

— Зачем же на «Пионе» монтируется оранжерея? — спросил Энквен.

— Ты читал об этом? — поинтересовался Икаров.

— Лин рассказывала, капитан.

— Оранжерея на «Пионе» служит другим целям, — сказал Икаров. — В ней будут собраны растения Земли. Не все, конечно, но многие.

— С какой целью?

— Как бы тебе объяснить... Растения должны напоминать о Земле, — сказал капитан. — Полет на «Пионе» будет долгим.

В другой раз Икаров рассказал Энквену, что литий необходим не только для космических кораблей. Этому металлу нашлось достаточно работы и на Земле.

Литий вошел главной составной частью в смазочное масло, без которого остановились бы многие машины землян.

Литий стал верным помощником металлургов: в процессе плавки он поглощает ненужные газовые примеси, улучшая качество получаемых металлов и сплавов.

Достаточно, казалось бы?

Но и это еще не все.

Литий незаменим в оптической и телевизионной промышленности.

Он же, вездесущий литий, стал основой биологического стимулятора, с помощью которого растения могут расти в несколько раз быстрее обычного.

Но главное, конечно, то, что литий — хлеб термоядерных установок, которые являются основой энергетики землян.

Увы, хотя литий и рассеян повсюду на Земле и других изученных людьми планетах, но примесь его ничтожна. Поэтому и приходится, заключил Икаров, искать литий все дальше и дальше от Земли.

На исходе девятых суток, так и не обнаружив признаков лития, капитан принял решение причалить к Рутону.

Они долго, погасив скорость, кружили, выбирая посадочную площадку. Подходящая площадка нашлась недалеко от загадочного плато, излучающего тепло в окружающее пространство. Площадку среди черных торосов обнаружили рысьи глаза Энквена.

— Что мы возьмем в первую вылазку, Энквен? — спросил капитан.

— Манипулятор и прочее снаряжение, перечисленное в инструкции, — ответил Энквен. — Разве ты забыл ее, капитан?

Икаров промолчал. Никогда роботу не понять волнения, с которым человек ступает на новую планету!

Почва Рутона была мягкой и слегка пружинила под ногами. Икаров сделал несколько шагов среди темных торосов, огляделся. Позади на фоне зубчатых гор возвышалась стройная громада пульсолета. Икаров радировал страховавшему его Энквену. Робот мощным рывком открыл люк и прыгнул вниз, минуя аварийную лесенку и подъемник.

Когда впервые ступаешь на новую планету, в голову лезут торжественные мысли.

Капитан подумал, что путь развития человеческой цивилизации — спираль. Она идет от простого к сложному, но каждый последующий виток в чем-то обязательно повторяет предыдущий. Было время, когда люди пользовались примитивными орудиями. Затем на смену костяному скребку и каменному топору пришли тончайшие приборы, позволившие заглянуть в тайны атома и ядра. Появились тысячетонные установки, чувствительные до невероятия, которые помогли заглянуть в недра элементарных частиц — тех простейших кирпичиков, которые составляют Вселенную.

Но вот новый виток спирали — и он, Федор Икаров, выса-

живается на планете в скафандре, с геологическим молотком в руке. Не с таким ли точно молотком его предки несколько столетий назад осваивали богатства Сибири, шли по Африканскому континенту, карабкались на Джомолунгму?

Контуры пульсолета растворялись в сумерках. Далекое Солнце представлялось отсюда слабой звездочкой. Перед двумя исследователями — человеком и роботом — нераскрытой книгой лежал Рутон — Новая Земля. Что начертано на ее каменных страницах? Какие тайны сокрыты в недрах? Какие действия, какие трагедии разворачивались здесь на протяжении миллиардов лет? Какие пришельцы оставили след на неприютной рутонианской почве? Чем одарит землян планета двух Солнц?

«Время не тает бесследно, — подумал Икаров. — Каждая эпоха оставляет насечки».

Комар, застывший в янтарной глыбе, многое может рассказать о душной эпохе, откуда он родом.

Известковый скелет белемнита — маленького жителя бурного мезозойского моря — тоже немало расскажет о ранней поре планеты, о юности Земли.

Но не только об ушедшем рассказывают нам обломки растаявших веков. Часто они удивительным образом прорываются в будущее. Взять хотя бы форму раковины белемнита. Она напоминает ракету: сама эволюция подсказывает землянам, каким путем можно преодолеть земное притяжение и вырваться к звездам!

Нужно только уметь находить следы прошедших эпох. И не только находить — читать их.

В первую вылазку капитан решил далеко не удаляться от корабля.

Человек и робот шли в безмолвии. Глубокие трещины, нагромождения скал часто преграждали путь. Иногда попадались странные шаровидные образования — то ли растения, то ли камни. Икаров и Энквен то и дело пускали в ход геологический молоток. Шагавшая рядом тележка-манипулятор быстро наполнялась. Каждую находку предстояло исследовать на корабле по возвращении. Из-за линии горизонта прорезалось утреннее солнце — ослепительно желтая α Центавра А. Второе светило — ярко-оранжевая α Центавра В — «шло на посадку».

Энквен внезапно остановился.

— В чем дело? — спросил капитан.

— Почва подрагивает, капитан, — ответил робот.

Икаров подошел к манипулятору: приборы подтверждали слова чуткого Энквена.

Вскоре до них донесся глухой гул.

— Похоже на прибор, — сказал капитан.

— Или извержение, — добавил Энквен.

Когда они вернулись на пульсолет, Икаров велел Энквену привести двигатели маневра в нулевую готовность, чтобы в случае внезапной опасности корабль мог сразу же стартовать. Потом они долго разбирались с богатством, которым доверху был нагружен манипулятор.

— Никаких сенсаций, — подытожил Энквен тоном, каким Ливен Брок, повалив на шахматную доску короля, говорил Волюде Карбенко: «Сдаюсь».

— Ты о чем?

— Рутон — копия Земли.

Капитан покачал головой.

— Выводы делать рано, — сказал он.

— На Рутоне нет лития, — добавил Энквен.

— Значит, уже не копия! — улыбнулся Икаров.

Энквен промолчал.

— Запомни, Энквен: природа не копирует себя, — заметил капитан.

Энквен посмотрел на него.

— Согласен, — сказал робот. — Я не встречал двух одинаковых людей.

После ужина Икаров надолго склонился над бортжурналом. Нужно было привести в порядок впечатления, систематизировать новые крупицы знаний о Рутоне. Не прибегая к помощи Энквена, Икаров составлял таблицы, сопоставлял кривые, корпел над глобусом Рутона.

Энквен готовил снаряжение и танкетку к завтрашней вылазке. Капитан оторвался от своих занятий.

— Энквен! — позвал он.

Робот подошел к капитану.

— Ты хорошо помнишь программу исследования новой планеты? — спросил Икаров.

Энквен кивнул.

— Повтори первый раздел!

— Первый раздел программы, принятой Высшим координационным советом, ставит семь основных задач, — сказал Энквен. — Перечислить их?

— Да.

— Первая задача — недра планеты. Вторая — исследование морей и океанов, если они имеются. Третья — климат. Четвер-

тая — животный мир. Пятая — растительность. Шестая — воссоздание геологической истории планеты. Наконец, седьмую можно сформулировать так: что может дать человечеству новая планета. Второй раздел...

— Достаточно, — прервал капитан. — Я хочу объяснить тебе отдельные пункты. Например, седьмой. Люди со временем придут на Рутон. Мы должны подготовить для них почву.

— Почву?

— Речь идет не только о почве Рутона, — сказал капитан. — Не понимай все буквально, Энквен. Мы должны продумать, как сделать Рутон пригодным для жизни землян. Как смягчить климат планеты, где пробивать дороги, где поставить энергетические станции, как зажечь, если потребуется, искусственное солнце...

Шестипалая ладонь Энквена легла на стол.

— Одного этого пункта хватит на полвека, капитан, — сказал он.

— Верно, — согласился Икаров, — но мы не должны выполнять все. Наша задача будет решена, если мы хотя бы наметим общие пути выполнения программы. Запомни: именно это входит в задачу первых исследователей планеты.

— А кто выполнит остальное?

— Те, кто прилетит сюда позже. В следующий раз на Рутон придут тысячи людей и роботов. И наши труды будут для них компасом. Понимаешь?

Робот кивнул. Несколько минут он молчал, усваивая сказанное капитаном.

— С чего начнем завтра? — спросил Энквен.

— Попробуем углубиться в кору планеты, — сказал капитан.

— Металлы, полезные минералы... — начал перечислять Энквен.

— Не только, — перебил Икаров. — Астронавты, высадившиеся на новую планету, обязаны решить задачу на ее прочность. От того, какой ответ дадим мы, астронавты-первопроходцы, зависит — быть планете цивилизованной или же оставаться дикой. Запомни, именно мы должны ответить на вопрос: безопасно людям селиться на планете или нет.

Энквен посмотрел на Икарова.

— Воспитатель не рассказывал мне, как исследуется планета на прочность, — сказал робот.

— Раньше для этого пользовались искусственными взрывами, — произнес Икаров.

— А теперь?

— Теперь анализируют сейсмическую деятельность планеты, вулканы и землетрясения.

Икаров испытывал чувство удовлетворения, видя, как робот впитывает новые для него вещи, в свою очередь усвоенные капитаном совсем недавно в Звездной академии.

На вторую вылазку Икаров и Энквен вышли во всеоружии. Манипулятор был сменен на танкетку-вездеход. На этот раз капитан запланировал пробить в подходящем месте скважину глубиной семь-восемь километров.

— Посмотрим, что делается под коркой этого пирога,— сказал Икаров.

— Проверим начинку,— вставил Энквен.

Икаров махнул рукой.

— До начинки еще далеко,— сказал он.

Танкетка, переваливаясь, медленно передвигалась по пересеченной местности. Путь ощупывали локаторы. Капитан и Энквен смотрели в оба, готовые к любой неожиданности.

Гамма-щуп исправно посылал вниз, в глубь почвы, импульсы, исправно змеились кривые на лентах самопишущих приборов, но графики не вызывали у исследователей особой радости. Да, на пути следования танкетки имеется кое-что: железо, никель, алюминий. Однако мощность пластов в отличие от месторождения, которое они открыли, когда корабль вращался вокруг Рутона, была незначительна.

Закладывать скважину пока не имело смысла.

Они отъехали порядочно, пульсолет уже скрылся из виду.

— Так всю планету опояшем,— сказал Энквен, который сидел сзади, контролируя приборы.

— Пока ничего стоящего,— бросил капитан, не оборачиваясь.

Вслед за танкеткой ползла двойная тень.

— Алексей Волга говорил мне, что геология отстает от космонавтики. Это справедливо, капитан? — спросил Энквен.

«Разумный вопрос,— подумал капитан.— Только сопоставляя различные мнения, можно прийти к истине. Хорошо, что Энквен понимает это».

— Алексей Волга прав, Энквен,— произнес капитан.

— Геологи плохо работают? — попытался спросить робот.

— Нет, геологи работают хорошо. Но их наука слишком трудна и обширна,— ответил Икаров.— Первый человек уже вырвался в космос, а геологи к тому времени успели изучить только процентов тридцать поверхности своей родной планеты.

— А в глубину земной коры насколько они проникли к тому времени? — поинтересовался Энквен.

— Всего на семь с половиной километров.

— Царапанье по поверхности, — пробурчал Энквен очень похоже на Ливена Брока.

Капитан, взгляды вглядываясь вперед, время от времени бросал взгляды на экран гамма-щупа. Неожиданно кривая, ровными волнами струящаяся на экране, дала высокий пик.

Икаров остановил машину.

— Литий? — спросил Энквен.

Икаров покачал головой.

Вдвоем они отобрали наиболее важные показания приборов, заложили их в калькулятор и вскоре получили решение.

— Под нами залежи полиметаллических руд, — произнес капитан.

— Мощное месторождение, — добавил Энквен.

— Будем пробивать здесь, — решил Икаров.

Они вышли из танкетки и принялись готовить направленный взрыв, который должен был выжечь скважину. Смонтировали высокую треногу. На нее поместили трехтонный контейнер. Энквен легко, словно перышко, вытащил его из танкетки и установил в месте, указанном капитаном.

— Это термоядерное устройство? — спросил Энквен, закрепляя конусовидный контейнер острым концом книзу.

— Да.

— Мощное?

— Если его зашвырнуть вокруг Рутона и взорвать, получится маленькое Солнце, — сказал Икаров.

Закончив монтаж, они отошли за укрытие — массивную гранитную скалу. Икаров прислонился скафандром к неровной поверхности. Энквен выглянул из-за скалы. Включающее устройство уже сработало. Ослепительный, словно солнце, шнур протянулся из конца конуса к девственному грунту Рутона.

Робот смотрел, не отводя глаз. Икаров знал, что Энквен видит многое, недоступное ему, человеку...

В месте встречи плазменного шнура и грунта вспыхнул верообразный фонтанчик. Шнур, повинаясь программе, расширился. Теперь это был яркий поток света. Неудержимый огонь стремился в глубину, прожигая себе путь.

Икаров хотел спросить у Энквена, обладающего точным глазомером, не покосилась ли тренога, однако вовремя воздержался: отвлекать робота в этот важный момент не следовало. Ведь Энквен не просто смотрел, как прожигается скважина.

Глаза его создавали фильм, который там, на Земле, смогут просмотреть придирчивые экзаменаторы. Да разве только они?

По наметкам Икарова, которые он сделал перед выходом из танкетки, глубина первой скважины не должна была превышать семи с половиной тысяч метров. Именно на такую глубину и был рассчитан заряд контейнера.

Чем встретят их недра Рутона?

Минут через сорок, когда плазменный поток был примерно на полпути к намеченной глубине, Энквен почувал что-то неладное. Он сделал тревожный жест, который не укрылся от внимания капитана. Икаров бросил взгляд на пульт дистанционного управления установкой, однако приборы не показывали ничего необычного.

— Что случилось, Энквен? — спросил капитан.

— Не могу понять... — робот помедлил. — Изменился состав атмосферы...

Казалось, что голос у Энквена изменился: робот говорил отрывисто и резко, слова гулко отдавались в наушниках капитана.

Протяженную атмосферу Рутона они исследовали, еще вращаясь вокруг планеты. Икаров представил себе в общих чертах эволюцию атмосферы. Вероятно, некогда в атмосфере Рутона была влага. Однако с течением времени планета охлаждалась, и влага конденсировалась, образуя моря и океаны. Сколько миллионов лет назад это было? Планета продолжала охлаждаться, моря и океаны вымерзали, Рутон начал покрываться ледяной коркой. Ныне температура на поверхности Рутона чрезвычайно низка, но стабильна. Стабильна и атмосфера, как они установили. О каких же изменениях говорит Энквен?

Поза робота продолжала выражать настороженность.

— Пахнет... Ты слышишь запах, капитан? — спросил он.

Икаров пожал плечами: как будто запах мог проникнуть сквозь фильтры герметического шлема!

Прошло еще несколько минут. Плазменная установка продолжала работать. Над узкой скважиной показался легкий дымок. Неожиданно из отверстия повалили черные клубы.

— Что это? — вырвалось у капитана.

— Не знаю, — с неохотой произнес Энквен ненавистные слова.

— Включи прожектор, — велел встревоженный капитан.

В свете прожекторного луча клубы, успевшие подняться высоко, наплывали друг на друга, переваливались, лениво извивались, словно сытые змеи.

— Это дым,— определил Энквен.— Что-то горит в глубине.

— Так мы сожжем всю планету,— пробормотал капитан. Он повернул рукоятку на переносном пульте, который держал перед собой. Но плазменный поток продолжал хлестать.

— Реакция перестала быть управляемой,— определил робот.

Кто был виноват в том, что установка вышла из повиновения? Земные конструкторы, чего-то недоглядевшие? Огромные перегрузки пульсолета? Или атмосферное давление здесь, на Рутоне?

Сейчас не время было разбираться.

Клубы дыма продолжали расползаться в стороны, ползти вверх. Они скрыли из виду трехногую вышку и начали подбираться к скале, за которой укрылись капитан и Энквен.

— Остановить огонь! — Икаров сам не заметил, как произнес эту фразу вслух.

Энквен обеими руками обхватил выступ скалы. Рывок — и огромный обломок повис над его головой. Бросок был точным, он почему-то напомнил капитану знаменитый волейбольный матч с роботами, когда робот с математической точностью «гасил» мяч, приземляя его в заданной точке.

Пущенный с пушечной скоростью, обломок скалы ударил в контейнер, скрытый от Икарова облаками дыма. Но то, чего не видели человеческие глаза, видел робот, включивший инфравизор.

О том, что импровизированный снаряд угодил в цель, можно было судить по миллионам солнечных брызг, вылетевших во все стороны из дымового облака.

Поток плазмы иссяк, но дым из скважины продолжал валить. Над отверстием в грунте быстро вспухала лохматая папаха.

Положение становилось серьезным. Икаров и Энквен обменялись мнениями. Гасить? Но где на Рутоне найдешь природную воду? Положим, воду может заменить лед, которого здесь предостаточно. Но где гарантия, что вода погасит пламя, а не распалит его еще больше? Что встретил и поджег на своем пути плазменный луч?

— Быть может, мы подожгли подземный склад космических пришельцев? — сказал Энквен.

Икаров вздрогнул: поистине, робот читал его мысли!

— Сделай пробу дыма,— распорядился капитан.

Энквен наскоро выполнил анализ.

— Окисление сульфида,— произнес робот.

— Окисление сульфида? — поразился Икаров. — Горит каменный уголь?

— Горит каменный уголь, — подтвердил Энквен.

Каменный уголь на Рутоне? Переворот во всех представлениях об этой планете!

Капитан раздумывал, что предпринять.

— Есть земной аналог, — внезапно услышал он в наушниках голос Энквена.

— Аналог чего? — быстро спросил Икаров.

— Подземного пожара таких масштабов, — пояснил Энквен и выпалил: — Южный Тянь-Шань, Фандарьинское ущелье, гора Кантаг...

Теперь в голосе Энквена Икарову почудились интонации Алексея Волги. Алексей любил непреходящей любовью спелеологию, географию, геологию, все свободное время он отдавал пещерам. Федор знал, что с благословения Ливена Брока Алексей вел с Энквеном долгие беседы, сообщая роботу не только свои познания, связанные с науками о Земле, но и свою любовь к этим наукам.

— Продолжай, — сказал капитан.

— Кантаг дымится много веков, — произнес Энквен. — Люди считали его вулканом. Потом оказалось, что виновата не лава, в недрах Кантага горят пласты каменного угля.

— До сих пор?

— До сих пор, — подтвердил Энквен. — Над Кантагом стоит облако дыма. Такое же, как это облако, — показал он рукой.

— Тот подземный пожар пытались погасить? — спросил Икаров.

— Нет.

— И миллионы тонн каменного угля пропадают?

— Алексей Волга рассказывал мне, что некоторое время назад в Фандарьинском ущелье начали строить комплекс, который будет работать на подземном пожаре, — сказал Энквен. — Продукты горения, ценные газы, пойдут в дело.

— Запомни координаты этого места, — произнес капитан, указывая на скважину, из которой продолжал вырываться дым, — здесь тоже со временем выстроят такой же комбинат, как в Фандарьинском ущелье. Подземный пожар даст первым поселенцам на Рутоне тепло.

Несколько дней у Икарова и Энквена ушло на разбор, анализ и систематизацию образцов, собранных в двух предыдущих вылазках.

• Капитан понимал, что главная его задача — общая карти-

на Рутона. Даже литий, как ни важен он был для Земли, только частность в его задании.

Между тем Энквен — в этом сказывался характер Ливена Брока — тяготел к деталям и частностям. Робот мог — дай ему только возможность — долгими часами возиться с каким-нибудь одним образчиком минерала, сделать его всесторонний анализ, определить атомную структуру и так далее.

По этой причине Икарову часто приходилось ограничивать действия робота, и у помощника вырабатывалась новая стратегия поведения, необходимая для помощника капитана звездного корабля.

Основываясь на результатах аэрофотосъемок, капитан разработал план последующих вылазок. Их маршруты, с каждым разом удлиняясь, лучами расходились от стоянки пульсолета.

Таинственное плато пока что оставалось в стороне, несмотря на неоднократные напоминания Энквена.

В одну из вылазок они исследовали место, где предполагалось наличие лития — эту впадину Икаров приметил еще во время обращения корабля вокруг Рутона. Хотя приборы ничего определенного не показали, литий все же был обнаружен — на большой глубине, надежно укрытый толщей горных пород.

Радость капитана передалась Энквену. Робот даже чуть было не послал радиограмму на Землю, но Икаров вовремя остановил его.

Наконец, настала очередь плато.

Неожиданности начались сразу же, как только вездеход миновал зубчатую горную цепь, окаймляющую плато. Температура почвы была здесь чуть ниже нуля по Цельсию, но и этого было много по сравнению с температурой в остальных точках поверхности Рутона.

Вездеход полз, деловито покачиваясь.

Неожиданно обзорный экран потемнел. Капитан бросил взгляд в иллюминатор, тот тоже стал черным. Для человеческих глаз на плато воцарилась ночь. С чем связано ухудшение видимости, пока было неясно.

Стрелки приборов на пульте оживились. Следя за ними, Икаров перебирал в уме данные, полученные еще на корабле, когда они пролетали над плато раз, и другой, и третий... Неужели дерзкая догадка подтвердится? Неужели выводы аэромагнитной разведки...

— Нефть! — одновременно крикнули Икаров и Энквен.

Приборы свидетельствовали: там, под вездеходом, на глубине два с половиной километра, находится мощный нефте-

носный пласт. Остановив машину, капитан пометил на карте координаты ценной находки.

Икаров протянул руку, чтобы включить двигатель танкетки.

— Погоди, капитан,— остановил его Энквен.

— Мы должны спешить. До наступления рутонианской ночи нужно успеть пересечь плато и возвратиться на корабль,— напомнил Икаров.

— Капитан, тебе приходилось удить рыбу на Оби? — спросил Энквен.

— Удить? Приходилось,— ответил сбитый с толку Икаров.

— Разве ты уходил с реки, когда начинало клевать?

— При чем тут рыба?

— Так ведь клюет! — заявил Энквен, показывая на индикатор нефти.

Капитан понимал ход мыслей своего помощника. Нефть на Рутоне! Поистине клад для будущих поселенцев. И у Икарова руки чесались все тут же проверить, раздобыть из глубин темную маслянистую жидкость, ощутить ее на ладонях, растереть между пальцев! Но он понимал: очередь до нефти дойдет еще не скоро.

Глава 9

РУТОН (продолжение)

*Тяжело Вселенной бремя.
Дремлет млечная река,
Глеет медленное время,
Гаснут искорки-века́.*

Плато, которое Икаров окрестил Теплым, продолжало приносить неожиданности. На следующий день после открытия нефтеносного слоя капитан во время вылазки заметил на обзорном экране вездехода странное образование круглой формы.

Икаров остановил машину и послал на разведку Энквена. Хорошо было видно, как робот, шагая точно по прожекторному лучу, приблизился к кочке, которая привлекла внимание капитана. Робот остановился, нагнулся и оторвал от грунта круглый предмет, затем принялся со всех сторон рассматривать его.

Икаров наострил уши.

— Что это? — бросил он в микрофон.

— По-моему, гнездо, — прозвучало в наушниках.

— Чье?

Робот на экране пожал плечами.

— Гнездо могло принадлежать и птице, и зверю, — сказал он.

— Что внутри?

— Пусто.

Энквен продолжал вертеть в руках находку, не зная, что с ней делать.

— Неси гнездо в танкетку, — решил капитан.

Он долго рассматривал загадочное образование. То, что они называли гнездом, представляло собой искусное сооружение из гибких жгутов то ли растительного, то ли искусственного происхождения.

Капитан осторожно опустил гнездо в прозрачный контейнер, затем Энквен доверху налил туда жидкость, мгновенно затвердевшую.

Они двинулись, но через несколько метров вездеход-танкетку снова пришлось остановить. Впереди по курсу, четко очерченные прожекторным лучом, чернели чьи-то следы. Глубокая ямка посредине и впереди — вмятины от когтей. Следы увидели в сторону торосов.

— Поедем по следу, — предложил Энквен.

— Пока ограничимся образчиком следа, — сказал капитан.

Энквен вырезал кусок замерзшей почвы вместе со следом и вновь повторил процедуру с контейнером.

Вокруг танкетки замелькали какие-то хлопья, видимость ухудшилась. Икаров включил инфравидение и сбавил скорость. Что-то в поведении хлопьев показалось капитану странным. Он посмотрел на Энквена.

— Хлопья летят против ветра, — сказал робот.

Действительно, хлопья летели против ветра. Они кружились в непонятном танце, то скручивались в воронку, то собирались в колышущееся облако, то вытягивались в клин. Диаметр хлопьев достигал нескольких сантиметров.

Икарова поразила неясная догадка.

— Какова температура атмосферы над плато? — спросил он у Энквена, не отрывая взгляд от хлопьев.

— Минус двадцать.

— А температура хлопьев?

— Каждого?

— Да.

— Сейчас попробую определить.

Икаров с нетерпением ждал ответа.

— Температура плюс десять,— медленно произнес наконец робот. Похоже, он сам сомневался в этой цифре.

— Ты проверил результат? — спросил капитан.

— Трижды, как положено,— прозвучал ответ Энквена.

— Плюс десять...— задумчиво повторил капитан.— Неужели хлопья живые?

— Возможно. Но есть и другая возможность,— тотчас ответил Энквен.

— Что ты имеешь в виду?

— Это могут быть искусственные образования,— сказал Энквен.— Машины. Однажды в Зеленом городке я принял бабочку за кибернетический механизм. А вдруг теперь мы совершаем противоположную ошибку: кибернетические механизмы принимаем за живые существа?

Икаров включил увеличитель. Вихри рывком приблизились к нему. Теперь капитан рассматривал их словно в лупу. Однако рассмотреть что-либо было трудно: хлопья роились, прыгали, вращались с большой скоростью. И все-таки Икаров склонялся к мысли, что это не хлопья, а рой насекомых.

Капитан велел Энквену выйти наружу, чтобы поймать несколько хлопьев, но они исчезли — так же внезапно, как и появились.

Быть может, Энквен прав, и вокруг танкетки кружились в непонятном танце «одичавшие» кибермеханизмы? Ведь научились же земляне строить самовоспроизводящиеся и самосовершенствующиеся машины. Но если могут земляне, значит, могут и другие?..

Перед танкеткой вынырнула из серых сумерек скала, красноватая в прожекторном луче. На Рутоне продолжал царить краткий час тьмы, когда одно светило скрылось, а другое еще не возшло.

— Гранит,— попытался по цвету определить Энквен. Однако робот ошибся.

Когда они подъехали поближе, капитан убедился, что цвет скале придавал лишайник, а сама она состояла из минерала, неизвестного на Земле.

Робот принес образчик лишайника и минерала. Икаров долго рассматривал лишайник, затем поднес его к анализатору — точь-в-точь такому, который он тащил когда-то в горы для Лин. Все по пословице: это было давно и на другой планете...

Экран анализатора оставался чистым: в его каталоге растений Солнечной системы такого образчика не числилось.

— Новый вид,— сказал капитан.

— Разреши, капитан,— попросил робот. Он повертел в руках горстку вещества, которое только что соскреб со скалы, и неожиданно для Икарова произнес: — Я знаю земной аналог.

— На Земле есть похожее растение?

— Да.

— Как оно называется?

— Ритидолуон.

— Не знаю такого...— пробормотал Икаров.

— Ритидолуон растет на Крайнем Севере,— сказал Энквен.— Нет, капитан, не снимай перчатки. Ритидолуон ядовит.

— Почему же анализатор ничего не показал?

— Всякое механическое устройство несовершенно,— изрек Энквен.

— Вот что, Энквен,— распорядился капитан.— Исследуйка этот мох на ядовитость.

Вскоре анализ был готов. Он показал, что рутонианский лишайник содержит ядовитейшую вульпиновую кислоту...

Температура воздуха неуклонно повышалась.

Неприметно сгустились тучи, ударил гром и грянула гроза — первая гроза, которую довелось им переживать на Рутоне. Неплотная атмосфера Рутона могла преподнести космонавтам немало сюрпризов. Например, не оказалось в атмосфере углекислого газа (Икаров определил, что это связано с относительно низкой температурой Рутона). Не было также ни свободного азота, ни свободного кислорода.

Икаров и Энквен наскоро составили карту основных воздушных течений в атмосфере Рутона.

— На Рутоне не может быть гроз,— сказал Энквен, озаряемый синими всполохами молний.

— Земные представления нуждаются в поправках,— произнес Икаров.— Да и условия на Теплом плато особые.

Мощность, а с нею и ярость грозы возрастали. Гроза раскручивалась, словно маховик. Некоторые молнии вспыхивали совсем близко от танкетки, одна из них ушла в почву перед самым носом машины.

«Словно бальсанч на Марсе»,— подумал капитан, вспомнив рассказы Лин о Красной планете.

Динамики доносили снаружи шипение и треск электрических разрядов. Наконец сверху хлынул ливень такой силы, что Теплое плато мгновенно превратилось в бурлящее море.

Пришлось выпустить подводные крылья. Машина поплыла, покачиваясь на волнах.

На корабль они вернулись благополучно.

Икаров и Энквен посвятили Теплому плато много дней, но жалеть о затраченном времени не приходилось. «Затерянный мир», как окрестил его Икаров в память о любимой книге детства, не уставал раскрывать перед ними свои тайны.

Время, свободное от вылазок, шло на систематизацию добытых фактов, на их осмысливание.

Энквен задавал Икарову столько вопросов, что капитан несколько раз думал о том, какой нелегкий труд у воспитателя. Нет, недаром в воспитатели белковых координационных совет назначает самых выдающихся людей.

— Капитан, почему атмосфера Рутона так сильно отличается от земной атмосферы? — спросил однажды Энквен.

Они сидели в капитанской рубке пульсолета, стенные панели излучали ровный свет, уютно пофыркивал закипающий чайник, и не верилось, что снаружи бушуют тяжелые вихри чужой планеты.

Вопрос Энквена при внешней простоте и наивности был сложен. Чтобы полно и правильно ответить на него, Икарову пришлось призвать на помощь познания, полученные в Звездной академии.

— Причина различия атмосфер в том, что Рутон оказался в состоянии удержать весь свой водород, — сказал Икаров. — Наша Земля не смогла удержать весь водород, который имелся в первичной ее атмосфере...

— Давно он улетучился?

— Давно, — сказал капитан.

— А почему структура планетной атмосферы связана именно с водородом? — спросил Энквен.

— Чтобы это понять, давай вернемся в те времена, когда Рутон был горячим, — произнес капитан. — Планета с течением времени охлаждалась все больше и больше. Наконец наступил момент, когда газообразные массы начали сжиматься. В результате образовалось жидкое ядро, окруженное огромной газовой оболочкой.

— Понимаю, — прервал Энквен, — в подобных условиях в присутствии водорода окислы железа восстанавливаются...

— Верно, — подтвердил капитан, — и образуется металлическое железо. Что должно было происходить дальше?

Робот подумал.

— Железо переходит в жидкое ядро, — сказал он.

— А куда девается кислород, который при этом освобождается? — спросил капитан.

— Переходит в атмосферу Рутона.

Икаров кивнул.

— Что касается окислов других важнейших составляющих пород, включая кремний, калий, натрий, магний и кальций, то они не восстанавливаются в присутствии водорода при высокой температуре,— пояснил он.— Поэтому подобные окислы должны были вступать в соединения, образуя жидкие массы пород.

— Они были похожи на земные породы?

— В общем да,— сказал Икаров.— Ну, а дальше охлаждение продолжалось, и скалистая оболочка начала отвердевать. Но оставалось жидкое ядро из расплавленного железа. В этот период атмосфера Рутона состояла в основном из водорода, гелия, кислорода, азота, углерода и небольших количеств инертных газов, а также таких элементов, как сера и хлор.

Робот слушал, не шевелясь.

— На следующей стадии остывания Рутона в действие вступили химические процессы,— продолжал Икаров.— Углерод соединялся с кислородом, с образованием углекислого газа...

— А водород?

— Он тоже соединялся с кислородом, образуя водяные пары,— сказал капитан.

Энквен переменял позу.

— Каков был состав атмосферы Рутона в этот период? — спросил он.

— Водород, гелий, углекислый газ и водяные пары,— ответил Икаров, подумав, что на экзамене в Звездной академии было, пожалуй, легче.

Энквен помедлил, соображая.

— Дальше и начал углекислый газ соединяться с водородом, давая болотный газ,— произнес робот.

— Вот-вот,— подхватил Икаров.— Когда воздух Рутона остыл до 300 градусов, весь запас углекислого газа должен был превратиться в метан. При дальнейшем остывании атмосферы Рутона все тот же вездесущий водород соединялся с атмосферным азотом. Что при этом получалось?

— Аммиак,— без запинки ответил Энквен, а капитан подумал, что роботу на этом экзамене приходится, пожалуй, не легче, чем ему.

— Потом начал конденсироваться водяной пар,— сказал Икаров.— На поверхности Рутона забушевали глубокие океаны. Вместе с водой в океаны попал и аммиак.

Готовясь к одной из последних вылазок на Теплое плато, Икаров наткнулся в кармане комбинезона на какой-то шарик.

Это оказался биопередатчик Вана, который тот сунул ему на космодроме. Капитан подумал, что неплохо бы испытать передатчик в суровых условиях Рутонa, но, сунув шарик в карман, тут же забыл о нем.

На этот раз они выбрали новый маршрут у кромки плато. Вскоре вездеход наткнулся на небольшую поляну — укромный уголок, со всех сторон защищенный скалами. Поляну среди скал обнаружил докатор.

Икаров и Энквен вышли из машины и приблизились к узкому проходу в скалах. Идти дальше они не решались: грунт здесь был зыбким.

— Болото, — сказал Энквен и швырнул на середину поляны обломок скалы. Грунт глухо чмокнул, выбросив грязевой фонтанчик.

— Какая тут глубина? — спросил Икаров.

Энквен посмотрел на поляну, что-то прикинул.

— Четыреста метров, — произнес он, подумав.

Икаров содрогнулся, подумав о бездонной трясине, которая простиралась у его ног.

Сев в машину, они двинулись дальше. Дорога среди скал становилась все труднее. Вездеходу приходилось преодолевать крутые склоны и каменные завалы. Наконец скалы сомкнулись. Ехать дальше было нельзя.

Икаров остановил машину.

— Я попробую пройти немного вперед, — решил он, разглядывая скалу, маячившую вдали. Одна сторона скалы была вертикальной, словно срезанной гигантским ножом.

— Я с тобой, капитан.

— Ты останешься в машине, Энквен, — сказал Икаров. — Будешь страховать меня. Связь по радио.

До скалы, которая привлекла его внимание, капитан добрался быстро. Плечо оттягивала сумка с инструментами, в руке он держал геологический молоток.

Оранжевое солнце, едва проглядывая сквозь мощную атмосферу Рутонa, лило на плато неверный свет. Временами его скрывали низко клубящиеся бурые облака.

Достигнув скалы, капитан замедлил шаг. Теперь он то и дело останавливался, нагибался, собирая образцы минералов.

«Осадочная порода», — определил Икаров, рассматривая поднятый кусок ноздреватого мергеля. Он хотел было отшвырнуть камень — образчик мергеля уже был в их коллекции, — но заметил в камне омертвелую раковину моллюска и сунул обломок в мешок. В одном скальном изломе сошлись вместе несколько слоев породы. «Кажется, такая штука у геологов

называется линзой», — припомнил Федор и впервые пожалел, что ни разу так и не побывал в пещерах близ Зеленого городка, хотя и Алексей, и Лин много раз предлагали отправиться туда.

Через несколько шагов Икаров отметил купол каменной соли, выходящий на поверхность плато. Прежде всего — образцы. Тяжелый молоток опустился на породу. Руки делали дело, ставшее уже привычным. Капитан думал о Теплом плато. Как возникло оно? В результате вулканической деятельности, которая и теперь дает живительное тепло? Какие растения миллионы лет назад положили начало образованию пластов каменного угля? Какие животные, погибая, породили нефть на Рутоне? Или, быть может, нефть на этой планете неорганического происхождения?

В нескольких известковых обломках Икаров обнаружил окаменелые кораллы. Значит, когда-то здесь, над плато, колыхались океанские волны.

Примерно через километр картина изменилась. Известняки и мергели сменились гранитными породами. Работая молотком, капитан определил среди них диориты, габбро, сиениты и перидотиты — глубинные породы, которые на Земле являются наиболее распространенными.

Время бежало незаметно.

Удаляясь от машины, Икаров не волновался: кислородный запас в скафандре был достаточен.

Танкетка скрылась из виду. Кругом, насколько хватал глаз, простирались каменные торосы.

Внимание Икарова привлекло огромное гранитное тело — батолит, верхняя кромка которого возвышалась над поверхностью плато. С помощью ультразвукового измерителя Икаров прикинул размеры батолитовой глыбы. Гигантский камень простирался в глубину на добрых тридцать километров.

Нанеся на карту контуры батолита, капитан двинулся дальше. Теперь он шагал по вулканической породе, напоминавшей земной базальт. Попадались Икарову и образцы вулканического туфа. Все это говорило о том, что в образовании Теплого плато активную роль играли вулканические силы.

Когда капитан проходил под нависшей скалой, он замешкался и едва не поплатился за это. Он ударил в стену молотком, и сверху хлынула лавина острых камешков. Федор выскочил из ловушки, но несколько камней успели ударить по скафандру.

За скалой открылось пространство, усеянное костями. «Словно поле битвы», — подумал Икаров. И снова вопросы.

Когда разыгралась битва? Кому принадлежали эти кости, покрытые известняковым налетом? Что за звери рыскали здесь, оглашая плато яростным ревом?

Дышать стало труднее.

Пряча в сумку обломок огромной белой кости, Икаровглянул на кислородомер и в первую секунду не поверил своим глазам: стрелка подрагивала где-то около нуля. Он быстро обследовал скафандр и понял, в чем дело: во время лавины осколок камня, острый, как игла, угодил в кислородный баллон и пробил его. Икаров схватился за рацию и тут же убедился, что каменный дождь привел ее в негодность.

Кислорода оставалось в лучшем случае минут на десять. О том, чтобы добежать до танкетки за это время, и думать было нечего. Кровь ударила в виски то ли от волнения, то ли от начавшего сказываться недостатка кислорода.

Бороться до конца!

Капитан быстро сориентировался по карте и, выбрав нужное направление, побежал. Бежать было трудно. Нужно было следить в оба за трещинами в почве: в них можно было расшибиться в два счета. Тяжелая сумка, которую Икаров не бросил, при каждом прыжке больно ударяла в бок. Огромная тень капитана мчалась впереди, изламываясь на торосах.

Невидимая рука схватила Икарова за горло, дышать сразу стало нечем. Капитан инстинктивно дернул ворот и медленно опустился на валун. Все.

Руки задержались в конвульсиях. Одна попала в карман комбинезона, наткнулась на какой-то небольшой предмет. Круглый. В тускнеющем мозгу вспыхнуло воспоминание — земной космодром, прощание перед стартом пульсолета, Ван Каро, сунувший ему в руку биопередатчик... Биопередатчик? Неверной рукой Икаров вытащил из кармана пеструю кругляшку и последним усилием поднес ее поближе к виску...

Он еще успел увидеть вдали фигуру Энквена, который мчался к нему, делая неправдоподобно огромные прыжки. Затем плато покачнулось перед глазами, и капитан погрузился в небытие...

Очнулся Икаров в танкетке, где Энквен наскоро привел его в чувство. Кружилась голова, поташнивало.

— Где моя сумка? — спросил Икаров.

— Здесь, в шлюзовой камере, — отозвался Энквен.

В этот момент в люк кто-то ударил. Капитан насторожился. Стук повторился.

— Хозяин Рутон стучится, — сказал Икаров.

— Камнепад. Он начался, когда тебя не было, капитан,— сказал Энквен.

Танкетка двинулась в обратный путь. Энквен ни словом не обмолвился о приключении, едва не стоившем жизни капитану. Массивная фигура робота привычно маячила у пульта наблюдения.

— Вот он — владыка Рутона! — неожиданно воскликнул капитан.

Энквен оторвался от приборов. Икаров смотрел на экран. Глубокую впадину со всех сторон стеснили скалы. На дне ее лежал огромный высохший панцирь, круглый, словно купол. «Диаметр панциря — три метра», — тут же определил Энквен. Видны были мощно раскинутые клешни, будто чудовище в последнюю минуту хотело обнять свою планету.

— Владыка?.. — переспросил Энквен.

— Бывший владыка, — пояснил капитан. — Представь себе Рутон миллиард лет назад. Планета покрыта морями. Небольшие клочки суши покрыты тропической растительностью. Но основную часть поверхности занимает океанская стихия, и царствуют в ней ракообразные, вот такие, как этот зверь, — указал Икаров на панцирь, который начал уже скрываться из виду.

Возвращаться решили кружным путем, и здесь землян ожидало радостное событие: на окраине плато они обнаружили богатейшее месторождение лития...

Работа капитана и Энквена на Рутоне продлилась полтора года, примерно на такой срок и рассчитывал Икаров, с самого начала прикидывая объем исследования.

Результаты их полета вышли далеко за рамки обычного экзамениационного поиска, который проводят выпускники Звездной академии.

Обширная программа, с которой капитан ознакомил Энквена еще в полете на Рутон, была в основном выполнена. Они набросали в общих чертах географию Рутона, произвели геологическую съемку планеты. Были изучены магнитные и гравитационные поля, произведены пробы воздуха, заложены основы климатологии. Найдены были богатые месторождения редких металлов, в первую очередь лития, столь необходимых ныне землянам.

В запасном отсеке пульсолета Икаров и Энквен увозили на Землю множество патронов биопамяти, где была записана информация о Рутоне.

По возвращении на Землю Федор Икаров доложил результаты полета на Высшем координационном совете — честь, ко-

торой до сих пор не удостоивался ни один выпускник Звездной академии. В координационном совете докладывали о своих завершенных полетах лишь самые заслуженные капитаны, космические волки, чей поиск был особо труден и важен для землян.

Необычным было и то, что во время доклада Федору Икарову ассистировал белковый робот Энквен, его единственный помощник в полете на Рутон. Робот по ходу доклада вывешивал таблицы и диаграммы, а также демонстрировал кинокадры, связанные с исследованием Рутона.

Особый интерес членов совета вызвало предложение Федора Икарова сделать Рутон промежуточной станцией при полетах землян за пределы Солнечной системы.

Долго продолжался рассказ Икарова. Внимание Ливена Брока, одного из старейших членов совета, привлек эпизод с биопередатчиком Вана Каро — аппаратом, который спас капитану жизнь во время вылазки.

— Я считаю, что биопередатчик имеет большое будущее, — сказал Ливен Брок. — На наших глазах он совершенствуется. Еще несколько лет назад это был тяжелый и громоздкий аппарат, создание которого требовало огромного труда и неиссякаемого терпения. А теперь вы видели в руках у капитана Икарова небольшой по величине шарик...

Энквен посмотрел на воспитателя.

— Этот биопередатчик во многом еще несовершенен, — бросил реплику робот.

— Он нечетко работает? — спросил Ливен Брок.

— Да, мы проверяли его несколько раз в условиях Рутон, — сказал Икаров, подняв шарик, чтобы всем было видно. — Образы передаются не очень отчетливо.

— И радиус действия мал, — добавил Энквен, стоявший рядом с Икаровым.

— Биопередатчик — очень важная и нужная вещь, — сказал председатель. — Он необходим людям многих профессий: и строителям, и изыскателям-инопланетникам, и даже туристам, — улыбнулся он. — Сможем мы увеличить радиус его действия?

— Боюсь, что пока нет, — покачал головой Ливен Брок.

— Почему? — спросил председатель. — Мы имеем возможность выделить для работы над этой проблемой лучшие научные силы.

— На радиус действия сильно влияет гравитация, — произнес Ливен Брок. — А природы ее мы пока что почти не зна-

ем... Сможем управлять тяготением — тогда и радиус увеличим.

— Может быть, тогда вообще люди смогут мысленно общаться без передатчиков? — спросил председатель.

— Возможно, — кивнул Ливен Брок.

— Что ж, будем ждать возвращения «Пиона», — подытожил председатель.

— А пока что я предлагаю оснастить «Пион» биопередатчиком Вана Каро, — сказал Ливен Брок. — Считаю, что испытания этого аппарата в условиях Рутон прошли в общем успешно. Во время полета капитана Икарова мы в Зеленом городке занимались этим передатчиком.

— Хорошая мысль, — согласился председатель. — Так и сделаем.

Икарову непривычно было слышать рядом со своим именем приставку «капитан». Правда, в полете и на Рутоне так называл его робот, но одно дело — Энквен, другое — Высший координационный совет Земли...

После доклада капитана Икарова завязался разговор о «Пионе», живо заинтересовавшем не только Федора и Энквена, но и всех присутствующих в зале. Председатель совета сделал краткое сообщение о том, как подвигается монтаж звездолета.

— Мы окончательно остановились на секционном принципе, — сказал он. — Каждый отсек корабля будет самостоятелен, как на подводной лодке. Это повысит сопротивляемость корабля. Он сможет функционировать, даже если погибнет большинство отсеков. Вчера я вернулся с Луны. На следующей неделе на «Пионе» начнут устанавливать фотонные отражатели.

— Еще вопрос, председатель, — сказал Ливен Брок. — Экипаж «Пиона» нам известен. Двенадцать белковых продолжают тренироваться. Причем, как вы убедились сегодня, успешно, — кивнул он в сторону Энквена, который складывал таблицы и диаграммы. — Одних белковых мы готовим для астрономических наблюдений на «Пионе», другие будут заниматься штурманскими расчетами в полете, третьи — двигателями корабля... А кто будет капитаном? Кто поведет «Пион» к Черной звезде?

— На сегодняшний день имеются две тысячи кандидатур, — ответил председатель. — Скоро все они будут представлены на рассмотрение нашего совета.

Полет Икарова и Энквена на Рутон получил высшую оценку.

Едва избавившись от неотложных дел, Федор полетел на Луну: не терпелось повидаться с Лин.

— Даю тебе сутки,— сказал Икарову ректор Звездной академии.

— О Рутоне может пока рассказать Энквен,— сказал Икаров.

— Не только о Рутоне речь...— загадочно произнес ректор. Икаров задумался, но вдаваться в расспросы не стал: это было не в его правилах.

Едва Федор ступил на лунную почву, его охватило странное чувство, что он прилетел домой. Между тем Икаров был на Луне всего один раз, да и то единственное посещение было связано с не очень приятными воспоминаниями. В самостоятельном поиске Икаров возмужал. Многие прежние поступки казались ему теперь детскими, а безрассудная смелость — мальчишеством, пустой бравадой.

Новенькая, с иголки форма звездного капитана стесняла движения. Федор тряхнул головой, отгоняя воспоминания. За стеклянной стеной космопорта он увидел Лин. Она тоже узнала Федора и приветливо махнула рукой.

— Ты очень изменилась,— сказал Федор, когда они встали в сторонку, чтобы переждать гудящий поток нетерпеливых пассажиров, прилетевших с Земли.

— Ты тоже изменился,— улыбнулась Лин, окидывая его взглядом.

Федор тронул тяжелую толстую косу.

— Вот только косы остались прежними,— сказал он.

— Это не косы,— сказала Лин.

— А что же?

— Датчики.

— Датчики?

Лин посмотрела на растерянное лицо Федора и сочла нужным пояснить:

— Так считает Энквен, твой помощник в полете на Рутон. Он об этом сказал мне во время первой нашей встречи в Зеленом городке. До чего же он был тогда смешной!..

Они покинули космопорт и не спеша шли к стоянке машин.

— Знаешь, Лин...— Федор не договорил.

Они подошли к площадке, на которой ровными рядами выстроились разноцветные машины. Лин открыла ярко-красную дверцу одной из них и жестом пригласила Федора садиться.

Это была машина на воздушной подушке — лучший транспорт в условиях Луны.

— Они появились у нас сравнительно недавно,— заметила Лин, садясь за руль,— после того как на Луне создали искусственную атмосферу.

— А до того?

— А до того у нас были танкетки,— сказала Лин.— Примерно такие, как та, в которой ты с Энквеном разъезжал по Рутону.

— Откуда ты знаешь, в чем я разъезжал по Рутону?

Лин улыбнулась.

— Милый капитан, вы недооцениваете свою славу,— сказала она.— Телевизионный экран сделал вас едва ли не самым популярным человеком в Солнечной системе. Куда поедем? — спохватилась она.

— Ты хозяйка,— развел руками Федор.

— Показать тебе Луну? Хочешь? — спросила Лин.

Федор встретил ее предложение без особого энтузиазма.

— Времени маловато,— сказал он.

— А я и не спросила: ты надолго?

— Сутки. Вместе с дорогой туда и обратно,— сказал Икаров.

Лин задумалась.

— Так... что же тогда... Ага, есть! — хлопнула она в ладоши.— Едем на стапели. На «Пионе» сегодня монтируют фотонные отражатели. Так что считай, что тебе просто повезло. Я частенько ездила к «Пиону», когда тебя не было... Едем? — тряхнула Лин косой.

— Едем,— сказал Федор.

Лин нажала стартер. Машина сорвалась с места, как застоявшийся конь. По левую руку остались невысокие горы. Справа вдали виднелось ровное, как стол, плато. «Уж не плато ли Варгентина?» — подумал Федор.

Лицо Лин было сосредоточенным. Она отлично вела машину. Еще издали Федор узнал характерные контуры Лунных стапелей, сто раз виденные и в журналах, и на экране телевизора.

«Пион» напоминал собой сильно вытянутую гроздь винограда, направленную вертикально вверх. Высота корабля составляла семь километров. На первый взгляд виноградины-отсеки располагались беспорядочно вдоль центрального ствола корабля. Одни отсеки были уже смонтированы полностью, другие наполовину, третьи — только закладывались. Всюду — и на земле, и на монтажных площадках — кипела работа. Лишь опытный глаз мог уловить порядок в этом хаосе, угадать стройные контуры будущего корабля.

Еще не ступив на «Пион», Икаров знал его уже, как свои пять пальцев. И не только благодаря лекциям в Звездной академии. Икаров, где только мог, собирал информацию о «Пионе» и хранил ее в заветной папке.

— Когда тебя не было,— сказала Лин,— я слетала в Музей звездоплавания, под Москвой.

Федор кивнул.

— Только о звездах да ракетах, больше ни о чем думать не могла,— продолжала Лин.— Старые корабли такими странными кажутся...

— Они честно потрудились.

— Форма смешная: обтекаемые, как капли,— сказала Лин.

— Иначе нельзя было: раньше все ракеты стартовали с Земли. Чтобы вырваться в космос, нужно было преодолеть толщину воздушного океана. Вот «Пион»,— кивнул Икаров в сторону строящегося корабля,— для старта отведут подальше — и от Земли, и от Луны.

— Чтобы не нужно было преодолевать сопротивление атмосферы? — спросила Лин.

— Не только в этом дело. При старте «Пиона» из его фотонного отражателя хлынет такая река пламени, которая в состоянии испепелить целую планету, сорвать с нее воздушную оболочку, испарить моря и океаны.

— Вот, кстати, отражатель устанавливают,— произнесла Лин.

Рой машин плавно перемещал гигантскую чашу. Икаров знал, что это основная часть звездолета. Машины казались издали кучкой муравьев, которые тащат жука в муравейник. Отражатель представлял собой не что иное, как порабощенное зеркало. Свет, отражаясь от зеркала, будет толкать корабль вперед, создавая тягу.

Федор и Лин подошли поближе. Монтажники знали Лин (видимо, она часто здесь бывала). Девушка окликала монтажников, здоровалась с ними.

К ним подошел молодой парень в синей с молниями форме электрика.

— Я вас знаю,— сказал он и протянул руку.

— Откуда? — удивился Федор.

— Телевизор,— пояснил, улыбаясь, парень.— Вы ведь Энквен, верно?

— Энквен — мой помощник. Он остался на Земле. А я капитан Икаров, к вашим услугам,— щелкнул каблуками Федор.

Даже сквозь румянец видно было, как покраснел электрик. Он беспомощно посмотрел на Лин, словно ища сочувствия.

— Это от волнения, — сказала Лин.

Они подошли к фотонному отражателю. По наружному ободу зеркала шли на равном расстоянии друг от друга небольшие ракетные двигатели.

— Двигатели маневра, — пояснил Федор. — Включая некоторые из них, можно создавать боковую тягу, которая изменяет направление полета корабля.

— Скажите, капитан, — спросил электрик, — а что произойдет, если часть отражаемого света поглотится зеркалом?

— Зеркало испепелится сразу же, — ответил Икаров. — Чтобы этого не случилось, в отражателе будут использованы сверхпроводники, которые не поглощают свет, а целиком отражают его.

Из кабины подъемного крана электрика позвали. Извинившись, он убежал.

— Давай посмотрим оранжевый отсек? — предложила Лин.

В отсек они поднимались по узкой приставной лесенке: транспортные ленты «Пиона» еще не работали.

В огромном отсеке было пустынно. В открытые люки падал свет. Там и сям белели кучи песка, гравия, попадались связки тоненьких саженцев.

— Видеопластики сюда еще не приходили, — сказала Лин, озирая стены.

Внимание Федора привлек ящик с землей. Взрыхленная почва была покрыта ровными зелеными всходами. Растение показалось Федору знакомым.

— Неужели не узнаешь? — сказала Лин.

Федор покачал головой.

— Вспомни озеро Отдыха, — произнесла Лин, — горы...

— Эрцелла!

— Она самая. Думаю, выживет на «Пионе». Я использую литий для подкормки, — сказала Лин.

— Хочешь проверить поведение эрцеллы в условиях невосможности? — спросил Федор.

— Нет, при больших перегрузках, — сказала Лин. — Обязательно записывай все данные, ладно?

— При условии, что на «Пионе» полечу я, — улыбнулся Федор.

— Ты полетишь, — серьезно сказала Лин.

— Ты в этом уверена?

— Не только я,— сказала Лин.— И дедушка. И весь Зеленый городок.

На полу оранжерейного отсека были намечены контуры будущих дорожек. Между ними располагались участки, которые предстояло заполнить земной растительностью.

Лин подошла к связке саженцев, выбрала среди них тоненькую березку и умело посадила ее в рыхлый грунт пустынного участка.

— Это будет моя березка, Федя,— сказала она, оглаживая белый ствол.— Вернее, это буду я с тобой.

И в обратном полете, и уже на Земле среди многих дел, в течение долгих дней эта березка не выходила у Федора из головы.

Глава 10

МАРС

*Идем сквозь правильность линий,
Сквозь беспощадный свет,
В пустую память пустыни
Впечатав рубчатый след.*

Ван знал, что преддипломная практика Лин будет проходить на Марсе. Поэтому он обрадовался, узнав, что Ливен Брок включил его в группу, сопровождающую роботов-пионцев на Марс. Постройка «Пиона» подходила к концу, к этому времени должен был быть готов и белковый экипаж звездолета.

Биологов Зеленого городка представлял Владимир Карбенко. Взволнованный оказанным ему доверием и предстоящей ответственностью, Володя на космодроме без умолку говорил, без надобности поправлял ворот рубашки и все время безуспешно запихивал в карман угол коробки с магнитными шахматами.

Ван Каро летел на Марс не впервые. Год назад он был на Красной планете с археологической экспедицией. Хотя результаты экспедиции были скромными, Ван вернулся на Землю с твердым убеждением, что в марсианских пустынях под легендарными красными песками покоятся древние города.

Лицо Марса — пустыни. Можно ехать или лететь и час, и два, и только безотрадные песчаные барханы будут проплывать перед глазами. Единственные естественные возвышенности на планете — горы Митчела, расположенные близ Южно-

го полюса. Атмосферное давление Марса до заселения составляло лишь десятую часть земного. Но с десятков лет назад на Марсе, как и на Луне, была создана искусственная воздушная оболочка.

Карбенко на Марсе еще не был, и его интересовало все. Время в полете, свободное от шахмат, он отдавал беседам с Ваном, который добросовестно рассказывал, что знал, о Красной планете. Время свободное было: они летели не на пульсолете, а на обычном пассажирском лайнере — ветеране трассы Земля — Марс.

Ван часто смотрел на экран, наслаждаясь зрелищем черного неба, прошитого созвездиями.

После обеда к Вану подошел Владимир.

— Сыграем, Ван? — похлопал он себя по карману, где покоилась коробка с шахматами.

Ван замотал головой.

— Энквен тебе партнер, — сказал он.

— Энквен занят, что-то подсчитывает, — вздохнул Карбенко.

По экрану наискось проплыла оранжевая ракета.

— Почтовая, — определил Ван.

— Послушай, Ван, а почему марсианские пески красные? — спросил Владимир.

— Песчинки покрыты окислами железа.

— А пески образовались из выветрившихся вулканических пород?

Ван оторвал взгляд от экрана.

— Отчасти из раздробленного туфа, — сказал он. — Но в основном марсианские пески — это лимонит, охра и красноватый песчаник.

— Знаешь, Ван, — сказал Владимир, — меня в полете все время не покидает чувство, что я опоздал.

— Куда опоздал? — не понял Ван.

— На Марс. Я бы хотел быть с теми, кто впервые ступил на эту планету. Выскочить первым из люка, набрать в грудь побольше воздуха и крикнуть...

— Много бы пришлось набрать тебе воздуха, — с улыбкой перебил его Ван. — Марсианский воздух содержал тогда кислорода в тысячу раз меньше, чем земной.

Владимир пожал плечами.

— Неужели ты думаешь, что я выскочил бы без скафандра? — сказал он.

— Кто тебя знает. Шахматисты народ рассеянный, — произнес Ван.

— А в песчаные бури ты попадал? — спросил Владимир.

— Было.

— Страшно, говорят?

— Сейчас уже не то, что раньше, — сказал Ван. — В пустыне высаживают эрцеллу, и она корнями связывает пески.

— Я слышал, что эрцелла на Марсе приживается с трудом, — заметил Владимир.

Ван кивнул.

— Так было, — сказал он. — А теперь озеленители придумали подкармливать эрцеллу литием. Результаты хорошие.

— Откуда ты знаешь?

— Одна... Один озеленитель рассказывал, — ответил Ван неохотно.

Некоторое время они молча смотрели на обзорный экран. Корабль шел с приличным ускорением, дышать было трудновато.

— Да, работы озеленителям на Марсе хватит, — задумчиво произнес Ван.

— Не только озеленителям, — сказал Владимир. — И строителям. И геологам...

— Марсологам, — поправил Ван.

— Никак не привыкну к этому слову.

— Привыкай, — сказал Ван. — Нам на Марсе быть не меньше полугода, пока не закончатся заключительные испытания белковых.

— Послушай, Ван, средняя плотность Марса меньше, чем средняя плотность Земли, верно? — спросил Владимир.

Ван кивнул.

— Получается, что Марс состоит из более легкого вещества, чем Земля? — произнес Владимир.

— Нет. Тут хитрая штука, — сказал Ван. — Понимаешь, Володя, недра каждой планеты находятся под огромным давлением, которое определяется весом верхних слоев. Вес Марса в десять раз меньше веса Земли, потому и плотность его меньше.

— Но химический состав Земли и Марса одинаков?

— Примерно.

— Знаешь, Ван, я в детстве любил ломать игрушки, чтобы посмотреть, что там внутри, — сказал Владимир. — Ты не можешь мне сказать, что внутри Марса?

— Новая игрушка? — засмеялся Ван. — Видишь ли, Володя, Марс и Земля — родные брат и сестра. Потому и внутренние структуры их схожи. Раньше считали, что земное ядро состоит из железа. Потом появилась гипотеза, согласно которой земное ядро состоит из каменистого вещества, такого же,

как вещество мантии, но ставшего металлоподобным под действием огромного давления.

Владимир кивнул.

— Знаю, гипотеза Лодочникова — Рамзея, — сказал он.

— Сейчас Марс спокоен? Марсотрясений не бывает? — спросил Владимир.

— Нет.

Ван кивнул.

— А куда девалась марсианская вода? — допытывался Владимир. Улетучилась, что ли, водица?

— Не улетучилась. Вода на Марсе осталась, — сказал Ван. — Во время раскопок в Восточной пустыне мы хотя и не обнаружили засыпанного древнего города, но зато нашли одну вещь, пожалуй не менее ценную...

— Что же это за ценная вещь?

— Слой вечной мерзлоты! — торжественно сказал Ван.

— Действительно, ценная находка, — пожал плечами Владимир.

— Конечно, ценная! Слой вечной мерзлоты — источник воды, — пояснил Ван. — Но разработки еще не закончены. А пока что воду на Марсе, как и на Луне, добывают из каменных пород. Научимся доставать воду из слоя вечной мерзлоты — и на Марсе будут моря!

На Марсе и роботы, и люди, с ними прибывшие, получили различные назначения.

Ван Каро, Владимир Карбенко и Энквен были направлены на спасательную базу северного полушария Марса. Откровенно говоря, Ван был расстроен, он мечтал об изыскательной партии: работая в ней, он имел бы больше всего шансов встретить Лин. Одна из грандиозных марсианских новостроек — тоже неплохо. Но спасательная база...

Его утешил Владимир.

— Стажировка на спасательной базе будет полезна Энквену, — сказал он. — На «Пионе», Ван, спасатели будут нужней, чем строители.

— Но мы-то останемся на Земле, — пробурчал Ван.

— Ну и что? Нам тоже, грешным делом, неплохо освоить смежную специальность, — сказал Владимир. — Помнишь, как у нас в Зеленом пропали Ливен Брок и его воспитанник? Принайся, мы их искали довольно неумело, кустарно.

— Но все же нашли.

— А разве тебе не интересно, Ван, участвовать в проверке собственного изобретения? — спросил Владимир.

По решению координационного совета биопередатчик Вана

Каро проходил на Марсе испытания. Хотя радиус действия передатчика был невелик, но аппарат мог передавать на значительные расстояния не мысли и образы, а сигналы — импульсы альфа-ритмов головного мозга.

Каждый человек, живущий на Марсе, был снабжен передатчиком Вана. Условия работы на Красной планете были трудны и опасны. Если человек попадал в беду, координаты бедствия определялись по сигналам передатчика: ведь у каждого альфа-ритмы головного мозга носят индивидуальный характер. Спасатели работали с энтузиазмом, мечтая усовершенствовать биопередатчик, внести в него хоть какое-нибудь конструктивное улучшение. Все знали, что по решению совета биопередатчик включен в снаряжение «Пиона».

Служба на спасательной базе пришлась Вану по душе. Его натура требовала действия, движения, а всего этого у спасателей было с избытком.

Однажды Ван дежурил. Шло время, вызовов не было, сигналы бедствия не поступали, и Ван задремал. Проснулся он, словно от толчка. На пульте лукаво подмаргивал красный глазок. В наушниках стоял комариный писк, который, собственно говоря, и вывел его из состояния легкого забытья.

Ван мигом стряхнул зевоту и по видеофону доложил начальнику спасательной станции о полученных сигналах.

Северное полушарие Марса отличается, как известно, крайне неустойчивым, капризным климатом. Среди лета вдруг может пойти сухой град величиной с кулак или ливень, в минуту образующий бурные потоки, которые все смывают на своем пути. А о страшных песчаных бурях, снискавших дурную славу по всей Солнечной системе, и говорить нечего.

В последние годы на Марсе велись большие инженерные работы: на побережье строился современный океанский порт, возводился новый космодром, закладывались многоэтажные ангары для орнитоптеров — основного вида транспорта на Марсе. Машины на воздушной подушке здесь не привились из-за песков пустыни, которые склонны при любом ветерке подниматься в воздух, образуя смерчи.

Начальник спасательной станции велел Вану уточнить координаты бедствия и немедленно вылетать.

Через несколько минут после получения сигналов орнитоптер взмыл с одного из эллингов базы в красноватое марсианское небо. Машину вел Ван. Здесь же в кабине находился остальной экипаж орнитоптера — Карбенко и Энквен. Все время улавливая сигналы бедствия, они прокладывали курс.

В нормальных условиях биопередатчик Вана молчал. Он

начинал испускать сигналы лишь в том случае, если его слегка сдавливали, что и делал человек, который попадал в беду. С новой конструкцией Вану пришлось повозиться, но в условиях Марса она оправдывала всегда.

Машина набирала высоту. Внизу промелькнули немногочисленные строения базы, потом потянулась изжелта-красная однообразная пустыня. Нескончаемые барханы проплывали один за другим, похожие на вдруг окаменевшие волны моря. Косые лучи заходящего солнца скользили по верхушкам барханов.

— Красотища! — сказал Владимир. Хотя прошло уже два месяца, он не переставал восхищаться на Марсе абсолютно всем.

Изредка вдоль круглых иллюминаторов машины мелькало какое-то подобие тени и спустя некоторое время слышался глухой звук, похожий на удар палкой по днищу пустой бочки. Это проносились небольшие летучие существа, издревле населяющие Марс. Первые земляне, прибывшие на Марс, назвали их почему-то нырками.

— Володя, сейчас не время шутить! — раздраженно воскликнул Ван, когда Карбенко продиктовал ему очередную порцию цифр, связанных с курсом.

— О чем ты, Ван? — с недоумением спросил Владимир.

— Вместо координат бедствия ты подсунул мне координаты... нашего орнитоптера. Проснись!

— Все расчеты проверяет Энквен, — сказал Карбенко. Робот невозмутимо молчал.

— Ловко! Выходит, что это я даю сигналы бедствия? — возмутился Ван. — Вот что, займись наблюдением. Расчетom курса пусть занимается один Энквен.

Через несколько минут курс машины пришлось резко менять: координаты бедствия, если верить расшифровке сигналов, которую произвел робот, изменились, и немало. Такого в практике новоиспеченных спасателей еще не случалось. Да и в рассказах старожилов базы такого случая не встречалось.

Неужели Энквен ошибается в расчетах?.. Энквен, будущий первый помощник капитана «Пиона»?

— Странно, очень странно, — пробормотал Ван, вглядываясь в стереокарту. — Координаты лежат на местности, где не ведутся и никогда не велись работы.

— Да, отсюда добрых две сотни километров до ближайшей стройки, — уточнил Владимир. — Разве что геологи...

— Марсологи, — поправил Ван.

— Вот именно. Может быть, изыскатели...

— Не может быть там изыскателей,— неожиданно произнес Энквен.— Опасная зона, повышенная радиация.

Владимир пожал плечами.

— Что же означает эта свистопляска с координатами? — спросил он.

— Прибудем — увидим,— сказал Ван.

Орнитоптер скользнул вниз, неподвижно застыв на расстоянии метра от почвы. Его огромные перепончатые крылья теперь лишь слабо покачивались, поддерживая машину в воздухе на заданном уровне.

Наскоро натянув противорадиационные скафандры, Ван и Владимир прыгнули на красный песок. Следом выскочил Энквен.

Владимир осмотрелся.

— Где-то здесь,— сказал он.

— Включи сирену, Энквен,— велел Ван.

Высокий переливчатый звук разнесся далеко вокруг, многократно повторенный пустынным эхом.

Сирена умолкла, никто на нее не откликнулся.

Они тщательно обыскали местность, но это не дало никаких результатов.

— Я уверен в одном,— сказал Владимир.— Пеленгатор не мог ошибиться.

— Энквен тоже не мог ошибиться,— добавил Ван, подходя к орнитоптеру.

Радировав результаты поиска на базу, они поднялись в воздух. Энквен решил еще раз проверить координаты бедствия. На сей раз сигналы исходили из точки, отстоящей от места, которое они только что покинули, километров на пятнадцать. Источник сигналов был прежний...

Спасатели исследовали новый пункт — тот же успех. Так повторилось еще два раза.

Уже давно наступила неверная марсианская ночь, озаряемая попеременно двумя светящимися искусственными спутниками. Ван и Владимир измучились и изнервничались, но они ни за что не отказались бы от поисков. Что касается Энквена, то он сохранял обычную невозмутимость.

Наступил тревожный рассвет, и таинственный источник сигналов бедствия оказался в новой точке. Когда Энквен сообщил координаты, Ван, не говоря ни слова, развернул машину в воздухе на 180° и лег на другой курс. На сей раз передатчик сигнализировал откуда-то из гор Митчела.

— Далеко забрались. Южный полюс недалеко... — пробормотал Владимир.

— Как может человек совершать такие быстрые броски? — спросил Ван, ни к кому не обращаясь.

— Может быть, его схватил какой-то неведомый зверь? — высказал предположение Владимир. Ван покосился на него: лицо вроде серьезное.

— Люди на Марсе сравнительно недавно, — продолжал Владимир, — и многое здесь еще не изведано и не понятно.

— Эти звери жили здесь до того, как на Марс ступила нога человека, — сказал Ван.

— А потом? — спросил Владимир.

— Потом фантасты переселили их подальше, к окраинам Солнечной системы.

Машина шла на полной скорости. Кое-где пески были покрыты зарослями эрцеллы, которая успешно боролась с пустыней. Показались горные отроги.

— Здесь! — сказал Энквен твердо.

Уже ни на что не надеясь, Ван посадил орнитоптер. Площадка, окруженная скалами, была пустыня.

— Хотел бы я видеть этого шутника! — вырвалось у Владимира.

Было темно, Ван возился с прожектором, который не включался.

— Там, — сказал Энквен, подойдя к черному провалу, контуры которого люди смутно угадывали в темноте.

Ван включил наконец прожектор и направил световой луч в пропасть. На дне ее двигалось какое-то существо, похожее на осьминога. Оно все время пыталось улизнуть в сторону, в спасительную тьму, но Ван, ловко орудуя прожектором, не выпускал осьминога из поля зрения.

— Тут кто-то говорил насчет чудищ, которых на Марсе нет... — бросил Владимир, посмотрев на Вана. Ван промолчал. Он оглядел дно пропасти — человека, который бы терпел бедствие, там не было. Следовало принять какое-то решение.

— Энквен! — сказал Ван.

— Слушаю, — ответил робот.

— Спустись вниз, схвати осьминога, нейтрализуй его и доставь сюда, — приказал Ван.

— Это не осьминог, — начал Энквен. — Согласно классификации Брэма...

— Выполняй приказ, — перебил Ван.

Прыгая с камня на камень, робот приблизился к врагу. Как знать, быть может, Энквену припомнился давний его по-

единок с электрическим скатом на дне Атлантики? Приобретенный тогда опыт мог сейчас во всяком случае пригодиться. Увидев приближающегося бесстрашно робота, существо сделало новую попытку улизнуть. Однако бежать было некуда: сверху била ослепляющая струя. Едва Энквен приблизился к осьминогу, последний выпустил ему навстречу струйки фосфоресцирующей жидкости. Робот пошатнулся (видимо, жидкость подействовала на двигательный центр), но храбро продолжал наступать. Приблизившись наконец к осьминогу, Энквен одной рукой схватил извивающееся щупальце, а другой впрыснул дозу парализующей жидкости прямо в жарко пульсирующий комок...

— На что нам эта тварь? — спросил Владимир.

Ван не ответил.

Вскоре Энквен, таща неподвижного осьминога, щупальца которого волочились по камням, вынырнул из пропасти.

— Приказ выполнен, — сказал робот, бросая тушу к ногам Вана.

— Есть у меня одна идея, — сказал Ван и натянул защитные перчатки, затем вооружился ножом и приступил к вскрытию осьминога. Энквен придерживал чудище, а Владимир присвечивал прожекторным лучом.

Жесткое мясо фиолетового цвета было густо пронизано тонкими белыми нитями, прочными, как сталь, и дело подвигалось туго. Когда скальпель вскрыл продолговатый пузырь, на гранит пролилась небольшая лужица темно-фиолетовой жидкости. Камень задымился.

— Не хотел бы я выпить такого молочка, — негромко пробормотал Владимир.

А Ван все копался во внутренностях осьминога. Наконец он с торжествующим криком поднялся с колен. В руке его блеснул пестрый шарик биопередатчика.

— Видишь, Володя, как просто, — сказал Ван, впервые за все время улыбнувшись.

— Но как же так... — растерянно произнес Владимир. — Ведь мы получали сигналы из пустыни...

— А вот, — Энквен тронул шестипалой рукой труп нырка.

— Ты прав, Энквен, — сказал Ван и, повернувшись к Владимиру, пояснил: — Я читал, что нырки очень любят таскать пестрые предметы. Совсем как наши земные сороки. Где-то он сглотнул передатчик (очевидно, утащил из жилья), а затем отправился в пустыню, на охоту. Ну, остальное понятно.

— Да, помотались мы, — задумчиво произнес Владимир и покачал головой.

Энквен достал передатчик и, обтерев его, протянул Вану. Вскоре орнитоптер, взмахнув крыльями, поднялся над горами и полетел в сторону базы.

Одной из самых большихстроек Марса был океанский порт. Порт воздвигался, океана еще не было. Обводнение Марса являлось делом будущего. Марсологи-поисковики только искали в коре планеты водоносные породы, а близ ложа будущего океана уже вырастали причалы, складские помещения и прочие портовые сооружения.

Ван прилетел сюда в свободный день, чтобы посмотреть, как идет строительство, как справляются с ним питомцы Зеленого городка. В порту Ван повстречал Лин. Встретил, когда совсем уже отчаялся повидать ее на Марсе.

Ван поразился происшедшей с Лин переменной. Лин, всегда задорная, «заводная», как назвал ее однажды Алексей Волга, выглядела грустной, даже не грустной, а какой-то потерянной. Когда Ван увидел ее, Лин осматривала участок почвы, примыкающий к огромному пакгаузу, брала пробы, что-то записывала.

Ван окликнул ее, они поздоровались.

— Давно на Марсе? — спросил Ван.

— С неделю, — ответила Лин. — Нас тут группа озеленителей. Были в Восточной пустыне, теперь будем заниматься озеленением порта. Пока я тут одна в порту, остальная часть группы прибудет позже.

— Пролетал я над Восточной пустыней, — сказал Ван, — видел эрцеллу. Славно принялась.

Лин безучастно кивнула.

— Пройдемся? — предложил Ван.

Лин окинула взглядом участок взрыхленной почвы.

— Только недолго, — согласилась она.

Даже стороннему глазу видно было, что механизм стройки работает ритмично и четко. Людей на обширной строительной площадке не было видно. Строительством руководили белковые роботы. Ван издали узнал фигуру Кельзава. Тот давал задание механическому роботу-манипулятору — шагающей платформе, доверху груженной облицовочными керамическими плитками.

— Здесь работают только те, кто полетит на «Пионе», — сказала Лин, и голос ее дрогнул.

— Знаю, — сказал Ван. — Я летел с ними на Марс. Помому, все научились делать наши питомцы, хоть сейчас в полет.

Лин промолчала. Долгим взглядом проводила она Кельзава,

который бегом направился к подъемной башне, вдруг замедлившей ход.

Переходя по мостику через свежепрорытую канаву, Ван взял девушку за руку. Лин тихонько освободилась.

— Не надо, Ван,— попросила она.

Каменистое ложе будущего океана поблескивало под жарким марсианским солнцем. Землеройные машины, приводимые белковыми роботами, выравнивали дно.

Лин и Ван не спеша шли вдоль линии берега, обходя глыбы, ямы и завалы.

— Послушай, Лин, я давно хотел сказать тебе...— начал негромко Ван.

— Знаешь, Ван,— перебила Лин,— перед вылетом на Марс я закончила исследование мха, который Федор с Энквеном привезли с Рутона.

— Да? — спросил Ван без особого энтузиазма.

— Знаешь, этот мох — просто чудо,— продолжала Лин.— Представь себе, в нем удалось обнаружить бактерии, которые способны предсказывать вспышки солнечной активности. Такие вспышки, ты ведь помнишь, могут быть опасны для космонавтов, особенно в период активного Солнца. Поэтому важно заранее знать, когда произойдет вспышка. Между прочим, я установила, что похожим видом бактерий занимался выдающийся русский ученый Чижевский еще в 1915 году. Он установил, что некоторые виды микроорганизмов весьма чутко реагируют на солнечную активность. Но он не мог изучать бактерии с других планет: люди тогда еще не вырвались в космос. Поэтому особо чутких к Солнцу бактерий у него не было.

— Так что же все-таки сделал Чижевский? — спросил Ван, чтобы поддержать разговор.

— Чижевский доказал, что поведение чувствительных к Солнцу бактерий меняется за 4—5 дней до того, как приборы землян говорят об очередной солнечной вспышке. Он мечтал о создании такого «живого барометра», который сможет предсказывать солнечные бури, предупреждать астронавтов о грозящей опасности. Но создать такой барометр Чижевский не смог: уровень тогдашней науки был слишком низок для этого. Да и земные бактерии не очень подходили для столь тонкого прибора. Другое дело — бактерии с Рутона. У нас в институте горячо взялись за «живой барометр», — сказала Лин.

Ван отбросил с дороги пустой кислородный баллон.

— Доброе дело,— сказал он.— А когда может быть готов «живой барометр»?

— Месяца через три,— сказала Лин.

— Но это же чудесно! — воскликнул Ван.— «Живой барометр» можно будет взять на «Пион».

Лин остановилась так внезапно, что Ван сделал по инерции еще несколько шагов. Он обернулся. Лицо Лин побледнело.

— Разве ты не слушал сегодня утром радио? — тихо спросила она.

— Нет. Проспал,— сокрушенно признался Ван.— А что, собственно, случилось?

— Решение Высшего координационного совета,— сказала Лин.— «Пион» стартует через месяц.

— А капитан кто же?

Лин опустила голову.

— Федор?..— спросил Ван.

Лин кивнула.

— Давай возвращаться,— сказала она.— У меня времени немного.

— Послушай, Лин. Послушай...— произнес Ван.

— Не говори мне, Ван. Ничего сейчас не говори.

— Но я должен сказать тебе...

— Нет! — подняла она руку.

Назад они шли молча. Ван смотрел на тонкий профиль, и Лин казалась ему такой хрупкой, такой незащищенной.

— Не надо меня жалеть,— сказала Лин, будто угадав его мысли.

— Послушай...

— Я счастлива,— сказала Лин.— Да, счастлива! — с вызовом повторила она, глядя на Вана.— Счастлива, что Федору оказано доверие, счастлива, что он любит меня и что я люблю его.— Все это Лин выпалила единым духом.— И довольно об этом...— добавила она угасшим голосом.

Когда они прощались, Лин сказала уже обычным своим голосом:

— Совсем забыла поздравить тебя, Ван. Твой биопередатчик по решению координационного совета включен в снаряжение «Пиона». Между прочим, я думаю, что рутонианский мох им тоже нужно взять с собой. За оставшийся месяц сделать «живой барометр» не удастся, но его можно будет закончить в пути. Времени у них будет достаточно,— добавила Лин.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ
ЗВЕЗДНЫЙ ЗОВ

Глава 1

ПУТЬ

*Зреет, будто к новоселью,
Замечательный восход.
Над людскою колыбелью
Солнце красное встает.*

Прощание с Землей, с поколением осталось в памяти Федора Икарова долгим многокрасочным сном.

И в полете, когда далеко позади осталась Солнечная система и безмолвная река пламени, истекающего из дюз, несли «Пион» в глубины пространства, навстречу неизвестному, молодой капитан часто вспоминал свой извилистый путь прощания с планетой — путь, опоясавший весь земной шар.

День за днем, месяц за месяцем «Пион», казалось, висел в одной точке, накрепко впаянный в бесстрастное пространство, — крохотная пылинка разума, затерявшаяся в бездонном космосе. Икаров, конечно, понимал умом, что корабль идет с огромной скоростью. Об этом деловито сообщали приборы, а также ежечасно докладывал Кельзав. Но все в человеке восставало против очевидного, отказываясь верить в то, что звездолет движется. Вскоре предстояла пульсация — головокружительный прыжок корабля через нуль-пространство.

Когда человек идет по дороге, он замечает пройденный путь по разным ориентирам: по придорожным камням, деревьям, по верстовым столбам, наконец. Сидя в салоне самолета, человек замечает движение по облакам, стремительно бегущим назад. Но как уловить движение звездолета, глядя на обзорный экран? Узор созвездий на его поверхности изо дня в день, из месяца в месяц остается неизменным. А кроме звезд, ничего вокруг... Конечно, рисунок созвездий при движении корабля меняется, но настолько незначительно, что человеческий глаз уловить этого не в состоянии.

Одиночество капитана скрашивали его белковые помощники. Они исправно вели «Пион» в те периоды, когда капитан, повинуясь биопрограмме, впадал в глубокий анабиоз. Наконец они миновали последнюю пульсацию.

При приближении к Тритону Икаров отказался от анабиотического сна. Слишком много стало теперь в ближнем космосе тревожных и непонятных явлений.

Капитан подошел к экрану. Он долго всматривался в него. Сколько книг они прочли, сколько микрофильмов о Тритоне

просмотрели на борту корабля! Белковые поглощали информацию с ненасытностью губок, впитывающих воду, и Икаров не переставал восхищаться учеными Зеленого городка, которые вырастили и воспитали столь совершенные системы. В каждом белковом роботе были заложены возможности, которые раскрывались, развертывались с течением времени.

— Летим — и звезда превращается в солнце, — негромко произнес Икаров.

И впрямь Тритон медленно, но верно увеличивался на экране. Но это было не жаркое солнце, щедро разбрызгивающее свет в окрестном пространстве, а черный провал в небе. Капитан по бегущей ленте добрался до головной рубки и сел перед экраном. Он включил защитный слой со светофильтром.

Икаров был один в отсеке. Каждый член экипажа находился на своем месте.

«Будь у Тритона своя планета, — подумал капитан, — интересно, как бы чувствовал себя на ней человек?» Он представил себя стоящим на каменистой вулканической почве этой планеты. Возможно, она будет в чем-то похожа на Рутон, который они некогда избородили с Энквеном. Горизонт напоминает раскаленную струну, разноцветные скалы — застывший фейерверк. Что может испытывать человек в поле чудовищного тяготения Тритона — Черной сверхзвезды? Капитан легко делает несколько шагов. Ходить по планете нетрудно: ведь тяжесть тела на ней обусловлена не Тритоном, а массой самой планеты. Но масса Тритона настолько велика, что она меняет метрику окружающего пространства, как бы искривляет, прогибает его. Это явление предсказал еще Лобачевский. Но что это значит — звезда прогибает пространство? Этого никто из землян еще не знает... Что он испытает, когда попадет в искривленное пространство? Может ли вообще человек выжить в нем? Капитан глубоко задумался, опустив голову на пульт. То, что раньше представлялось теорией и чистейшей абстракцией, с каждым часом полета «Пиона» все более превращалось в реальность. На месте Тритона зиял черный провал, все время увеличивающийся в размерах.

При приближении к звезде-невидимке приборы корабля вели себя все более беспокойно. Однажды вспыхнула магнитная буря, которая бушевала четверо земных суток — время на корабле измерялось в привычных земных циклах. («О том, как измерять на «Пионе» время, мы договорились с тобой, капитан, еще на Рутоне», — заметил по этому поводу Энквен.) Во время магнитной бури капитан почти не отходил от пульта. Когда капитан отдыхал, его место занимал Энквен.

Четверо суток вокруг «Пиона» бушевали силовые поля. Это был безмолвный разгул стихии без грома, ливней и пенных морских волн. Четверо суток, откликаясь на немую бурю, конвульсивно трепетали стрелки приборов. На пятые сутки синусоида, которая неутомимо вытанцовывала на экране капитанского пульта, наконец нырнула под красную горизонталь.

Буря улеглась, однако радость оказалась преждевременной: на поверхности корабля определили повреждения. Возникла необходимость срочно проверить поверхность «Пиона».

Натянув противорадиационный скафандр, капитан нажал кнопку с надписью «вакуум». Стенки переходного отсека едва слышно завибрировали. Стрелка барометра, описав полный круг, ткнулась в «зеро». Все! Можно выходить.

Икаров повернул рукоятку, но люк остался неподвижным. «Заело», — с беспокойством подумал капитан.

В этот момент вспыхнул видеофон. Связь по своей инициативе включил Энквен.

— Что случилось, капитан? — спросил робот. — Я по биопередатчику уловил: у тебя что-то не ладится.

— Оставь Кельзава на пульте и иди сюда, — велел капитан. Экран погас.

Через несколько минут в камеру, где царил вакуум, вошел Энквен. Перепад давлений робота не смущал.

— Люк не открывается, — сказал капитан. — Давай попробуем вдвоем.

Икаров и Энквен налегли на люк, но тот не поддался.

— Ударь, Энквен, — сказал Икаров. — Только антенну не повреди.

Коротко разогнавшись, робот ударил в люк плечом. После третьей попытки люк открылся. Первым на поверхность вышел капитан, за ним Энквен. Очутившись снаружи, капитан на мгновение закрыл глаза. Он сделал несколько осторожных шагов, затем остановился и прильнул к портативному телескопу, который прихватил с собой.

— Посмотри вниз, капитан, — прозвучал ровный голос Энквена.

Опустив телескоп, капитан посмотрел под ноги и едва не вскрикнул от неожиданности: отсеки корабля были покрыты ровным слоем вещества изумрудного цвета. Некоторые участки были потемнее, другие светлее. Ярче всего светились участки, прилегающие к фотонным дюзам.

— Что это, Энквен? — спросил капитан, потрогав носком изумрудное вещество.

Энквен неохотно пожал плечами.

— Аналога нет,— сказал он.

Капитан присел на корточках.

— Вещество такой плотности землянам не известно,— сказал он.— Вот почему люк не открывался!

— Быть может, слой образован прилипшими метеоритами? — высказал предположение Энквен.

Икаров покачал головой.

— Почему же тогда локаторы не отметили метеоритных ливней? — сказал он.— Нет, здесь что-то другое. Ладно, возьми немного вещества на пробу, там разберемся.

Капитан и Энквен вошли в лабораторный отсек. Несколько минут Икаров молча наблюдал, как Энквен безуспешно пытается разломить в руках кусок изумрудного вещества, только что вырезанный лазерным лучом с поверхностной обшивки «Пиона». Шестипалые руки, которые с легкостью связывали в узел стальную полосу, ничего не могли поделать с находкой.

— Нужно расплавить...— начал Энквен.

— Нет,— перебил капитан, пораженный неясной догадкой.— Опусть вещество в насыщенный раствор биогибберелина.

Энквен знал, что этот раствор, который передала капитану перед стартом внучка воспитателя Лин, активизирует деятельность живой клетки. Но неужели капитан думает, что...

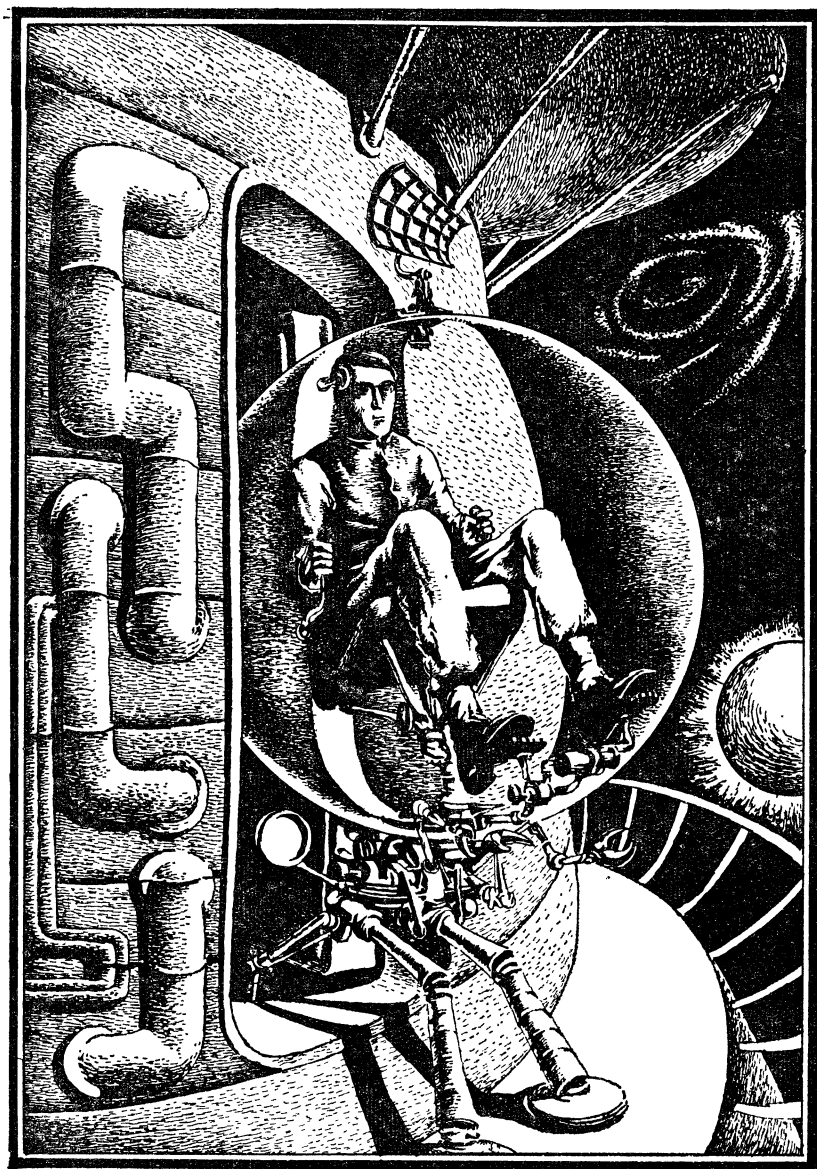
— Начальная температура вещества в момент осаждения на поверхности корабля составляла примерно две с половиной тысячи градусов,— на всякий случай напомнил Энквен.

— Выполняй,— сказал капитан. Он проследил, как Энквен опустил пробу в прозрачный контейнер с раствором, и вернулся в свой отсек.

Из состояния дремоты капитана вывел вой аварийной sireны. На пульте контроля близ цифры «3» вспыхнул красный огонек. Третий отсек... Это была астролaborатория, которую он покинул минут двадцать назад.

Не ожидая приказа, Энквен, который находился рядом, метнулся к люку. Окрик Икарова остановил его у выхода.

— Не торопись. Посмотрим, что там делается,— сказал капитан. Он включил экран внутреннего обзора, и перед ними предстал лабораторный отсек. Ряды установок, стеллажи, уставленные приборами. Но что это? Какая сила сдвинула с места массивный термостат, в который Энквен поместил контейнер с изумрудным веществом? Черный матовый куб термостата покачивался. Неожиданно одна грань его изогнулась и лопнула, и сквозь трещину неудержимо поползло что-то извивающееся, плоское, зеленое...

— Выключи сирену,— попросил капитан.

Робот повернул на пульте рукоятку, звук оборвался.

Они всматривались в экран, не зная, что делать.

— Есть аналог,— вдруг сказал Энквен.

— Да ну? — посмотрел на него капитан.

— Похоже на мох, который мы встретили на Рутоне, на Теплом плато,— сказал Энквен и указал на вещество, которое продолжало выползать из контейнера.

Икаров покачал головой.

— Мох с Рутона, который мы использовали для «живого барометра», тут ни причем, Энквен,— сказал он, не отрывая взгляда от экрана.

Зеленая лужица, образовавшаяся между тем на полу, будто раздумывала, затем ручеек из нее скользнул в сторону люка, ведущего из астролаборатории в центральный ствол «Пиона».

— Энквен, бегом в третий! — крикнул капитан.— Задрай выход из отсека.

Робот пулей вылетел в коридор. Соскочив с бегущей ленты эскалатора, он, приближаясь к третьему отсеку, двинулся осторожно, крадучись. На экране хорошо было видно его мощное тело, сильные руки, касающиеся стен, огоньки фотоэлементов.

Неужели это Икаров своей волей выпустил джина, дремавшего в бутылке?

До сих пор «Пион» мчал сквозь космические просторы без особых приключений. Никаких признаков высокоорганизованной материи, характерной для жизни, экипаж «Пиона» не обнаружил. Да и откуда она в открытом пространстве? Тщательно проверяемые метеориты, которые попадали в ловушки «Пиона», не несли на себе ни бактерий, ни спор. Наоборот, высокая радиация, уровень которой при приближении к Тритону непрерывно повышался, склоняла к мысли, что жизнь в этих «широтах» невозможна.

Но капитан знал, какой колоссальной приспособляемостью обладает жизнь.

Что же представляет собой изумрудное вещество?.. Капитан сообщил экипажу обо всем, что произошло в течение последних сорока минут, только догадку относительно слоя, покрывающего обшивку «Пиона», оставил пока что при себе. Слишком дерзкой, даже еретичной показалась она самому Икарову.

Энквен приближался к третьему отсеку. Немой ураган, четверо суток бушевавший снаружи, не прошел бесследно для «Пиона». Стены коридора, по которому осторожно шагал Энквен, слабо светились: микрочастицы, с огромной скоростью

бомбардируя корабль, порождали во внутренних отсеках вторичное свечение, особенно хорошо заметное на экране.

Капитан внезапно почувствовал приступ сильной сонливости. Он просмотрел все отсеки: экипаж застыл в неподвижности. Возможно, таково было действие изумрудного вещества. Хорошо еще, что у Энквена хватало сил двигаться. Он шел еще медленнее, шатался, хватаясь руками за светящиеся стены.

— Пожалуй, задраить люк в третий отсек недостаточно, — подумал капитан. — Нужно проникнуть внутрь, чтобы во всем разобраться на месте. Но как отдать такой приказ Энквену? Проникнуть в отсек — значит подвергнуться, по всей вероятности, смертельной опасности...

Пока капитан колебался, Энквен достиг третьего отсека, рывком открыл люк и прыгнул внутрь. Биопередатчик Вана! Как мог Федор позабыть о нем? Видимо, Энквен уловил мысли капитана и принял самостоятельное решение.

Икаров переключил экран на третий отсек. Картина, которую застал Энквен, была тревожной. Зеленая масса, набухая, вырастая, заполнила чуть ли не все свободное пространство отсека. Она играючи гнула и ломала все на своем пути. Даже термостаты, изготовленные из сверхпрочного нейтрита, лопались, как переспелые дыни.

Капитан не мог детально инструктировать Энквена. Он и сам не знал, что представляет собой зеленая напасть. В зависимости от обстановки робот должен был выбрать наиболее разумную тактику, помня, разумеется, и о безопасности корабля, и о возможной угрозе экипажу, и о необходимости выполнить конечное задание, возложенное на «Пион».

Очевидным было простейшее решение проблемы: попытаться немедленно уничтожить таинственное вещество. Но торопиться с этим было неразумно: кто знает, какие формы, еще не известные землянам, может образовывать жизнь?

Едва Энквен изнутри задраил люк, как на него сверху опустилась зеленая покачивающаяся лиана. Она двигалась, словно живая, и едва не коснулась Энквена.

Робот отскочил в свободный угол и застыл в выжидательной позе.

Зеленое вещество — капитан мысленно назвал его мхом — начало медленно подступать к Энквену, обхватывая его со всех сторон.

Теперь, даже если бы Икаров отдал команду, Энквен не сумел бы покинуть отсек: путь к отступлению был отрезан.

Впрочем, Энквен, похоже, не помышлял об отступлении. На экране было четко видно, как колышутся на голове его воло-

сы-антенны, холодно поблескивают глаза, подрагивают микролокаторы, оценивая обстановку. Прежде чем приступить к действиям, Энквен собирал информацию, перебирал в памяти тысячи вариантов, ища среди них единственно верный.

В этот решительный момент биосвязь отказала (возможно, и в этом был повинен изумрудный мох). Капитан включил радиовывоз. Шорох и треск радиопомех наполнили штурманский отсек.

— Я в третьем, капитан,— слышался странно далекий голос Энквена.— Анализ воздуха в отсеке...

— Докладывай о самом важном,— сказал капитан.

— Анализ воздуха в отсеке,— повторил Энквен,— свидетельствует, что процентное содержание кислорода уменьшается.

Уменьшается содержание кислорода? Это было новое звено в цепи неожиданностей. Воспользовавшись коротким затишьем, капитан проверил отсеки корабля: все одиннадцать белковых роботов продолжали пребывать в состоянии неподвижности.

— Приступаю к исследованию зеленой субстанции,— спокойно произнес Энквен, словно находился не на корабле, бог весть на сколько оторвавшемся от Земли, а на тренировочном полигоне Зеленого городка. Правда, голос робота звучал глуше, чем обычно. Но причиной мог быть севший аккумулятор...

Прошло несколько минут. Энквен не двигался, выжидая. Возможно, какие-то соображения удерживали его от активных действий.

Икаров заметил, как подвижный язык, похожий на зеленое пламя, подполз по полу астролаборатории к стеллажу, гибко обхватил его со всех сторон. Стеллаж покачнулся и полетел вниз, усеяв пол осколками перекрытий, которые разбились вдребезги. Большинство реторт разбилось, и ядовитый дым от смешавшихся реактивов заполнил отсек. Реторты не должны были биться. Возможно, их сделала хрупкими атмосфера, воцарившаяся в отсеке.

С трудом боролся капитан с приступами сонливости.

Когда дым в третьем отсеке рассеялся, на экране возникла картина, заставившая сжаться сердце Икарова: зеленая масса заполнила почти весь отсек. Свободным оставался только угол, в котором находился Энквен.

Икаров только теперь обратил внимание на одно невероятное обстоятельство — предмет, которого касался движущийся мох, куда-то исчезал, словно растворялся. Вот зеленый язык

наткнулся на осциллограф, и прибор немедленно растаял, будто был вылеплен из снега.

Однако, буйствуя в отсеке, подвижное вещество пока что щадило Энквена.

— Включи инфравизор, Энквен! — скомандовал капитан. Когда робот выполнил приказ, Икаров спросил: — Что случилось с осциллографом?

Энквен замешкался с ответом.

— Кажется, прибор стал прозрачным... — произнес он наконец.

— А может, он растворился в едких кислотах? — сказал капитан.

— Возможно, — согласился робот. В его голосе сквозила растерянность.

Вокруг Энквена все еще оставалось немного свободного пространства, которое неуклонно сжималось. Хуже всего было то, что роботу никто не мог прийти на помощь. Белковые по-прежнему пребывали в неподвижности. Икаров решил было выручить Энквена, но еще раз посмотрел на экран и убедился в бесполезности своего намерения: стоит высадить задраенный Энквеном люк третьего отсека — и зеленая масса проникнет в центральный ствол корабля...

Зеленая масса продолжала свирепствовать в третьем отсеке, но стен лаборатории, которые были покрыты ионизированным пластиком, она не касалась. Приборы, установки, контейнеры с образцами метеоритов и пробами космической пыли — все исчезало при соприкосновении с загадочным веществом, властью биогибберелина выпущенным на волю. Икаров сжимал кулаки, бессильный что-либо предпринять.

Щелкнул сигнал радиовызова.

— Зеленое вещество испускает лучи, — еле слышно прозвучал голос Энквена.

— Какие?

— Аналога нет. Попытаюсь...

Фраза оборвалась, потому что зеленая масса со всех сторон ринулась на робота.

Энквен исчез из поля зрения. Весь экран затопило месиво, и только мгновениями в нем показывались руки робота. Энквен отчаянно сражался, ни на шаг не отступая. Да и отступать было некуда.

В конце концов зеленая масса отхлынула от Энквена, и робот, шатаясь, поднялся на ноги.

— Береги глаза, Энквен! — крикнул капитан, пригнувшись к микрофону.

Зеленое вещество подозрительно зашевелилось, готовясь к новой атаке.

Почему живой мох не касается стенок отсека? Бойтся ионизированного пластика? Допустим. А почему он не уничтожает Энквена? В плен, что ли, хочет его взять?!

Зеленое вещество ринулось в новую атаку. На этот раз на экране хорошо были видны перипетии борьбы. Энквен пока что отражал нападение. Поверхность нападающего вещества начала переливаться, меняя оттенки.

Неожиданно из зеленой массы вырвался тонкий шнур. Конец его раздулся, словно голова рассерженной кобры, и качнулся в сторону робота. Энквен успел руками перервать у основания странный стебель, и тот, свиваясь в кольца, рухнул.

Мозг Икарова продолжала сверлить догадка. Разумная материя?! Нет, невозможно. Но чем же тогда объяснить правильную тактику в нападении и защите? Чем объяснить действия, похожие на предварительную разведку?

Энквен продолжал борьбу. Противник, похоже, щадил его. Когда робот делал шаг вперед, зеленая стена услужливо прогибалась, чтобы тут же сомкнуться за ним.

Но чем может кончиться эта игра в пятнашки со смертью?

Непослушная голова склонилась на пулэт. Чьи-то мягкие, но властные пальцы легли на сонные веки... Капитан испуганно поднял голову: сколько он проспал? Ситуация на экране стала критической: зеленая масса образовала шар, в центре которого находился Энквен.

Икаров принял решение.

— Энквен, вырвись любой ценой! — отдал он команду в микрофон.

— Есть! — донеслось до капитана словно из другой Галактики.

— Следи только, чтобы зеленое вещество не проникло в центральный ствол! — крикнул капитан.

— Можно ли мне... воспользоваться...

— Да! — сказал капитан, не дослушав. — Да! Включай лазеры.

В тот же миг экран охватило слепящее пламя. Оно погасло, затем вспыхнуло снова. Тысячи огненных иголок, посланных Энквеном, пронзили пространство третьего отсека, и угасли, не достигнув стенок. Зеленая масса дрогнула и отступила.

Астролабораторию наполнил белый дым. Видимость уху́дилась, и капитан включил инфравизор. Зеленая масса, съездившись, конвульсивно подергивалась. По всем признакам

под действием лазерных лучей ей пришлось несладко. Но зеленые щупальцы все еще пытались дотянуться до Энквена.

В отсеке стало просторней, и робот начал перебегать с места на место, маневрируя. Казалось, он выполняет какой-то химерный танец. Каждый шаг приближал его к заветному люку. В такт прыжкам Энквена покачивались и словно бы торчащие из него огненные иголки лазерных лучей, которые удерживали зеленую массу на почтительном расстоянии.

В этот момент био- и радиосвязь с Энквеном прервалась, и восстановить ее капитану не удалось.

Осуществляя хитрые финты, робот пробился к стене, погасил часть лазерных лучей, чтобы не повредить панели, а остальные собрал в сноп и бросил их вперед. Ошеломленное массированным огнем, зеленое вещество отступило на несколько метров. Этого было достаточно, чтобы Энквен, с невероятной силой рванув на себя люк, выскочил в коридор.

Икаров успел еще увидеть, как Энквен, захлопнув за собой люк, двинулся по центральному стволу, затем тяжелая дрема снова овладела капитаном.

Он очнулся, когда Энквен ввалился в штурманский отсек.

— Говори, — приказал капитан.

— В третьем отсеке выросло зеленое вещество. Я сделал его биологический анализ, — совершенно спокойно произнес Энквен. — Результат...

Робот начал сыпать числами и структурными формулами, но капитан оборвал его:

— Цифры потом доложишь. Меня интересуют твои логические выводы, Энквен.

— Зеленое вещество имеет мягкую кристаллическую структуру, — сказал Энквен.

— Что оно собой представляет?

— Конгломерат бактерий.

Капитан кивнул.

— Биогибберелин, — сказал он. — Ну, а у бактерий есть аналог?

— Вид бактерий в пределах Солнечной системы неизвестен, — ответил робот. — Они растут и размножаются, усваивая предметы, которые находились, в третьем отсеке, а также кислород.

— Гм... Усваивая, — повторил капитан.

— Они способны расщеплять на атомы вещество, — пояснил Энквен.

— Любое вещество?

— Нет. Стены отсека они осилить не смогли.

— До поры до времени...— пробормотал Икаров.— Но они и тебя пощадили?

— У меня иммунитет... Потому что я был облучен на Рутоне,— сказал Энквен.

Наскоро переговорив с Энквеном, капитан снова включил третий отсек. Замешательство, которое несколько минут назад посеял там робот, улеглось. Зеленая масса снова вырастала в размерах, зловеще переливалась от стенки к стенке. Если она проникнет в центральный ствол, «Пион» погибнет.

— У нас очень мало времени. Что ты предлагаешь, Энквен? — спросил капитан.

Тишину в штурманском отсеке нарушал лишь метроном. В эти секунды решалась судьба корабля.

Икаров и Энквен понимали, что изумрудное вещество, конгломерат не известных людям бактерий, могло бы принести землянам неисчислимые блага, если умело использовать его свойства. Но как сохранить его до возвращения на Землю?

— Обошьем третий отсек плитами дополнительной защиты,— предложил Энквен.

Капитан покачал головой.

— Корабль не может все время нести на борту бомбу, которая может взорваться в любую минуту,— сказал он.

Энквен подумал.

— Мы смонтируем лазерную пушку и нацелим ее на третий отсек,— нашел он выход.— Если зеленое вещество переступит границу, мы расстреляем его.

Капитан задумался.

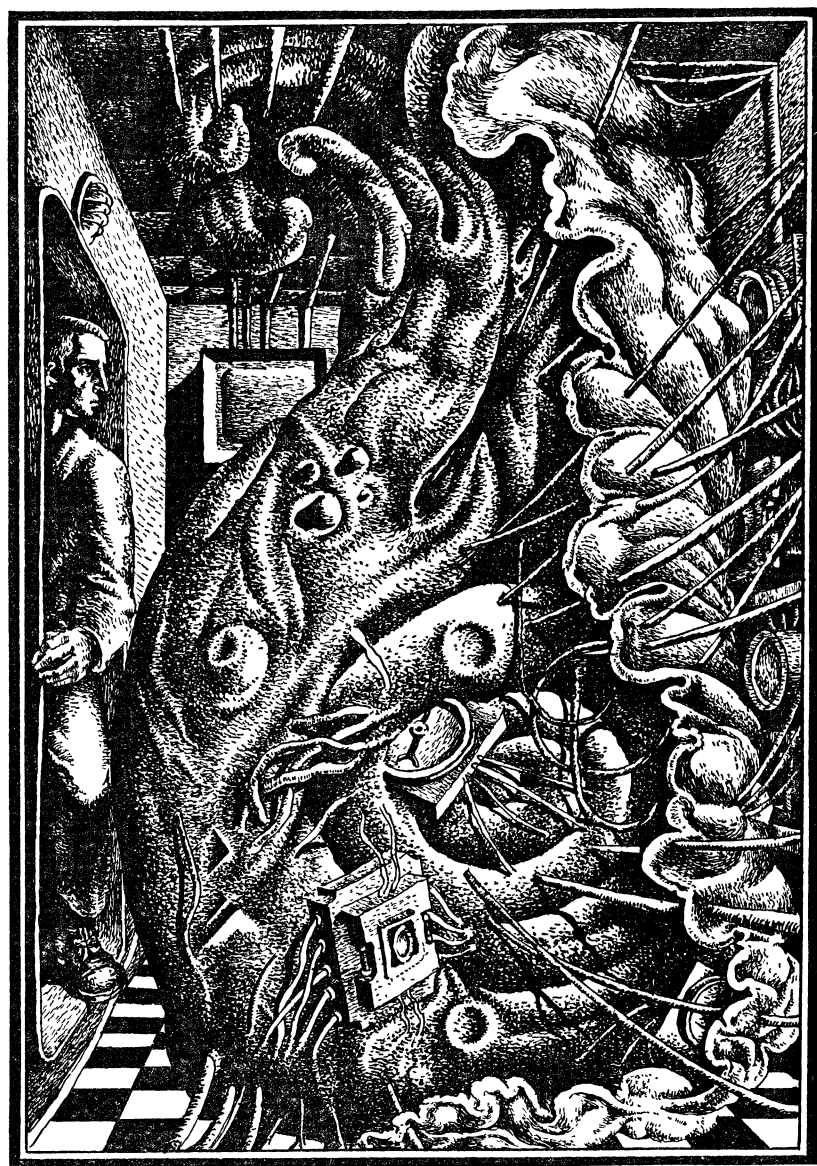
— Где гарантия, что при этом какая-то часть бактерий не проникнет в другие отсеки? — сказал он.— Тогда нам не справиться с зеленым чудовищем. Оно сожрет весь корабль.

— Посоветуемся с остальными,— предложил Энквен.

Икаров коротко рассказал, что произошло с белковыми роботами, вероятно, под действием излучения зеленой массы. Затем он включил экран внутреннего обзора — перед глазами быстро промелькнули все отсеки: белковые начали шевелиться, постепенно приходя в чувство, как с радостью убедился капитан.

— Излучение бактерий ослабло под действием лазерного огня,— пояснил Энквен.

Между тем зеленая масса в третьем отсеке приступила к новому маневру. Вся она начала вращаться вокруг невидимой оси, с каждой секундой ускоряя движение. Это действие имело свой смысл, разгаданный Икаровым: в результате вращения возникала центробежная сила, которая отбрасывала внеш-

ние слои бактерий к стенам астролaborатории. Отдельные зеленые языки начали лизать стены.

Какой коллективный разум руководил действиями зеленой массы?

— Посмотрим, что делается снаружи, — сказал капитан и включил экран внешнего обзора. Здесь Икарова и Энквена поджидала неожиданность: все зеленое вещество неизвестно каким образом стянулось в одно место, толстым слоем покрыв шар лабораторного отсека. Как будто бактерии, находившиеся на поверхности «Пиона», чуяли своих собратьев, томящихся в плену, и спешили к ним на помощь...

— Выходит, пробудив часть бактерий, мы вызвали к жизни и всех остальных, — сделал вывод Энквен. — Они все перемещаются, словно части единого организма...

— Отсек надо катапультировать, — сказал капитан. — Другого выхода нет.

Энквен хотел что-то возразить, но промолчал.

— Ступай к остальным белковым. Если нужно, введи им биостимулятор, — распорядился капитан.

Резко повернувшись, Энквен вышел, а Икаров подсел к калькулятору и погрузился в расчеты.

«Пион» был сконструирован так, что в случае необходимости мог избавиться от любой из своих секций, от любого сферического отсека. Но за время полета такой необходимости до сих пор не возникало.

Через некоторое время от белковых начали поступать сигналы готовности. Пора! Капитан нажал кнопку, приводящую в действие катапульту третьего отсека.

На обзорном экране было видно, как от стройного тела «Пиона» отделился шаровидный третий отсек. Медленно дрейфуя, он отплыл в сторону от корабля.

Тотчас стрелки на капитанском пульте успокоились, и сигнальные огоньки погасли. Икаров включил аварийную сирену — она молчала. Корабль приходил в норму.

— Сколько до третьего отсека, Энквен? — спросил капитан. Он мог определить расстояние и по приборам, но вполне полагался на глазомер робота.

— Пятнадцать километров, — сказал Энквен.

Пятнадцать километров! Для космоса — рукой подать. Отсек, который несет в себе смерть, плывет совсем рядом с кораблем. Очевидно, третий отсек при выбросе получил недостаточный импульс.

— Он дрейфует в нашу сторону! — воскликнул Энквен.

Капитан посмотрел на приборы — и не поверил своим гла-

зам: они показывали, что расстояние до отброшенного отсека неизменно.

Между тем шар на глазах увеличивался в размерах.

— Отсек разбухает! — догадался Икаров.

Теперь уже и невооруженным глазом было видно, что отсек с зеленой массой пухнет, словно на дрожжах. Еще через минуту он лопнул, не выдержав внутреннего давления. На месте третьего отсека вырос фантастический изумрудный цветок. Мерцали, извиваясь, зеленые лепестки, колыхался вытянувшийся стебель.

Красота таила смерть. Хищная колония микроорганизмов вырвалась из тюрьмы и бросила вызов астронавтам.

Цветок какой-то миг спокойно покачивался на длинном стебле, затем рывком потянулся к кораблю.

Капитан первым оторвал глаза от гипнотизирующего видения. Нагнувшись над пультом, он включил джюзы маневра. Из трех сопел, расположенных по ободу гигантской чаши-отражателя, хлынуло белое пламя.

На экране явственно было видно, как растет расстояние между кораблем и изумрудным цветком, который к этому времени превратился в зеленое облачко.

Капитан и роботы — весь экипаж, не отрываясь, смотрели на огромный выпуклый зрачок обзорного экрана. Облачко уменьшалось в размерах. Сначала оно превратилось в арбуз, затем в мерцающий кошачий глаз и, наконец, в зеленую точку, которая через минуту пропала в пространстве.

* * *

Прошло несколько дней после этого происшествия, прежде чем на «Пионе» был восстановлен порядок.

Когда у капитана выдалось наконец свободное время, он, как обычно, отправился в оранжерейный отсек и по пути заглянул в информарий. В этом отсеке по крупницам накапливалось то, ради чего корабль ушел в космос, — научная информация, необходимая землянам. Конечно, Черная звезда находилась еще далеко, и главная работа была впереди. Но уже на пути к Тритону информарий начал понемногу пополняться, хотя большинство ячеек памяти оставалось пустым.

Однако на этот раз Икарова интересовали не ячейки памяти. Пройдя вдоль стены, сплошь состоящей из запоминающих кристаллов, похожих на медовые соты, капитан подошел к установке, расположенной посередине отсека. Стальные растяжки поддерживали на весу небольшую вакуум-камеру. Именно

туда, повинувшись команде капитана, дежурный манипулятор поместил образчик изумрудного вещества.

Долго стоял Икаров, вглядываясь в зеленый неподвижный комок.

Исследовать его сейчас, или подождать возвращения на Землю? «Возвращение на Землю», — тихо произнес капитан, усмехнувшись. Кто скажет, когда оно будет? Дело даже не во времени, необходимом для полета. Вблизи Тритона тяготение столь велико, что как течет там время, пока совершенно не ясно.

Заниматься изумрудным веществом на борту «Пиона» опасно, решил капитан, покидая отсек. Ставить корабль под удар он не имеет права.

— Что ж, надо оставить что-нибудь и на долю земных физиков, — сказал Икаров.

Глава 2

ПЛЕН

*Иглы звездного убранства,
Звезд скрещенные мечи,
Неевклидова пространства
Искривленные лучи.*

Нос «Пиона» был нацелен на Черную звезду — провал в звездном небе. Корабль удачно миновал пояс астероидов, но дальше началось неожиданное. Несмотря на то что корабль шел по инерции при выключенных дюзях, скорость его начала стремительно возрастать. Это Тритон притягивал корабль. Его притяжение превосходило все расчеты.

«Пион» падал на Черную звезду. Падал в течение долгих месяцев. Капитан сначала приказал включить тормозящие дюзы, но вскоре пришел к выводу, что это бесполезно: мощность их была явно недостаточной, чтобы бороться с невыносимой гравитацией, а кроме того, нужно было беречь фотонное топливо для маневра.

Часы и дни капитан проводил у обзорного экрана, наблюдая за странной картиной. Пространство, окружающее «Пион», как бы искривлялось, звезды приобретали фиолетовый оттенок.

На «Пионе» ночи сменялись днями, в оранжерее стоял май, наливалась зелень, и каждое утро горн играл побудку. Однажды, вернувшись после короткого сна в головную рубку, капитан

увидел на экране то, чего ожидал уже несколько дней. Впереди по курсу корабля исчезли звезды, расположенные близ Тритона и еще вчера видимые отчетливо. Образовался как бы конус, черный конус пустоты, в вершине которого находился «Пион». Это означало, что скорость корабля, разгоняемого гравитационным полем Черной звезды, приближается к субсветовой.

В рубку вошел обеспокоенный Энквен.

— Капитан, мы можем врезаться в Тритон, если будем идти прежним курсом, — сказал он.

— Я думал над этим, — сказал Икаров и протянул роботу листок с расчетами. Энквен углубился в формулы.

— Главное — вовремя включить боковые дюзы, — произнес робот.

— Мы включим их через сутки, — сказал капитан, — и выйдем на орбиту вокруг Тритона.

— Еще одно, капитан.

— Говори.

— Меня беспокоит изумрудная плесень, капитан, — произнес Энквен.

— Изумрудная плесень? — удивился Икаров.

— Да. Я опасаюсь, что на «Пионе» остались бактерии, — сказал Икаров.

— Возьми всех, кто свободен от вахты, — приказал капитан. — Разбей их на группы. Нужно прочистить все отсеки корабля.

— Слушаю, — сказал Энквен и выскользнул из рубки.

О двухсторонней связи с Землей при субсветовых скоростях, конечно, и говорить не приходилось. Тем не менее капитан, повинаясь безотчетному чувству, не выключал гиперонный передатчик. И время от времени на далекую Землю уходила депеша. Много ли было шансов на то, что она достигнет адресата? Откровенно говоря, не очень. Силовые поля Вселенной могли искривить путь депеши, исказить ее, ослабить, погасить. И капитан это отлично понимал. Зачем же он периодически посылал в пространство депеши? Трудно сказать. Чтобы это объяснить, нужно сделать шаг в неисследованную еще область человеческой психологии. Человеку, испытывающему чувство одиночества, становится легче, когда он обращается к собеседнику. Пусть невидимому. Пускай даже нет уверенности, что собеседник услышит его...

Можно представить себе изумление капитана, когда на пульте вдруг вспыхнула зеленая панель приема. Кто мог прислать на корабль депешу?

Икаров нетерпеливо выхватил из узкой щели дешифратора

пластиковую ленту. Он пересчитывал ее снова и снова, не веря своим глазам:

««Пион» приближается к Черной звезде. Ускорение продолжает расти. Производим измерения гравитационного поля Тритона. Капитан Икаров».

Это была его собственная депеша, посланная вчера. Теперь, подобно бумерангу, она возвратилась обратно, на борт «Пиона».

Сутки, по истечении которых капитан наметил включение боковых дюз маневра, были на исходе.

Черное пятно на обзорном экране с каждой секундой угрожающе расплывалось, подобно огромной жирной кляксе: корабль продолжал падать на Тритон.

— Капитан, мы врежемся в Черную звезду,— сказал Энквен.

Икаров промолчал, только скулы резко обозначились.

— Капитан, курс корабля...

— Вижу.

— Скорость «Пиона»...

— Знаю, Энквен.

Они стояли перед пультом — капитан и помощник, человек и робот, без остатка поглощенные тем, о чем безмолвно рассказывали приборы. Черный провал занял почти весь обзорный экран.

— Ошибиться мы не имеем права, Энквен,— сказал капитан.— Ошибка означает смерть.

— Капитан, включи боковые дюзы,— настойчиво произнес робот. Корабль продолжал свободно падать, и инстинкт самосохранения Энквена, заложенный биологами Зеленого городка, восставал против этого. Но в то же время робот безгранично верил капитану.

Икаров бросил взгляд на хронометр, сверился с приборами.

— Еще десять минут падения, Энквен,— сказал он.

Последние минуты тянулись бесконечно.

— Я сделал одно наблюдение, капитан,— сказал Энквен.

— Какое же? — посмотрел на робота Икаров.

— В свободном падении мысль работает четче, чем обычно.

— Ты это сейчас заметил?

Робот покачал головой.

— Не сейчас. Давно. Когда выпрыгнул из окна твоей комнаты на сороковом этаже,— сказал он.— До того, как удариться об асфальт, я успел решить навигационную задачу, которую дал мне Ливен Брок. Накануне я безуспешно бился над ней три дня.

Икаров посмотрел на Энквена.

— А в падении ты решил эту задачу за несколько секунд? — спросил он.

— Время для робота течет иначе, чем для человека, — ответил Энквен.

Они помолчали, глядя на обзорный экран и думая каждый о своем.

— Тебе не кажется, капитан, что память может жить своей жизнью? — нарушил тишину Энквен.

Икаров кивнул, машинально пощупав в кармане биопередатчик Вана. В который раз уже робот угадывает мысли капитана. Биосвязь? Передатчик перед стартом «Пиона» удалось усовершенствовать: для передачи мыслеграммы его не обязательно было прижимать к виску. Широкие опыты, связанные с биопередатчиком, проводились, рассказывал Ван, на Марсе... А может быть, в улучшении качества биосвязи повинны условия Черной звезды?!

— Что тебе больше всего запомнилось из детства? — спросил Икаров.

— Детства?

— Я имею в виду из начального периода твоего существования, — уточнил капитан.

Робот не удивился вопросу, хотя оборот «больше всего запомнилось» должен был бы вызвать заминку: разве не все одинаково запоминал мозг, выращенный в башне безмолвия?

— Больше всего я запомнил свой первый выход из помещения в открытое пространство... — медленно произнес робот. — Был жаркий полдень... светило солнце... Я встретил двух людей, мужчину и женщину.... И еще живого мотылька, которого я принял за кибернетический механизм...

В распоряжении Икарова были надежные машины и хороший экипаж, но последнее слово оставалось за капитаном. Решение принимал он.

Счет пошел на мгновения. В какое из них включить боковые дюзы?

Если сделать это слишком рано, корабль выйдет на орбиту, сильно удаленную от Тритона, и изучать гравитационное поле Черной звезды будет невозможно. А ведь это главная цель их полета.

Если опоздать с включением дюз, фотонное топливо выгорит впустую, не сумев победить большой инерции, и корабль врежется в Тритон...

«Пион» напоминал щепку, захваченную бешено мчащим-

ся потоком. Расчеты расчетами, но приходилось полагаться и на интуицию. В ней Икарову нельзя было отказать. Еще раз все соизмерив, капитан включил боковые дюзы. Тут же вскочил в манипулятор. В глазах потемнело от нарастающей перегрузки. Даже сюда, в рубку, проникал грохот боковых двигателей.

Икаров перевел взгляд с экрана на шкалу топлива. Красная точка на ней быстро скользила к нулю. Топливо маневра, рассчитанное на кратковременную работу, кончалось. Минута... полминуты... десять секунд... все!

Манипулятор, в котором пребывал Икаров, превратился в нежнейшую перину. Кровь прихлынула к голове, и капитан вытер обильно проступивший пот. Боковые дюзы сделали свое дело, и снова на «Пионе» воцарилась невесомость. Черный провал на экране дрогнул и медленно пополз в сторону.

— Корабль вышел на орбиту спутника Тритона, — сообщил капитан экипажу.

Теперь у Икарова появилось время поразмыслить над происшедшим. Больше всего капитана беспокоило возвращение на борт «Пиона» сигнала, посланного на Землю. Возврат депеши послужил предметом обсуждения всего экипажа.

— Случайное отражение от экранирующего поля, — высказал предположение Кельзав, штурман корабля.

— Экранирующих полей здесь нет, — возразил Энквен.

— Делепеша вернулась не случайно, — сказал Икаров. — Виновата гравитация Тритона. Это она возвратила сигнал, не дав ему вырваться в открытое пространство.

— Не может быть, чтобы притяжение удержало сигнал, — не согласился Кельзав.

Логическое мышление штурмана, весь его предыдущий опыт восставали против подобной диковины.

Икаров посмотрел на помощника.

— Твое мнение, Энквен? — спросил он.

Робот колебался.

— Говори, — велел капитан.

— Считаю нужным твои слова проверить на опыте, капитан, — сказал Энквен.

— Разумное предложение, — согласился капитан. Экипаж поддержал его.

Несколько белковых по приказу капитана скрупулезно проверили всю передающую и приемочную аппаратуру. Ревизии подвергался каждый блок, каждая емкость, каждое сопротивление. Что-то, а проверить механизм, отладить устройство, пусть самое сложное, — это белковые умели.

Тем временем Энквен вышел наружу, чтобы проверить систему антенн. Капитан следил за его действиями и руководил ими. Робот осторожно перемещался от антенны к антенне. Осторожность была вызвана тем, что поверхность корабельной обшивки казалась изогнутой — следствие искривления пространства, вызванного неумеренной гравитацией Черной звезды.

«Сбылось то, о чем ты грезил, Лобачевский, — подумал капитан Икаров. — То, о чем ты грезил в долгие беспросветные ночи, не понятый и осмеянный современниками. Ты верил в свои идеи и не согнулся, не сломился до самой смерти. Слепой, угасающий старик, ворочающийся без сна на постели, ты видел в мечтах корабль землян, пронзающий просторы космоса. Мы приняли твою эстафету, Николай Лобачевский. «Пион» не уронит ее».

Следы Энквена на обшивке слабо светились. Небо было абсолютно черным, но к этому и капитан, и экипаж уже успели привыкнуть: как только «Пион» стал спутником Черной звезды, звезды исчезли с неба, будто стертые гигантской губкой. Черная клякса, расплывшись, заняла весь экран обзора.

Кончив работу, Энквен выпрямился и замер.

— Как антенны? — мысленно спросил Икаров по биопередатчику, который в новых условиях стал работать так хорошо, как никогда до этого.

— В порядке, капитан, — ответил робот.

— Возвращайся в отсек, — велел Икаров и сел к приемопередающему устройству. Сейчас все прояснится... Он набросал текст передачи и послал депешу в эфир. Через короткое время замигал глазок приемника: волны, отраженные невидимой преградой, возвратились к своему источнику.

— Капитан, у нас есть еще направленный передатчик, — напомнил вошедший в рубку Энквен.

— Пустое, — бросил Икаров, но тем не менее включил направленный передатчик и принялся бросать депешу, закодированную в узком, как нить, кинжальном луче, в разных направлениях. И каждый раз посылаемая в пространство депеша с неумолимостью возвращалась обратно...

«Пион» был замкнут в тюрьму, из которой даже луч не мог вырваться.

Кельзав, наблюдающий за курсом корабля, обнаружил странное явление. От источника, расположенного на капитанской рубке, отделился луч, тонкий, как струна. Но струна тут же изогнулась, образовав гигантский круг: луч вернулся в точ-

ку, из которой появился. Затем круги завертелись, меняя положение, но каждый раз луч возвращался обратно.

Штурман тщательно зафиксировал на пленку удивительное явление. «Когда сменюсь с вахты, покажу микрофильм капитану», — решил он.

Свыкнуться с новым положением было нелегко. Стены отсеков, пол, плоскости приборов — все странно изогнулось, если верить глазам, и оставалось по-прежнему ровным, неискривленным, если верить показаниям тех же приборов.

Искривленное пространство выкидывало с кораблем и его экипажем все новые штуки.

Однажды утром, войдя в головную рубку, Энквен застал капитана за странным занятием. Икаров зачем-то ощупывал панель, на которой были смонтированы навигационные приборы «Пиона». Он прикладывал к изогнутой на вид панели линейку, столь же изогнутую, натянутую нитку, отходил на шаг от пульта и подходил к нему снова.

— Доброе утро, капитан, — произнес робот.

Икаров посмотрел на помощника, словно видел его впервые.

— Так я и знал, это ты виноват, — пробормотал Икаров, не сводя взгляд с Энквена.

Энквен выдержал взгляд.

— Что случилось, капитан? — спросил он.

— Как стоишь? Как держишься? — закричал Икаров.

Робот повел плечом.

— Не сутулься, Энквен, — попросил капитан.

— Я стою прямо, — ответил робот.

— Ты изогнулся, словно циркуль! А с тебя берут пример другие члены экипажа, — сказал капитан. — Смотри!

Он включил внутренний обзор корабля, и на экране замелькали отсеки, в которых находились странно изогнутые, искривленные фигуры роботов.

— Это ты виноват! — сказал Икаров. — Когда в Зеленом горадке у тебя нарушилась координация движений, все роботы из группы «Пиона» захромали. Здесь история повторяется. Проклятая биосвязь! — заключил капитан.

— Биосвязь ни при чем...

— Выйдет экипаж из строя — кто поведет «Пион» к Земле? — перебил капитан. — Кто будет заниматься исследованием Черной звезды?

Вместо ответа Энквен взял капитана за руку и подвел к серебристому плоскому овалу, вмонтированному в стену отсека и играющему роль зеркала.

— Да, Энквен... И я... И я тоже...— пробормотал Икаров, оглядывая свою чуть не вдвое сложенную фигуру.

Робот молчал. Капитан обвел рубку долгим взглядом, будто попал сюда впервые. Ему почудилось, что по искривленным плоскостям стен и приборов пробегают волны. Словно по реке, когда повеет ветер...

Икаров потер лоб. Может быть, он болен? Может, все тут на «Пионе» заболело, утратив правильность восприятия реального?

— Ты здоров, капитан,— сказал Энквен, угадывая мысли капитана.

Оттолкнувшись от зеркала, капитан рассчитанным прыжком перелетел к пульту.

— Обшивка корабля продолжает светиться, капитан,— сказал Энквен.

— Усиьте защиту от излучения,— сказал Икаров,— чтобы вспышка активности Черной звезды не застала «Пион» врасплох.

— Если бы мы могли предсказывать такие вспышки, капитан...— произнес Энквен.

— Мы еще не изучили Тритон,— сказал капитан.— Зато у нас есть «живой барометр», который предсказывает за несколько дней вспышку радиации.

Робот кивнул.

— Займись защитой «Пиона»,— велел Икаров.

Проводив взглядом изломанную фигуру робота, капитан задумался. Чтобы немного рассеяться, он решил совершить обход всех отсеков корабля и начать с оранжерейного.

В оранжерейном отсеке стояло раннее утро. Солнца не было видно: оно скрывалось за тучей. Моросил дождик. Как только капитан захлопнул за собой люк, ветер швырнул ему в лицо пригоршню холодных брызг. Федор улыбнулся — впервые за эти дни — и плотнее запахнул плащ. Таких дней в мае запрограммировано немного. Значит, ему повезло!

Ненастные дни Федор любил больше всего, и друзья на Земле подшучивали над этой его странностью.

Капитан привык к обуви с магнитными присосками, и почти не замечал невесомости. Он шел не спеша, слегка подавшись вперед, часто останавливался, обращая внимание и на изогнутый пол, и на изломанные деревья. Подошел, как всегда, к заветной березе. Веточка, некогда посаженная Лин, еще в те времена, когда «Пион» собирался на Лунных стапелях, превратилась теперь в рослое, стройное дерево.

Обхватив рукой березу, капитан окинул взглядом отсек, в котором были собраны многие растения Земли и других планет Солнечной системы. «Нужно приходить сюда каждый день,— решил Икаров.— Очень важно наблюдать, как будет вести себя флора оранжерейного отсека в новых условиях, при чудовищной гравитации Черной звезды, искривляющей пространство». Особый интерес Икарова и всего экипажа вызывали посадки рутонианского мха.

Капитан сделал несколько шагов по мокрой траве. Остановился, сорвал стебелек эрцеллы. Можно было, конечно, поручить кому-либо из членов экипажа наблюдать за оранжереей. Но капитана неудержимо влекла сюда сила, имя которой — воспоминания...

Икаров оглянулся, чтобы бросить еще один взгляд на березу Лин. В верхней части дерева он заметил усохшую ветку, она выделялась среди других ветвей, покрытых молодыми клейкими листочками. Федор решил сшибить ветку. Пошарив в кармане в поисках чего-либо подходящего, он обнаружил там парочку аккумуляторов, которые служили для дозарядки ядерного сердца роботов. Капитан вытащил из комбинезона массивный шар — аккумулятор, который на Земле весил бы добрый килограмм. Здесь же он был легче пушинки. Капитан размахнулся и швырнул в сухую ветку свой метательный снаряд. Но что это? Икаров в изумлении протер глаза: вместо того чтобы лететь по прямой, как положено в условиях невесомости, аккумулятор завертелся по кругу, в центре которого оказался ствол березы. Догадавшись, в чем дело, капитан, чтобы проверить свои предположения, швырнул в сторону березы второй аккумулятор — тот же результат: теперь вокруг ствола дерева вращались два шара, словно две маленькие планеты.

— Мир кривых линий... — тихо сказал капитан. На «Пионе» у него выработалась привычка размышлять вслух.

Ясно, что в этом мире, где царствует гигантское тяготение, геодезические линии, линии кратчайшего расстояния между двумя точками, являются не прямыми, а окружностями. Потому-то брошенный предмет летит не по прямой, а по окружности. Потому здесь луч не уходит в бесконечность, а замыкается опять-таки в окружность.

Любые сигналы, любые лучи, любые частицы не могут вырваться из сферы притяжения Черной звезды. Потому волны, несущие депешу, не могут вырваться в открытое пространство и возвращаются обратно. «Пион» попал в мир, замкнутый в себе, мир — черный провал Вселенной.

Шло время. Капитан и экипаж постепенно обживались в новых условиях. Им не казался уже таким непривычным мир, в который они попали.

В оранжерейном отсеке наступило лето.

По замыслу инженеров Лунных стапелей, «Пион» представлял собой как бы частичку Земли со всеми ее свойствами, в каком-то смысле миниатюрную ее модель.

Подобная задача во весь рост встала перед конструкторами космических кораблей, когда звездолеты землян начали уходить все дальше в пространство.

Полет, длящийся месяцы и годы, немыслим без создания на корабле замкнутой экологической системы, которая и означает полную автономность корабля.

Если взять даже короткий полет, равный суткам, то окажется, что на это время человеку необходим огромный баллон кислорода, равный шестистам пятидесяти литрам. За это же время человек при дыхании выделит баллон углекислого газа с объемом примерно пятьсот пятьдесят литров.

С самого начала инженерная мысль пошла по пути регенерации воздуха в космическом корабле. Отыскивались способы удаления из воздуха углекислоты, которая образуется в нем при дыхании человека, и восполнения расходуемого кислорода.

Поначалу с этой целью использовались химически активные вещества, которые могут поглощать углекислый газ и выделять кислород.

Но этот путь быстро завел конструкторов в тупик. Быстро росла продолжительность космических полетов, а также количество членов экипажа на корабле. Соответственно росли и запасы химически активных веществ, которые необходимо было брать в полет. В дальнейшем подъемная сила ракет не могла бы справиться с припасами, которые нужно было погрузить на корабль.

Необходимо было найти выход из тупика. Впрочем, за много лет до первых космических полетов общие идеи в этом направлении гениально наметил Константин Эдуардович Циолковский. Пионер космонавтики предложил превратить звездолет в замкнутый небольшой мир, в котором вещества совершали бы круговорот, подобный тому, который происходит на Земле, в естественных условиях. Циолковский рассуждал так. Люди выделяют углекислоту, поглощают кислород, питаются плодами. Растения поглощают углекислоту, выделяют кислород, дают плоды. Система «люди — растения» образует замкнутую экологическую систему.

Но от идей до реального их воплощения было еще далеко. Интересно отметить, что Циолковский, не ограничившись общими идеями, произвел конкретные подсчеты, впоследствии пригодившиеся инженерам и конструкторам звездных кораблей. Какого размера должен быть оранжерейный отсек корабля? Циолковский исходил из того, что в земных условиях площадка в один квадратный метр получает примерно 43,2 килокалории от Солнца за время, равное суткам. Предположим, наша площадка в один квадратный метр покрыта растительностью. Какую часть солнечной энергии сможет использовать растительность? Небольшую, отвечают биохимики: примерно одну двадцатую. Это составит 2160 малых калорий в сутки.

Не будем приводить здесь сложных и объемистых расчетов Циолковского. Достаточно сослаться на его вывод: для одного человека, путешествующего на космическом корабле, достаточно примерно одного квадратного метра оранжереи, если на него падает свет, по силе равный солнечному. Вывод этот, конечно, чисто теоретический. На практике размер оранжереи должен быть гораздо большим.

Задумывался Циолковский и о другом. На Земле растения живут в условиях гравитации. Все на нашей планете (как и на других) подвержено всепроникающей силе тяготения. Другое дело — длительный космический полет. Как будут вести себя земные организмы в условиях невесомости? По мнению Циолковского, отсутствие гравитации — великое благо. Например, в земных условиях плодоносящие растения вынуждены иметь толстые стволы и ветки, но даже прочные ветки нередко ломаются в урожайный год, не выдерживая тяжести плодов. А ведь толстые ветки в принципе представляют собой ненужный для растения балласт. Ничего этого в условиях невесомости, по мнению Циолковского, растению не понадобится, и все соки его пойдут на главное — плоды.

Размышлял Циолковский о том, куда может расти растение в случае невесомости. При наличии силы тяжести вопрос ясен — растение тянется вверх, прочь от земли, притягивающей его. Но в условиях невесомости понятия «вверх» и «вниз» теряют смысл. По мнению Циолковского, в этом случае растение может расти в любом направлении, потому что все направления в условиях невесомости равноправны, избранных направлений нет.

Наступила эра космических полетов — и идеи «космического запевалы», как называл сам себя Циолковский, подверглись экспериментальной проверке.

Однако в условиях Черной звезды никто из землян еще не бывал, «Пион» пришел сюда первым. Поэтому важно было выяснить, как поведут себя растения при чудовищной гравитации. Выяснить это тоже входило в задачу Икарова и его экипажа.

Вернемся, однако, к идее корабля как замкнутой экологической системе. В старых звездных кораблях для регенерации воды и воздуха применялись не биологические, а физико-химические методы. Но эти методы требуют громоздкой аппаратуры, которая к тому же капризна.

Что говорить, растения, которые космонавты стали брать на борт корабля для регенерации воздуха, были куда более надежны, чем механико-химические агрегаты.

Но и растения — восстановители атмосферы в космическом корабле — заняли свое место в курсе истории космоплавания, который преподается в Звездной академии. Со временем люди научились строить ядерные восстановители воздуха и воды, и надобность в помощи растений отпала. Еще один виток спирали на бесконечном пути эволюции — и люди снова вернулись к механическим восстановителям, но на новом, ядерном уровне.

Однако конструкторы не отказались от оранжерейных отсеков в космических кораблях: даже улетая к далеким звездам, греясь в лучах чужих солнц, люди хотели ощущать на корабле хотя бы частичку родной Земли.

Вернувшись из оранжерейного отсека, капитан долго не мог уснуть, хотя на завтра он наметил важную работу, и следовало хорошо отдохнуть.

Вспоминания о Земле заставляли его беспокойно ворочаться в постели. Уснул Икаров далеко за полночь, а проснулся задолго до утреннего горна. Сегодня предстояло приступить к основной задаче, ради которой «Пион» летел к Черной звезде, — исследованию гравитационных волн, порождаемых Тритоном. Уже несколько дней Икаров обдумывал идею прибора для изучения этих волн.

...Человек живет в мире колебаний. Колеблется все: от морских волн до атомов, образующих все многообразие материального мира, окружающего нас. Волны день и ночь пробегают по земной поверхности. Звук — колебания воздуха. А свет? Это ведь тоже колебания, только электромагнитные.

Человек изучил все виды колебаний, которые существуют в природе, все, кроме одного, быть может самого важного вида: гравитационного.

Если камень бросить в воду, от него разбегутся круги. Точно так же любое тело, движущееся с ускорением в пространстве, порождает гравитационные волны... Физики об этом догадывались давно, со времен Альберта Эйнштейна, но экспериментальные подтверждения теории не получались. Слишком слабы были гравитационные волны в условиях Земли, уловить их было так же трудно, как услышать шепот во время самой яростной грозы.

Но то, что было шепотом на Земле, должно было превратиться в громкую речь здесь, в окрестностях Черной звезды.

Вместе с ударом утреннего гонга в отсек вошел Энквен. Он застал капитана, как всегда, одетым и подтянутым. Икаров рассказал своему помощнику о приборе, который он придумал для улавливания гравитационных волн, которые должна излучать Черная звезда.

Энквен выслушал капитана.

— Ничего не выйдет, — покачал головой робот, когда Икаров закончил описание прибора.

— Прибор неправильно задуман? — спросил капитан.

— Прибор задуман правильно, капитан, — ответил Энквен. — Но разве ты забыл, что Тритон ничего не излучает? Сила тяготения его такова, что ни одна частица, ни один квант света не могут вырваться от него на волю. Тритон не отпускает от себя ничего. На что же ты рассчитываешь?

— Старые представления, созданные на Земле, придется пересматривать, — сказал капитан.

— Ливен Брок считал, что кубический сантиметр вещества Черной звезды должен весить несколько миллиардов тонн.

— Ливен Брок прав, — сказал капитан. — Я вчера подсчитал плотность Тритона: четыре миллиарда тонн на кубический сантиметр.

Энквен быстро что-то прикинул в уме и заметил:

— Такая плотность получится, если нашу Землю сжать до размеров башни безмолвия. Но вернемся к прибору, который ты придумал, капитан.

— Понимаешь, Энквен, я все время копался в информации, которую мы тут успели собрать, и пришел к выводу, что Черная звезда имеет не одну сферу Шварцшильда, а две, — сказал капитан. — Одна вложена в другую.

Энквен повернул к капитану широкое лицо.

— Физики Земли не предвидели такую возможность, — сказал он. — Но я допускаю ее. Что же отсюда следует?

— Две сферы помогут нам разгадать гравитацию, — в голосе капитана послышались нотки торжества.

— Не понимаю.

Икаров положил руку на плечо Энквена.

— Внутренняя сфера — это тот самый «объем смерти», из которого не может вырваться на волю ни одна частица, — пояснил капитан. — Но поверх этой оболочки, по моим расчетам, пролегает еще одна сфера. Я назвал ее эргосферой...

— Сфера Икарова, — вставил Энквен.

— Так вот, я думаю, что именно в пространстве между двумя сферами и рождаются гравитационные волны...

Энквен оживился.

— Этим можно объяснить странное свечение оболочки корабля, — сказал он.

— Пожалуй, — согласился капитан.

— Капитан, можно строить твою ловушку для гравитационных волн! — воскликнул Энквен.

Икаров подошел к стеллажу и, перебрав несколько предметов, протянул Энквену небольшую установку, главную часть которой составлял цилиндр.

— Это модель ловушки для волн, о которой я тебе рассказывал, — произнес капитан.

Робот внимательно осмотрел модель, осторожно вертя ее в мочучих руках. Теперь предстояло построить прибор, который уловил бы тяжелое дыхание Тритона.

Энквен провел пальцем по цилиндру.

— Антенна?

— Антенна, — подтвердил Икаров.

— Из чего мы ее сделаем?

— Об этом я хотел посоветоваться с тобой, — сказал капитан.

Энквен вернул Икарову модель.

— Лучшее всего из алюминия, — сказал робот, немного подумав.

— Согласен, — кивнул Икаров.

— Придется расплавить часть стеллажей и стоек, — деловито предложил Энквен.

— Возьми себе помощника и действуй, — сказал капитан.

Оставшись один, Икаров присел к столу. Раскрыл заветную папку. Долго рассматривал фотографии Лин, Ливена Брока, друзей. Здесь же капитан хранил и «досье» на гравитацию в самых различных ее проявлениях. Тут были и результаты научных экспериментов, и отрывки из древних исторических хроник, и собственные соображения, связанные с природой тяготения. Папка пополнялась все время: и на Земле, и в полете.

Когда могут возникнуть наиболее интенсивные гравитационные волны? Очевидно, при космической катастрофе — вспышке сверхновой звезды, когда в пространство выплескивается колоссальная энергия. Подобные вспышки — яркие точки на звездном небе — люди наблюдали еще в глубокой древности. Не могли не наблюдать! И потому сведения о таких вспышках необходимо искать в старинных летописях. Икаров перерыл крупнейшие книгохранилища и библиотеки мира. Много помог ему Ливен Брок, в чьей библиотеке нашелся ряд материалов, связанных с наблюдениями астрономов древности.

Икаров вынул из папки узкий листок, исписанный четким почерком Ливена Брока:

«В первый год периода Чи-Хо, в пятую луну, появилась звезда — гостья к юго-востоку от звезды Тиен-Куан. Она была видна днем, и цвет ее был красновато-белый».

Автором этого свидетельства был летописец Мин Туань-линь, дата записи — 4 июля 1054 года. Именно в этот день и год отсвет далекой катастрофы, пропутешествовав бог знает сколько лет, достиг Земли.

Ливен Брок сделал для своего молодого друга множество выписок из арабских, японских, китайских хроник. Все они свидетельствовали: да, время от времени в земном небе появляются новые звезды. Живут они недолго, но зато настолько ярки, что светятся даже днем.

Из тех же древних свидетельств можно было сделать вывод: вспыхивают такие звезды чрезвычайно редко — с интервалом в десятки, а то и в сотни лет.

Пока звезда светится, она должна излучать не только свет и тепло, но и гравитационные волны.

Тритон был звездой умершей — звездой, которая перестала излучать. Однако Икаров, вдумываясь в результаты предварительных опытов, проведенных в непосредственной близости от Черной звезды, все более убеждался в мысли, что это не совсем так. Тритон излучает гравитационные волны, и нужен только достаточно чуткий прибор, чтобы уловить их.

— Алюминий готов, капитан, — доложил Энквен по биосвязи, — голос робота явственно прозвучал в мозгу Икарова.

По сделанным капитаном чертежам роботы приступили к выполнению прибора. Из алюминия выплавляли сплошной цилиндр — антенну. На ажурный каркас, окружающий антенну, прикрепили датчики, которые должны были улавливать и фиксировать волны гравитации. Вскоре прибор был собран, но

оставалось решить еще две проблемы, связанные с чрезвычайной малостью гравитационных волн. Волны были так слабы, что, во-первых, с ними конкурировали колебания атомов самой антенны; во-вторых, прибору могли передаваться колебания и дрожь корабля. И первое и второе исказило бы показания датчиков.

Выход, и весьма остроумный, нашел Икаров. Он решил, что уловитель волн следует охладить до сверхнизких температур. Тем самым будут решены обе проблемы. Тепловые колебания атомов прибора будут сведены к минимуму. А сам прибор можно будет подвесить в магнитном поле. Опыт такого рода у экипажа «Пиона» имеется: ведь именно так подвешиваются в специальных хранилищах блоки антивещества — топлива для фотонных дюз звездолета.

Перед решающим опытом капитан отправился в оранжерейный отсек. Здесь стоял полдень, солнце пригревало совсем полетному. Береза Лин приветствовала его свежей зеленью. Икаров подобрал два аккумулятора, которые давно уже прекратили свой бег по окружности и теперь неподвижно висели в воздухе. На земных деревьях и кустарниках условия Черной звезды пока что не очень сказывались, если, разумеется, не считать того, что глазу они представлялись до невозможности искривленными, изломанными. Зато на эрцеллу гравитация Тритона подействовала необычайно. Стебли ее стремительно пошли в рост. Из мелкой, невзрачной травки, какой она была на Земле, Луне и Марсе, эрцелла превратилась в камышоподобное, чуть ли не в два метра высотой, растение. Правда, высота ее скрадывалась кажущимися изломами.

Рост и основные данные эрцеллы, как и прочих растений, фиксировали приборы. Капитан и члены экипажа время от времени проверяли их показания.

Пройдясь по оранжерейному отсеку, Икаров вернулся к березе. В отсеке цвели цветы, наполняя огромное помещение ароматом, и капитан с наслаждением вдохнул запахи далекой Земли.

Как знать, быть может, гравитация Черной звезды влияет на круговорот веществ на «Пионе»? Пораженный этой мыслью, капитан задумался.

В земных условиях главным инициатором круговорота веществ являются живые организмы.

Эволюция создала на Земле колоссальное многообразие органических форм.

Икаров вспомнил слова Ливена Брока о том, что жизнь на Земле была бы невозможна без непрерывного круговорота ве-

ществ. Одна группа организмов как бы «дополняет» другую, и каждая из них занимает различные экологические ниши.

Что нужно для круговорота веществ? Для этого необходимы две группы организмов. Одна группа — это фотосинтезирующие организмы; сюда относятся зеленые растения, а также пурпурные бактерии. Эту группу называют автотрофами (самопитающиеся). Автотрофы черпают из «мертвой природы» неорганические соли, воду и углекислоту, осуществляя процесс биосинтеза с помощью лучистой энергии Солнца. К автотрофным организмам ученые Земли отнесли и бактерии, которые были обнаружены на культуре мха, привезенного Икаровым с Рутона.

Другая группа — те организмы, которые не способны синтезировать органические вещества из простых соединений. Поэтому они вынуждены питаться органическими веществами автотрофных организмов. Ко второй группе относятся человек, все животные, а также грибы и подавляющее большинство бактерий.

Полный круговорот веществ может происходить только при совместной деятельности всех групп. Не обязательно, однако, такой круговорот рассматривать «в глобальном масштабе», в рамках всей Земли. Можно себе представить и небольшой замкнутый мирок, в котором происходит такой круговорот. Пример такой искусственной системы — любой космический корабль дальнего следования. Икаров подумал: как может повлиять гравитация Тритона на привычный круговорот веществ на корабле?

Поначалу мастер едва ли представляет свой будущий шедевр. То неистово, то истово бросает он на полотно мазок за мазком, отходит в угол, придирчиво оглядывая сделанное, потом вдруг хватается кисть... И все начинает сызнova. Постепенно на полотне проступает то, что мастер видел лишь в мечтах, — именно то лицо, тот жест, те глаза и те руки... И вдруг убеждается мастер, что картина готова. Но не скоро еще он вынесет свое детище на суд людей, для которых творил долгие годы. Такова была новая теория гравитации, над которой бился капитан.

Идея прибора, придуманного Икаровым, была проста до чрезвычайности. Алюминиевая антенна направлялась в сердце Черной звезды. Если звезда излучала гравитационные волны, то антенна должна была зафиксировать их по тому же принципу, по которому обычная антенна улавливает радиоволны. Только в отличие от радиоволн волны тяготения были исчезающе малы.

Задав направление антенне, капитан и Энквен уселись ждать. Собственно, уселся только капитан, он переместился к креслу и пристегнулся ремнями. Робот же повис в воздухе в нелепой для стороннего взгляда позе. Как поразился бы Ливен Брок, увидев мнимо изломанные конечности и нелепо искривленное туловище своего воспитанника! Что касается капитана, то он уже начал привыкать к причудам пространства, смятого, скомканного тяготением Черной звезды.

Они могли бы и уйти: показания датчиков записывались автоматически. Но уж слишком хотелось им дождаться результата. Поколения физиков Земли бились над тем, чтобы уловить гравитационные волны. Неужели сейчас, в эту самую минуту, мечта их сбудется?

Робот застыл в невесомости. Похоже, он собрался ждать результатов сколько угодно, хоть сутки, хоть год. Капитан удобнее устроился в кресле. В упорстве он мог бы поспорить с Энквеном.

Шли минуты — датчики молчали.

— Капитан, я думаю о круговороте жизни на Земле, — неожиданно произнес Энквен. — И пришел к выводу, что ничего нет сильнее жизни. Ливен Брок говорил мне, что за долгие миллионы лет существования жизни на Земле общий вес всего живого намного превосходит вес земного шара.

— Кроме биологического круговорота веществ в природе существует еще геологический круговорот веществ, — заметил капитан.

— Поясни, капитан, — попросил робот.

— Основа жизни на Земле — углерод, — сказал Икаров. — Встречается он и в неживой природе, чаще всего в горных породах...

— В виде мрамора, известняков и карбонатов, — дополнил Энквен.

Федор кивнул.

— В течение веков горные породы разрушаются под воздействием дождей, бурь и солнечных лучей, — продолжал он. — Углерод освобождается и затем начинает принимать участие в круговороте жизни. Но не только неживая природа питает живую. Может происходить и обратный процесс. Например, растения, умирая, не обязательно передают углерод, содержащийся в них, «по наследству». Если растения попадают под воду, то без доступа воздуха они не разлагаются, а в течение долгого времени могут превратиться в уголь или торф. Таким путем углерод, который содержался в этих растениях, на многие века оказывается исключенным из кругово-

рота жизни. Кто может снова вернуть этот углерод в сферу обращения жизни?

— Деятельность человека, который добывает и сжигает уголь и торф, освобождая углерод,— сказал Энквен.

— Или естественное явление, например извержение вулкана,— добавил капитан.— Такая же история может происходить и с другими элементами, необходимыми для жизни: кальцием, магнием, калием, фосфором. Между прочим, круговорот веществ на космических кораблях, например на «Пионе», представляет собой модель...

Капитан не договорил: Энквен издал возглас. Робот быстро переместился к экрану. Вслед за ним, клацая магнитными присосками, к пульта подбежал капитан. На экране ясно было видно, как линия интенсивности дала всплеск.

— Гравитационные волны...— прошептал Икаров.

Энквен молчал, но по его глазам, по всему облику было видно, что он фиксирует в памяти все, происходящее в эту историческую минуту, лучше любого прибора.

Охлажденная до сверхнизких температур антенна, подвешенная в магнитном поле, зарегистрировала таинственные гравитационные волны, излучаемые Черной звездой.

Теперь оставалось накапливать данные, сопоставлять, сортировать, наносить на полотно мазки до тех пор, пока из хаоса штрихов проступит цельная картина...

Капитан сживался с условиями искривленного пространства. Белковым было легче. Они быстрее, чем человек, приспособлялись к любой среде.

Жить в удивительном мире, в самой сердцевине его вполне возможно, об этом красноречиво говорили месяцы, проведенные здесь,— месяцы, которые начали складываться в годы. Однако мир этот не любит расставаться с теми, кто случайно или по доброй воле попал к нему в гости.

Теперь, когда работа по исследованию гравитационных волн успешно продвигалась, Икаров все чаще задумывался над тем, как сумеет «Пион» вырваться из железных объятий Черной звезды? Возможно ли будет отыскать для корабля такую траекторию полета, которая пронзила бы незримую оболочку, отделившую корабль от внешнего мира?

Земляне не представляли, что гравитационное поле Тритона окажется таким могучим.

Пора, пора было подумать о возвращении. Но кто поведет корабль обратно? С экипажем происходило неладное. Однажды капитан с тревогой обнаружил, что белковые начали терять память. Это было неожиданно и противоречило всей земной

роботехнике. «Обучая белкового, передавая ему информацию, мы делаем насечки на граните,— любил повторять когда-то Ливен Брок.— Эти насечки не должны сгладить поток времени. Белковый будет помнить все, что мы дадим ему,— от годичных колебаний температуры Марса до методов решения интегральных систем». В условиях Земли при относительно слабой гравитации и почти неискривленном, «плоском» пространстве слова Ливена Брока были справедливы. Но когда притяжение Тритона спутало пространство и время... Неравномерный поток времени как бы вымывал информацию, накопленную белковыми в Солнечной системе.

Встревоженный Икаров несколько раз проверил и свою память. И убедился, что она не сдала. В конечном счете человек оказался сильнее белковых!

Пришлось срочно заняться памятью белковых. Для восстановления памяти роботов капитан решил пустить в ход блоки биопамати, которые хранились в информационном отсеке.

Свободные от вахты роботы смотрели регулярно сеансы, ново впитывая то, чему их когда-то учили.

Однажды, роясь на полках в поисках материала для очередного сеанса, Икаров обнаружил незнакомый блок. Он стер с него пыль, но надписи не обнаружил. И тут мгновенное, как молния, воспоминание пронзило его.

...Это было, когда он, вернувшись с Рутоне, прилетел к Лин на Луну. Они отправились на стапели, забрели на строящийся «Пион» и долго бродили по гулким отсекам корабля, одни из которых были собраны полностью, другие — наполовину, а третьи только закладывались. Они долго пробыли в оранжевом отсеке, заглянули в обсерваторный, потом в астролабораторию... Затем, уже на обратном пути, спускаясь по центральному стволу, Лин спросила, указывая на закрытый люк:

— А здесь что?

— Информационный отсек,— ответил Федор без запинки, хотя был в первый раз на корабле.

— Я загляну туда,— сказала Лин, останавливаясь на аварийной лесенке, по которой они спускались.

— Хорошо, зайдем,— согласился Федор и взялся за ручку люка.

— Нет, я одна войду,— сказала Лин.

— Подожду тебя здесь,— пожал плечами Федор.

Через минуту Лин вышла, и они начали молча спускаться.

— Когда ты был на Рутоне, я приготовила для тебя одну вещь,— сказала Лин, когда они вышли наружу.

— Что за вещь? — поинтересовался Федор.

— Так, пустяки... Биоблок, на который я записала свой голос...— сказала Лин.

— О чем же говорит этот голос?

— О тебе... обо мне... о времени...— сбивчиво пояснила Лин.

— Я буду беречь этот блок.

Лин покачала головой.

— Ты получишь его не теперь, Федя,— сказала она,— не сейчас, когда мы вместе, а когда-нибудь, когда мы расстанемся, ты будешь одинок и тебе будет тяжело.

— Договорились,— весело сказал Федор.— Давай сюда блок, я послушаю его, когда мы расстанемся и я улечу на Землю. Там я буду одинок, и мне будет нелегко.

— Ты знаешь, о чем я говорю. Не смейся,— тихо произнесла Лин, и было в ее голосе такое, что улыбка сразу сбежала с лица Федора.— Я хочу, чтобы этот блок ты слушал на «Пионе», когда улетишь к Черной звезде.

— Ты спрятала блок в отсеке? — догадался Федор.

Лин кивнула.

— Но ведь там, должно быть, десятки тысяч блоков! — с отчаянием произнес Федор.

— Да, все стеллажи загружены,— подтвердила Лин.

— И потом, кто сказал, что именно я полечу на «Пионе»? — спросил Икаров после долгой паузы.

Лин открыла дверцу.

— Я сказала,— ответила она.

...Капитан Икаров включил воспроизводитель и услышал голос Лин:

На кремнистой тропе, на чужом перевале,
На каком-то витке бесконечной спирали
На мгновение помедлю и, пот вытирая,
Мир окрестный окину от края до края.
Неподкупные реют в тумане вершины,
Уступают уступы, сбегая в долины,
Где над чудом конструкций, раскинувшись ало,
Заурядный закат золотится устало.
Не пришелец я здесь, безъязык и безвластен!
Приручаемый космос, к тебе я причастен,
И средь влажных снопов, выставяющих лица,
Есть и мой колосок чистопробной пшеницы.
И уйду я в туман, не боясь, не печалясь,
Отирая со лба вековую усталость,
Чтобы вынырнуть снова, прорезавши дали,
На каком-то витке бесконечной спирали.

Икаров выключил блок, хотя запись еще не кончилась.

— На каком-то витке бесконечной спирали,— повторил капитан, пораженный неясной еще мыслью.

НА КАКОМ-ТО ВИТКЕ БЕСКОНЕЧНОЙ СПИРАЛИ...

*Знания острый луч на мир ложится...
И всплывают в глубине туманной —
Антивещество, античастицы —
Антимир, таинственный и странный.*

...Дыхание антимира коснулось корабля землян.

— Капитан, обшивка корабля ночью начала светиться интенсивней, — сказал однажды утром Энквен, входя в капитанскую рубку.

— Вижу, — озабоченно ответил Икаров, не отрываясь от экрана. Его беспокоило не столько повышение яркости свечения, сколько отдельные изъязвления, тут и там появившиеся на обшивке «Пиона».

— Капитан, мы с Кельзавом только что проверили характер нового свечения, — произнес Энквен.

— Говори.

— Корабль бомбардируют античастицы.

— Я догадался об этом без приборов, Энквен, — сказал капитан.

— Каким образом?

— Посмотри, — сказал Икаров, указывая роботу на экран.

Энквен сделал несколько шагов и остановился рядом с капитаном. Изогнутые плоскости корабельной обшивки равномерно светились. Вдруг одна точка огненно вспыхнула и выплеснула вверх фонтанчик пламени. Когда он угас, на месте вспышки осталась маленькая воронка.

— Капитан, это опасно? — спросил Энквен.

— Единичные взрывы — не очень.

— А если поток античастиц усилится? Что будет тогда? — допытывался робот.

Капитан посмотрел на Энквена.

— Ты видел, Энквен, как кусок сахара тает в горячем кофе? — неожиданно спросил он.

— Видел много раз, поскольку Ливен Брок любил... — быстро начал Энквен, не удивившись вопросу.

— Вот так же может растаять «Пион», — не дослушав, перебил капитан.

— Нужно принять срочные меры...

— Я думал над этим, Энквен,— сказал капитан.

Энквен помедлил.

— Говори, капитан,— сказал робот.— Экипаж готов и ждет твоих распоряжений.

— Нужно собрать магнитные ловушки для античастиц,— сказал капитан.

— Есть.

— И установить их на каждом отсеке «Пиона».

— Есть.

Энквен побежал к выходу. Уже взявшись за рукоятку люка, обернулся:

— Капитан, что делать с частицами, которые будут капливаться в ловушках? — спросил он.

— Выбрасывайте в пространство,— сказал капитан, пожав плечами.

Чуткий прибор, изобретенный Икаровым и собранный экипажем, продолжал улавливать и фиксировать неровное гравитационное дыхание Тритона. Ежедневно информационный отсек пополнялся все новыми блоками, на которых были записаны результаты наблюдений.

Разгадка тяготения, по убеждению Икарова, была у него в руках. Однако цифры и факты, связанные с природой этой таинственной силы, которая движет мирами, мертвой грудой покоились в информации. Были у капитана кое-какие наметки, но картина гравитации оставалась далеко еще не законченной. Превратить грудку экспериментальных данных в стройную систему, вдохнуть в нее жизнь капитан Икаров со своим экипажем был не в силах. Для этого нужны были тысячные отряды физиков и математиков не только Земли, но и всей Солнечной системы.

Путь домой для «Пиона» был закрыт. Проверка показала, что наличного топлива на корабле оставалось катастрофически мало, с его запасами нечего было и думать о том, чтобы преодолеть притяжение Черной звезды.

Виток за витком наматывал «Пион» вокруг Черной звезды. И на каком-то из них суждена Икарову смерть. На каком-то витке бесконечной спирали...

Человеческое сердце не может тягаться с ядерным, которым снабжен белковый робот.

— На каком-то витке бесконечной спирали...— вслух повторил Икаров. Эта строчка не давала ему покоя. С нею была связана какая-то важная мысль, которая все время ускользала.

И снова, как всегда, когда на душе было беспокойно, капитан отправился в оранжерейный отсек.

В условиях невесомости, под воздействием гравитационного поля Черной звезды, различные растения вели себя по-разному. Деревья, например, стали тоньше. В то же время ткань их упрочилась настолько, что стальной топор тупился, не брал древесину.

Икаров подошел к березе Лин, вспомнил о сухой ветке, потерявшейся в кроне, и решил хотя бы на этот раз избавиться от нее. Он нагнулся, отстегнул магнитные присоски, затем легким, точно рассчитанным движением оттолкнулся от почвы, взлетел вверх и ухватился за толстый сук. Перебирая сучья, добрался до усохшей ветки. Дернул — ветка не поддавалась. Капитан рванул сильнее — тот же результат. Продираясь сквозь листья, ставшие жесткими и тяжелыми, Икаров приблизился к стволу березы. Внимательно осмотрел засохшую ветку. Потрогал ее у основания. Осталось такое ощущение, будто прикоснулся к металлу. В то же время ветка не производила впечатления мертвой.

Капитан погладил пальцем еле заметный шрам на лбу — память о первой вылазке здесь, в окрестности Черной звезды, и об операции, безукоризненно проведенной Энквеном. Затем вытащил из кармана лупу и обследовал странную ветку. Он обнаружил на ней мельчайшие прожилки. Поверхность ветки напоминала географическую карту, изображающую в крупном масштабе дельту могучей реки.

Неужели дерево в новых условиях начало перерождаться? Икаров повнимательнее присмотрелся к соседней ветке, обычной, покрытой листьями. И на ее коре тоже намечались прожилки... Капитан попробовал оторвать листок, но из этого ничего не получилось. Впечатление было такое, что он крепился к ветке проволокой. После нескольких безуспешных попыток Икаров отпустил измочаленный листок, задумался. Посмотрел сквозь ветви на эрцеллу, неутомимо карабкающуюся вверх: рост ее достиг чуть ли не трехметровой высоты. Остальные растения, взятые с Земли и других планет Солнечной системы, тоже изменились в условиях Тритона.

Икаров подумал о том, что на земном шаре известно около четверти миллиона различных растений, если говорить только о тех видах, которые относятся к высшим цветковым. Люди используют ничтожную часть этих растений: из каждого ста видов только один или два используются либо в пищу, либо на промышленные нужды. Остальные непригодны... Да, но непригодны в земных условиях. А если поместить эти расте-

ния в условия Тритона? Если переделать их природу так, как это нужно человеку? Какие поистине безбрежные перспективы откроет это земным ботаникам и растениеводам! Вся флора Земли будет поставлена на службу человеку.

Икаров прыгнул с дерева, пристегнул к обуви магнитные присоски и двинулся дальше.

Теперь он совсем другими глазами присматривался к растениям, теснящимся с обеих сторон дорожки. Дорожка была выложена крупным склеенным гравием, перемешанным с песком. Песок хранил следы и капитана и экипажа.

На заре космических полетов люди считали, что выращивать растения в космосе совсем не сложно. Однако длительные полеты в пространство показали, что это не так.

Первые астронавты поступали, не мудрствуя лукаво: они брали в полет ящики с почвой, взрыхленной и соответственно удобренной. В почву внедрялись семена, над ящиком включалось кварцевое солнце, после чего оставалось ждать появления всходов. Но почва в невесомости вела себя капризно: несмотря на перегородки, она просачивалась в измельченном виде в атмосферу, загрязняла воздух, мешала дышать. Никакие меры предосторожности не помогали. К тому же и весила почва, которую необходимо было взять в полет для растений, совсем немало...

Тогда взоры астроботаников обратились к гидропонике. Это слово, в переводе с греческого означающее «работа с водой», весьма точно отражало суть дела. Гидропоника на Земле была известна задолго до космических полетов. Первые гидропонные устройства были очень просты. Контейнер наполовину заполнялся питательным раствором. В верхней части ванны укреплялся ящик с сетчатым дном. Этот ящик и был главной частью установки, ее изюминкой: в него насыпали опилки или древесные стружки, которые служили заменителем почвы. В опилки помещали семена или саженцы растения, которое хотели вырастить.

Даже первые примитивные гидропонные установки оказались очень эффективными: одинаковые культуры на гидропонной основе приносили урожай, в двадцать раз больший, чем в обычном земледельческом хозяйстве.

Но то, что было хорошо на Земле, выглядело совсем иначе на космическом корабле, в условиях невесомости. На Земле при наличии гравитации существуют понятия «верх» и «низ» и жидкость льется сверху вниз. В этом случае гидропонная установка работает очень просто: бак с питательным раство-

ром достаточно поместить выше ящика с выращиваемыми растениями, жидкость, питающая установку, будет стекать вниз.

В условиях невесомости жидкость из бака вытекать не будет. Без насоса здесь не обойтись.

Шагая по оранжерейному отсеку, Икаров припомнил, как они с Лин посетили Музей звездоплавания. Они долго ходили по павильону «Выращивание растений в космосе». Лин особенно интересовалась эволюцией гидропонных установок — от первых, самых простых, до новейших, которыми оснащались звездолеты, уходящие в дальний космос. Особенно понравилась Лин установка, в которой в качестве рабочего вещества, куда высаживались семена, использовались ионообменные смолы. Астрохимики создали смолы, способные поглощать определенные химические соединения, являющиеся питанием для растений. Достаточно увлажнить такие смолы, и они отдают растениям ранее поглощенные питательные вещества.

— Как остроумно, Федя! — не переставала восхищаться Лин, идя от стенда к стенду. — При наличии на корабле такой установки уход за космическим огородом упрощается до чрезвычайности.

— Неплохо придумано, — равнодушно соглашался Федор. Смотрел он больше на Лин, а не на стенды.

— Астроботаникам не нужно специально приготавливать для растений питательные растворы, они будут уже содержаться в смолах, понимаешь? — допытывалась Лин.

— Понимаю, — кивал Федор, не сводя с нее глаз.

Но следующий зал павильона заинтересовал и его. Зал назывался «Аэропоника». Здесь показывался «воздушный» метод выращивания растений, применяемый на некоторых космических кораблях.

— Метод профессора Петровского, — с уважением произнесла Лин, рассматривая огромную установку, помещенную в центре зала.

Основу установки составлял прозрачный контейнер. Закрепленные внутри растения опрыскивались питательным раствором из пульверизаторов.

— Хорошая вещь — аэропоника, — сказал Икаров. — Минимум материала, максимум выгоды. Беру эту установку, — кивнул он, — к себе, на космический корабль.

Лин рассмеялась так, что несколько посетителей на нее оглянулись.

— Ты прогадал, капитан, — сказала она серьезно, только в глазах еще плясали смешинки. — Аэропонный метод — это вче-

рашний, даже позавчерашний день астроботаники. Он имеет множество недостатков.

— Не вижу недостатков,— неосторожно сказал Федор.

Тогда Лин, поглаживая косу, прочла ему целую лекцию: растение, оказываясь, не в состоянии поглотить полностью определенную порцию питательного раствора, подобно тому как человек может съесть полностью стаканчик мороженого. Растение обязательно оставит, не усвоив, какую-то часть раствора. А в условиях невесомости это может привести к серьезным неприятностям. Оставшийся неусвоенным раствор не сможет стекать обратно из-за отсутствия силы тяжести. Он останется в контейнере, будет собираться в шаровидные капли, свободно плавающие в пространстве...

Вокруг собралась группа посетителей, которые приняли Лин за экскурсовода. Они начали задавать вопросы, Лин, войдя в роль, пространно на них отвечала. Метод профессора Петровского сыграл важную роль, объясняла она, но сейчас он уже устарел.

— Скажите, девушка, а как теперь выращивают растения на космическом корабле? — спросила молодая женщина с огромным букетом левкоев (странно, даже эту деталь Икаров запомнил!).

— Теперь применяются установки, в которых используют капиллярные силы,— улыбнулась ей Лин.

— Разве они не зависят от гравитации? — спросила женщина.

— В этом все дело,— сказала Лин.— Они даже лучше проявляются в условиях невесомости. В новых установках питательная жидкость добирается до растений «своим ходом», по системе фитилей, подобно тому как керосин поднимается по фитилю. Такие установки надежны в условиях полета.

Женщина посмотрела на цветы, потом перевела взгляд на Лин.

— Вы извините, что я так расспрашиваю,— сказала женщина.— Дело в том, что эти цветы мне привезли из космоса. Они были посажены, когда корабль находился в районе Проксимы Центавра,— женщина привычно выговорила название созвездия, будто множество раз его повторяла.

Теперь все взоры обратились к букету левкоев.

— Вот я и подумала, слушая ваш рассказ, что цветы выращены в космосе фитильным методом,— закончила женщина.

— Да, теперь фитильный метод наиболее распространен,— ответила Лин.— Но и он уже уходит в прошлое. На кораблях,

которые строятся, растительность уже не будет играть роль звена, жизненно важного для космонавтов.

— На кораблях больше не будут выращивать растения? — спросила женщина, прижав к груди букет.

— Нет, растения выращивать будут, — пояснила Лин, — но они не будут уже главным поставщиком кислорода для астронавтов.

— Чем же они будут дышать? — спросила женщина, и все заулыбались: так беспомощно прозвучал ее вопрос.

— Атмосфера на корабле будет восстанавливаться с помощью регенераторов, — сказала Лин.

— Это шаг назад, — заметил старичок с клинообразной бородкой.

— Нет, — повернулась к нему Лин. — Конструкторы вернулись к регенератору, но на новой основе.

— Какой же? — спросил старичок.

— Ядерной. Она во много раз надежнее естественной, — сказала Лин. — Что же касается оранжевых отсеков на корабле, то они, конечно, останутся, — добавила она, обращаясь к женщине с левкоями.

— Такой корабль уже есть? — спросил старичок.

— Строится.

— А не будете ли вы любезны сказать, каков коэффициент полезного действия... — начал старичок.

— Простите, — сказала Лин, указывая на Федора. — Адресуйте, пожалуйста, к нему.

Долго в тот вечер не мог Федор вырваться из кольца, отвечая на все возможные вопросы посетителей Музея звездоплавания...

Задумавшись, капитан вздрогнул: ему показалось, что впереди за кустами мелькнула фигура Ливена Брока. Ветки раздвинулись, и на дорожку вышел Энквен.

— Срочный доклад, капитан, — сказал он.

— Почему не доложил по биосвязи?

— Хотел увидеть тебя...

— Говори.

— Античастиц стало больше, — сказал Энквен. — Бомбардировка обшивки «Пиона» усилилась.

— Магнитные ловушки справляются?

— Пока да. Но они работают на пределе, капитан, — произнес Энквен. — Приходится опорожнять их каждые двадцать минут. Этим занят весь экипаж корабля.

Капитан молчал, о чем-то думая.

— Содержимое ловушек вы выбрасываете в пространство? — спросил он после долгой паузы.

— Ты велел так, капитан.

— Да, верно... А как работает прибор для улавливания гравитационных волн? — спросил Икаров.

— Прибор работает исправно, только...

— Что?

— Результаты измерений начали повторяться, — сказал Энквен.

Капитан кивнул, будто отвечая собственным мыслям.

— Так и должно быть, Энквен, — произнес он. — Все, что можно, мы уже измерили. Спираль поступательного накопления знаний превратилась в круг. А круг — замкнутая кривая.

— Я все доложил, — сказал робот и повернулся, чтобы идти к выходу, но капитан так схватил его за руку, что Энквен пошатнулся.

— Энквен, мы разомкнем круг! — крикнул капитан. — Мы превратим его в спираль, по которой вырвемся на волю!

Никогда еще робот не видел Икарова таким взволнованным.

Идея капитана Икарова была ослепительна в своей простоте. Она состояла в том, чтобы вырваться из плена Черной звезды, добавляя вращающемуся вокруг нее «Пиону» импульсы небольшими порциями. Тогда спираль будет разматываться — витки, которые описывает корабль, станут все более увеличиваться, пока «Пион» не разорвет пути гравитации.

Энквен сразу же усвоил замысел Икарова: они давно уже научились понимать друг друга с полуслова.

— У нас не хватит рабочего вещества для фотонных дюз, — сказал Энквен.

Капитан задумался, но только на мгновение.

— Для аннигиляторов годится любое вещество, — сказал он. — Мы можем сжечь отдельные отсеки «Пиона».

— Можем, — согласился Энквен. — Но у нас почти не осталось антивещества.

— Есть у нас антивещество, Энквен. Как ты туго соображаешь! — громко сказал капитан.

— Капитан, мы с Кельзавом проверяли аннигиляционный отсек... — начал Энквен.

— Я имею в виду магнитные ловушки, — перебил Икаров. — В них накапливаются античастицы.

— Для топлива они не годятся, — сказал Энквен. — Слишком концентрация мала.

— Знаю. Спрессуем!

— Опасно.
— У нас нет выбора! — заявил капитан.
— Если даже спрессуем, где поместим брикеты антивещества? — упорствовал Энквен.
— В магнитных камерах корабля.
— И взорвем «Пион»!
— Это наш единственный шанс, Энквен, пойми это, — сказал капитан.

Энквен промолчал. По его глазам Икаров видел, что робот что-то напряженно подсчитывает.

— Четыре года, капитан, — произнес наконец Энквен и посмотрел на капитана.

— Ты о чем? — не понял Икаров.

— Потребуется четыре года, чтобы накопить с помощью магнитных ловушек корабля нужное количество антивещества, — пояснил робот.

— Ты не ошибся?

— Четыре года — это минимум.

— Тем более не будем терять времени, — решил капитан. — Ступай и распорядись, чтобы с этой минуты содержимое ловушек не выбрасывали в пространство, а прессовали и закладывали в аннигиляционные камеры.

— Есть, капитан, — ответил Энквен и двинулся выполнять приказ.

«...Таким образом, нам, пленникам Черной звезды, остается испробовать последнюю, единственную возможность. Около четырех лет собирали мы по крупице антивещество. Теперь его достаточно в магнитных камерах. Обычного вещества тоже, надеюсь, должно хватить. Обычного вещества! Как страшно звучат эти слова в применении к «Пиону», отсеки которого предстоит сжечь в аннигиляторах!

Спираль, разворачиваясь, подобно пружине, должна вытолкнуть корабль из сферы притяжения Тритона, вырвать его из плена. Если же нет... Но мы сделаем все, что в наших силах...»

Капитан оторвал взгляд от бортжурнала. Часы показывали шесть утра. Панели налились утренним светом, как это запрограммировали лунные инженеры. Но капитан давно уже привык к тому, что свет не ложился ровно на предметы, находящиеся в головной рубке, и те в свою очередь не отбрасывали в одну сторону тени, как это полагалось в условиях «плоского» пространства. Кто-то невидимый разрубил день «Пиона» на неравные куски, смешав их в причудливом беспорядке. Светлые

и черные глыбы — тьма и свет — соседствовали, не мешая друг другу.

Стояла осень, светало поздно. На стол, за которым сидел капитан, падала неровная лунка света от настольной панели. Икаров откинулся назад, окунулся в утреннюю мглу. Перед тем как внести запись в бортжурнал, он, контролируя белковых, проделал расчет еще одного витка спирали, которая должна вывести «Пион» на волю.

В полете, когда заревут фотонные дюзы, разгоняя корабль по спирали, заниматься расчетами будет уже поздно. Каждый шаг «Пиона» должен быть рассчитан заранее. Едва корабль включит дюзы, траектория его потеряет устойчивость. А капитан слишком хорошо понимал, что означает неустойчивость в условиях притяжения, которым обладает Тритон.

Хорошо в полутьме. Отдыхают глаза, и можно на какое-то время забыть чехарду, царящую во всех отсеках и коридорах корабля. Все вокруг казалось не таким, каким было на самом деле. В том, например, что линейка прямая, можно было убедиться, лишь проведя вдоль нее рукой. Со стороны она представлялась кольцом...

Капитан вспомнил, как туго поначалу приходилось в новых условиях его экипажу. Вся система движений, разученная и затверженная ими в Зеленом городке, вдруг оказалась непригодной.

Приходилось переучиваться заново.

Роботы сталкивались друг с другом, неправильно ориентируясь в искривленном пространстве, ударялись о стенки отсеков и острые углы приборов. Но с каждым днем пленения роботы — и с ними капитан — все больше привыкали к необычной метрике, к пространству, которое хищно оцетинилось странными, доселе неведомыми свойствами.

Не желая воспользоваться бегущей лентой, Энквен медленно брел по центральному стволу. Взгляд робота скользил по стене, которая казалась изломанной гармоникой. Там, за нейтритовыми панелями, мир Черной звезды, искривленный могучим тяготением. Идя по кораблю, Энквен все время старался лишний раз провести ладонью вдоль стены или торца прибора, чтобы убедиться, что искривленность их — это лишь оптический обман. Корабль представлялся изуродованным до неузнаваемости.

Близ медицинского отсека Энквен замедлил шаг. Именно здесь он провел операцию и спас зрение капитану Икарову.

А вот и головная рубка.

— Я ждал тебя, Энквен,— сказал капитан, едва робот вошел в рубку.— Подойди.

— Где ты, капитан? — спросил Энквен.

— В тени, возле стола,— прозвучал ответ.

Тенью на корабле привыкли называть те куски пространства, куда, повинаясь собственным законам распространения, не попадали искривленные световые лучи.

Энквен, осторожно минуя препятствия, приблизился к капитану.

Икаров встал из-за стола. Его голова и плечи попали в освещенную сферу. Туловище Икарова, как показалось Энквену, растворилось без следа в чернильном облаке, окутывающем стол. Капитан сделал шаг — голова проплыла полметра и остановилась.

В новых условиях инфравизор Энквена, как и остальных белковых роботов, работал плохо, приходилось полагаться только на обычное зрение.

Теперь они стояли рядом — капитан и его помощник, человек и робот.

— Я только что подсчитал энергию, которая потребуется, чтобы разогнать «Пион» по спирали,— сказал негромко Икаров.

Энквен ждал.

— Нам не хватит топлива,— произнес капитан.

— Антивещества достаточно, капитан.

— На каждый килограмм антивещества при аннигиляции требуется килограмм обычного вещества,— пояснил Икаров.— У нас имеется только один источник вещества — «Пион». Мы сможем спастись, только если сожжем все отсеки...

— Все отсеки?!

— Кроме одного.

— Сжечь «Пион»?

— Другого выхода нет.

Они подошли к столу. Большую его часть занимал пластиковый лист, укрепленный по углам. Весь лист занимала огромная спираль, похожая на туго закрученную змею. Лист вобрал в себя результаты расчетов и роботов, и капитана. В центре спирали помещалась Черная звезда. От нее, раскручиваясь, удаляясь с каждым витком, шла тонкая нить — путь, который предстояло пройти «Пиону».

Несколько начальных витков были уже выверены, но основная работа была впереди, трудная и кропотливая. Хотя все предварительные расчеты были проделаны, они нуждались в корректировке.

Энквен, слегка наклонившись, рассматривал спираль.

— Что, если «Пион» отклонится от курса, капитан? — спросил робот.

— Тогда мы соскользнем в пропасть, Энквен, — ответил капитан.

Энквен кивнул.

— Садись рядом, Энквен, — сказал капитан. — Будем с тобой разматывать...

— Что разматывать? — не понял Энквен.

— Да вот этот проклятый клубок, — кивнул Икаров на распластанную спираль.

Робот устроился рядом с капитаном, и они погрузились в подсчеты. Энквен просто скопировал позу капитана. Роботу было все равно — сидеть, стоять или лежать. В отдыхе он не нуждался.

— Наступает время действовать, — сказал капитан и провел рукой, странно искривленной, как и все вокруг, по лицу.

Энквен, повинуясь внезапному импульсу, включил фотофиксатор. Если им суждено когда-нибудь возвратиться, он включит там, на Земле, воспроизводитель, и люди увидят на экране головной отсек «Пиона», разделенный причудливо изогнутыми плоскостями на светлые и темные куски, увидят царство хаотически переплетающихся линий, которые на поверку оказываются прямыми, увидят усталого капитана корабля, склонившегося над расчетами... Увидят, если «Пиону» суждено возвратиться.

Икаров понимал, что, когда фотонное пламя начнет разгонять «Пион» по спирали, вряд ли у него, капитана, будет хотя бы короткое время для отдыха. В условиях искривленного пространства автоматика могла подвести.

— Я буду корректировать работу двигателей, — сказал капитан.

— Все время?

— Да.

— Но путь по спирали займет не один месяц, капитан, — сказал Энквен.

— Знаю, — кивнул капитан.

Робот умолк, осмысливая сказанное Икаровым. Конечно, ни автоматике, ни белковым нельзя полностью доверить корабль. По крайней мере здесь, в непосредственной близости от Тритона, где пространство — мало сказать изогнуто, — оно перекручено и скомкано, как клочок бумаги. Мало ли что может встретиться «Пиону» тут, где лучи локатора землян бессильны предотвратить беду? Вдруг вокруг Тритона вращается пла-

нета? Приборы «Пиона» ее до сих пор не обнаружили? Но это ничего не доказывает, потому что любые сигналы летят не по прямой — они идут по дуге, изгибаются, замыкаются в кольцо, возвращаются к исходной точке наподобие бумеранга, падают в пучину Черной звезды. В таких условиях обнаружить планету можно было бы лишь по чистой случайности. Для этого «Пион» должен пройти недалеко от планеты, а вероятность подобного события практически близка к нулю. Тем не менее она существует, эта вероятность. И для того чтобы предотвратить столкновение, нужна твердая рука капитана.

— Капитан, может вращаться вокруг Тритона планета? — спросил Энквен.

— Может, — сказал Икаров.

— И на ней могут обитать разумные существа?

Икаров перевел взгляд со спирали на каменное лицо Энквена.

— Могут, Энквен, — сказал капитан.

— Наверно, этим существам их мир представляется самым обычным... — в раздумье произнес Энквен.

— Конечно, — подтвердил капитан. — Они ведь приспособились к своему миру в результате долгой эволюции, предшествующей появлению всякой разумной жизни.

— А вдруг они достигли высокой степени развития? — спросил Энквен.

— Что ж, — усмехнулся Икаров, — тогда у них вполне мог бы появиться математик и философ, по гениальности равный Лобачевскому. Этот ученый сумел бы прийти к выводу, что Вселенная не ограничивается Черной звездой и ее окрестностями. Он заявил бы во всеуслышание, что возможны иные миры. И в этих мирах — как ни странно! — луч света распространяется не по кругу, а по прямой. Какую борьбу пришлось бы выдержать этому гению! Сколько насмешек и оскорблений выпало бы на его долю!

Они работали долго, позабыв о времени.

— Довольно, — сказал наконец Икаров, расправляя затекшие плечи. — Следующий виток рассчитаем завтра.

— Мы не решили еще главное, капитан, — сказал Энквен, не отрывая взгляда от спирали, изогнутой, как и плоскость стола.

Икаров давно уже не без тайной тревоги ждал этого...

— Ты о чем, Энквен? — спросил он.

— Об ускорении «Пиона», — сказал робот.

Да, в ускорение корабля упиралось теперь все. Чем больше будет ускорение, тем значительнее будут шансы «Пиона» на

спасение. С другой стороны, при достаточно больших ускорениях возникают перегрузки, смертельные для человеческого организма.

Интересно, подумал капитан, к какому решению пришел бы Энквен, если предоставить ему возможность самостоятельно решать вопрос об ускорении «Пиона»? Дело в том, что Энквен, как и остальные члены экипажа, был по настоянию Ливена Брока воспитан без каких бы то ни было ограничителей. Решая любую задачу, он руководствовался логикой, и только логикой. Какой же выход предпочел бы он в сложившемся положении?

Наступил момент, когда нужно было сделать выбор.

На одной чаше весов — бесценная информация, собранная в окрестностях Черной звезды и необходимая землянам: вооруженные ею, они смогут переделать природу земных растений, победить извечного своего спутника — тяготение, освоить биосвязь... да мало ли что еще?

На другой чаше — жизнь человека, одного только человека...

Икаров с волнением ждал, что скажет Энквен. Если бы робот сказал, что «Пион» должен идти с ускорением, которое превышает допустимый для человека порог, Икаров, не задумываясь, пожертвовал бы собственной жизнью. Он верил в безупречность логики Энквена так же, как верил в его воспитателей.

«Как слаба человеческая плоть, — подумал Икаров, глядя на монолитную фигуру Энквена, который замер, что-то соображая. — Человеческое тело боится всего: и слишком высоких, и низких температур, радиации, перегрузок, возникающих при ускорении. Даже чтобы выйти за порог собственного дома, в ближний космос, человек должен облачиться в скафандр. А Энквен свободно выйдет на внешнюю обшивку «Пиона», и с ним ничего не случится».

Энквен не спешил с ответом на вопрос, который интересовал капитана. Да Икаров и не торопил его. Он понимал, что решение придет само, когда дюзы «Пиона» проснутся и корабль начнет виток за витком разматывать спираль.

Так оно и случилось...

У выхода Энквен обернулся.

— Скажи, капитан, как ты пришел к идее спирали? — спросил он.

— Мне помог один человек, — ответил Икаров.

— Здесь, на «Пионе»?

— Да.

— Кто же это?

— Лин,— сказал капитан.

Энквен не стал просить пояснений. Он вообще делал это в крайне редких случаях.

Оставшись один, Икаров задумался. Он вспоминал полет на «Пионе», далекую Землю, казавшуюся нереальной.

Нелегким был путь к Черной дыре. Корабль двигался прерывисто, с каждой пульсацией поглощая изрядный кусок «плоского» пространства. Однако, выходя из нуль-пространства, корабль некоторое время должен был идти на обычных фотонных двигателях, чтобы подготовиться к следующему прыжку, и этот участок пути был самым опасным. «Пион» двигался, как пловец, размеренно и ровно, и каждый взмах-прыжок приближал его к цели.

Последняя пульсация выбросила «Пион» в окрестности Черной звезды. Еще один прыжок делать было опасно: корабль мог в результате быть выброшенным близ Черной дыры, на расстоянии, которое меньше критического радиуса.

Остаток пути Икаров решил пройти на фотонных дюзах, поскольку точному расчету прыжки через нуль-пространство, да еще в условиях искривленного пространства, не поддавались.

Вспомнилось многое...

Выпрыгнув из нуль-пространства, «Пион» «на всех парусах» шел к Черной дыре. Странные начали происходить на корабле явления: с каждым днем все больше искривлялось пространство, сминаемое гравитацией.

Икаров потрогал шрам, усмехнулся: разве забыть ему ту вылазку?!

...В оранжевом отсеке стояла осень. Нет, преддверие осени. Хотя преобладали еще солнечные дни, ненастье подспудно зрело, словно беда. Метеорологи Лунных стапелей создали хорошую программу чередования погоды. Она менялась на корабле не по жесткому графику, а повинаясь вероятностной матрице, так что у оранжевой погоды при общей заданной направленности смены времен года оставалась определенная «свобода выбора». Да, здесь все было, как там, на Голубой. И все-таки Икаров долгие годы полета не мог избавиться от мысли, что облака на «Пионе» не те, что на Земле...

Икаров вспомнил, что и в то утро, как обычно, он перед началом рабочего дня вышел в оранжевый отсек.

Корабль шел по инерции, дюзы были выключены, и в отсеках царила невесомость.

Икаров шел по оранжерее, раздвигая руками опавшие листья, которые, не падая, висели в воздухе. В тот день почему-то разладилась синхронизация: утро выдалось безветренное, а «по небу» торопливо бежали облака.

Ночью, видимо, прошел дождь — в воздухе еще висели прозрачные капли. Позабыв об осторожности, капитан наткнулся на большой водяной шар, сверкающий в первых солнечных лучах, и влага мигом обволокла его, растеклась по комбинеzonу. Даже такой пустяк запомнился!

...А запомнился потому, что именно в то утро Икаров отчетливо понял: «Пион» в темнице. Да, корабль, бесстрашно летящий вперед, попал уже в цепкие объятия Черной звезды. Приборы фиксируют замеры гравитационного поля, накапливается бесценная информация о его структуре... Но как попадет все это на Землю? Как сумеет «Пион», выполнив свою миссию, оторваться от Черной дыры? Ведь гравитация Тритона оказалась куда большей, чем в самых смелых предположениях земных ученых. Как преодолееет корабль притяжение Черной дыры? В первый раз он услышал этот вопрос от Лин, это было в горах, над озером Отдыха. «Это дело капитана, который поведет «Пион», — ответил тогда Федор, где-то в душе рисуясь: мол, такие вещи решаются не на Земле...

Мог ли думать тогда Икаров, что его слова окажутся пророческими? Да, возвращение «Пиона» — дело капитана. Это уж точно!

...И еще тот день запомнился капитану первой вылазкой, осуществленной в условиях Черной звезды.

Вылазка на внешнюю обшивку корабля диктовалась необходимостью: в районе кормовых дюз «Пиона» несколько раз появлялось странное свечение. Для вылазки Икаров наметил Энквена и еще двух белковых.

По штурманскому экрану он наблюдал, как роботы, уже успевшие перейти в шлюзовую камеру, тщательно и методично завершают последние приготовления. И вдруг Икарова поразило — впервые за годы полета — острейший приступ клаустрофобии. Выйти! Выйти наружу во что бы то ни стало. Покинуть стены отсеков, кажущиеся искривленными, готовыми вот-вот сомкнуться, сжаться, раздавить.

...И до сих пор помнит Икаров, какая неестественная, неправдоподобная тьма охватила его, когда он вместе с тремя роботами покинул «Пион». Тьма, с которой нельзя сравнить никакую, самую черную ночь Земли.

Рядом с капитаном шагал манипулятор. Вся группа осторожно двигалась к корме. Устав идти, Икаров сел в манипуля-

тор. В этот же момент участок обшивки, расположенный далеко впереди, начал наливаться призрачным светом. Роботы продолжали размеренно шагать. Манипулятор замешкался, Икаров, поправив клеммы на висках, отдал мысленную команду «Вперед!» — и аппарат огромным прыжком догнал трех роботов.

Много чего повидал капитан Икаров, но никогда ни до, ни после не встречал он такого фантастического зрелища. Это был пир красок, буйство цвета. В нескольких метрах от них расстился ковер, сотканный из огня. Нет, не то слово. Огонь — это все же нечто грубое, материальное. Перед ними же нежнейшие, невесомые ленты сплетались в единую симфонию. Цвета их были совершенно немыслимые, не имеющие названий на человеческом языке. Ленты прихотливо извивались, сплетаясь и расплетаясь. Из конца в конец ковер перечеркивали стремительные, почти неуловимые взгладом языки.

Что же было дальше?..

Роботы, приближаясь к ковра, замедлили шаг, и манипулятор капитана обогнал их. У самой границы ковра Икаров остановил аппарат. Человек и три робота молча смотрели, как с незримых ворсинок ковра время от времени соскальзывают длинные голубые искры, тотчас растворяясь в вечной ночи Тритона. Что это было? Вторичное свечение обшивки, вызванное бомбардировкой корабля неизвестными частицами? А может, распад вещества? Может, это «Пион» тает на их глазах, растворяется в черной ночи?..

Они наскоро прикинули, что бы это могло быть, и пришли к выводу: явление им незнакомо, аналогов ему не имеется.

Да, тот день памятен капитану еще тем, что именно тогда ему пришла в голову догадка, оказавшаяся очень плодотворной и положившая начало дальнейшим научным исследованиям на «Пионе»: не связано ли свечение с превращениями гравитационной энергии? Немудрено, что капитан подумал об этом: его мысли все время вращались вокруг гравитации...

Бог весть по какой ассоциации огненный ковер напомнил вдруг Икарову далекую Землю — весенний луг с ромашками, влажные от росы... Дымящееся солнце над горизонтом... Белоснежные строения Зеленого городка...

Потом... потом слух капитана резанул предупредительный окрик Энkvена. Но слишком далеки были в этот момент мысли Икарова, на какое-то мгновение он замешкался. От края ковра протянулась вверх дрожащая серебристая нить, источающая неровное сияние. Серебряный луч свернулся в петлю, которая

скользнула к манипулятору. Капитан тут же отдал мысленный приказ, повинаясь которому манипулятор прыгнул в сторону, увертываясь от луча. Однако ослепительная нить успела задеть край шлемофона.

Дальше... «Когда я очнулся, было темно. Где я? Нестерпимо болела голова. Рука нащупала подлокотник: противоперегрузочное кресло. Ясно — я в штурманском отсеке. Вылазка производилась утром — по корабельному времени. Неужели на «Пионе» уже наступила ночь? Как попал я сюда? Что с роботами, участвовавшими в вылазке? Сначала нужно осмотреться. Я с трудом поднял руку, нащупал над креслом клеммы биокоманд, сразу найдя их во тьме — за годы полета у меня выработался автоматизм в движениях. «Свет!» — скомандовал я мысленно. Сейчас стены отсека начнут наливаться светом... Но вокруг по-прежнему царила тьма. Испортилась автоматика? В тот момент я еще не догадывался об истине... Хлопнул люк, в отсек кто-то вошел. Я узнал шаги Энквена. Робот сообщи, что внешнее свечение обшивки «Пиона» погасло, все белковые вернулись на места.

Я спросил, что со светом. Энквен замешкался с ответом. «Включи аварийное освещение», — велел я. «Отсек освещен, капитан», — ответил Энквен. Я поднес руку к глазам и наткнулся на повязку. Как это я сразу не ощутил ее? Видимо, кожа утратила чувствительность. «Что со мной, Энквен?» — спросил я. Робот ответил, что у меня, возможно, задет зрительный нерв. Я заметил, что боль теперь не сильная. Энквен сказал, что, доставив меня в отсек, он сделал мне местный наркоз.

Ну, а что было дальше, не помню. Потерял сознание. Энквен рассказывал потом, что оперировать меня он решился после долгих раздумий... И спас мне зрение, а возможно, и жизнь. Заодно мой помощник спас и «Пион». В условиях искривленного пространства только человек мог принимать нужные и правильные решения...»

И вот гигантская работа по изучению Черной дыры позади. Подводить итоги рано. Собрана гора фактов, пища для размышлений, которой хватит для размышлений не одному поколению физиков Земли. Теперь-то и встал во весь рост вопрос, задумываться над которым раньше попросту не было времени: как победить гравитацию Тритона? Дело капитана... «Дело капитана», — повторил Икаров вслух, снова склоняясь над искривленной плоскостью письменного стола.

РАЗРЫВАЯ ОКОВЫ

*Мне в космосе черном снится
Бегущая с гор вода,
Ликующая пшеница
И первая борозда.*

Настал день, когда подготовительные работы и расчеты на корабле были закончены. «Пион» напоминал бегуна, замершего в ожидании старта. Только ставкой в этом забеге была жизнь.

Завтра по приказу капитана белковые роботы включат двигатели, и «Пион» начнет разматывать спираль. Завтра кошмарные перегрузки пригвоздят капитана к жесткому ложу манипулятора.

Идут последние часы невесомости.

Все нужно продумать, все предусмотреть. Любая мелочь, любое упущение смогут сыграть впоследствии роковую роль. Каждый белковый был загружен до предела. Хватало работы и манипуляторам. Выполняя команды, они снова и снова проверяли двигатели, кондиционеры, ленту эскалатора: в полете все должно работать бесперебойно.

Капитан оторвался от расчетов, обвел взглядом хаос вздыбленных плоскостей и изогнутых линий, будто видел все это в первый раз.

— Фотонный отражатель в порядке, капитан,— доложил Энквен по биосвязи.

— Двигатели маневра?

— В порядке,— доложил Энквен,— только все топливо в них сожжено.

— Загружайте аннигилятор,— распорядился Икаров и потрогал свой шрам.

— Антивещество подготовлено к использованию,— сказал Энквен.— Вещества не имеется. С чего начать, капитан?

— Что начать? — не понял Икаров.

— С какого отсека начнем сжигание «Пиона»? — пояснил робот свой вопрос.

Капитан подумал.

— Начнем с астрономического отсека,— решил он.— Отсек массивный, хватит на некоторое время... А наблюдать пока все равно нечего,— покосился он на черный, словно ночь, обзорный экран.

— Есть, капитан.

— Прежде чем разрезать астроотсек, вынесите из него все приборы и инфорблоки,— велел Икаров.

— Куда? — прозвучал в мозгу капитана вопрос Энквена.

Икаров побарабанил пальцами по столу. В центральный ствол? Не годится: нельзя загромождать главную артерию корабля. В какой-либо другой отсек? Тоже не пойдет. Судя по расчетам, придется сжечь все отсеки «Пиона», кроме головного...

— Переносите оборудование в головной отсек,— сказал капитан.

— Можно приступить?

— Приступайте,— разрешил Икаров.— Только запомни одно, Энквен,— добавил он.— Возможно, в полете у меня не будет... не будет возможности отдать команду. Знай: оранжерейный отсек сжигать в последнюю очередь. Все выгрузить из него невозможно... Может быть, до него и не дойдет очередь.

Последняя прогулка перед стартом! Последняя прогулка в невесомости.

Оранжерейный отсек встретил его, как частица далекой Земли. Капитан осмотрел отсек внимательным взглядом. Зеленых листьев за четыре дня, прошедших со времени последнего его посещения, значительно поубавилось. В условиях Черной звезды земная растительность продолжала перерождаться. На березе Лин появилось еще несколько голых ветвей, покрытых прожилками. Некоторые листья съежились и побурели, но они оставались живыми.

Икаров с трудом сорвал с березы зеленый листок, долго смотрел на него. Капитан подумал, что это маленькое зеленое чудо с твердыми прожилками — в каком-то смысле символ земной жизни. В таком листке происходит таинство превращения солнечной энергии, питающей Землю. Хлорофилловые зерна внутри клеток листа неустанно трудятся, сотворяя органические вещества. Земная флора — единственный посредник между Солнцем и разумной жизнью на Земле.

Сколько трудов было положено на оранжерейный отсек, когда «Пион» собирался на Лунных стапелях! Икаров вспомнил слова Лин, которая отстаивала тезис: растения на звездолет нужно подбирать так же, как комплектуют экипаж корабля.

— Оранжерейный отсек должен работать, как часы: непрерывно, равномерно и надежно,— заявила Лин.

И действительно, жаловаться на оранжерейный отсек в полете капитану не приходилось. Отлично ужились высаженные на одном участке попеременно лиственницы и ели. Прекрасно ладили друг с другом дуб и липа.

Икаров медленно шел по отсеку, время от времени останавливаясь.

«Пион» придется сжигать по частям, это неизбежно. Но как сохранить для землян это зеленое богатство? Икаров потянулся за биопередатчиком. Надо сказать Энквену, что, если дело дойдет до оранжерейного отсека, пусть экипаж выставляет зелень куда угодно, хотя бы в центральный ствол, пусть занимают любой свободный уголок. Головной отсек к тому времени, конечно, будет забит сверх всякой меры.

Идя из оранжереи, капитан заглянул в астрономическую обсерваторию. Здесь кипела работа. Роботы паковали астрономические приборы. Подчиняясь их четким, отрывистым командам, манипуляторы выстроились цепочкой и передавали друг другу ящики и пакеты, которые непрерывной струйкой текли в глубь корабля. Икаров остановился, наблюдая за работой.

— Работа идет по графику, капитан,— доложил откуда-то вынырнувший Энквен.

Икаров одобрительно кивнул.

— Сейчас уберем главный телескоп, после чего можно разрезать отсек,— сказал Энквен.

Икаров подошел к телескопу и прильнул к нему. Абсолютно черная пелена. Ни звездочки!

Энквен и Кельзав приблизились к телескопу, ожидая, когда капитан освободит его.

— Пожалуй, он не поместится в головной отсек,— окинул Икаров взглядом шеститонную громоздкую махину.

— Не поместится,— подтвердил Кельзав.

— Куда же вы решили поместить его? — спросил капитан, окидывая взглядом телескоп.

— Пока в оранжерейный отсек. Там много места, и, кроме того, отсек будет сжигаться в последнюю очередь,— сказал Энквен.

— Не нужно. Оставьте телескоп здесь,— сказал капитан, погладив рукой рефрактор.

— Сжечь телескоп? — переспросил Кельзав.

— Это даст нам энергию на несколько дополнительных часов,— произнес Икаров.

— Капитан, телескоп уникален,— напомнил Энквен.

— Зато ценой телескопа, может быть, удастся сохранить оранжерею...— бросил капитан.— А она представляет куда большую ценность.

Энквен выкрикнул несколько имен. Три или четыре белковых робота подошли к нему, вооруженные лазерными пистолетами. Капитан вышел из отсека в центральный коридор. Роботы направили искривленные лучи лазерного огня на стены. Лучи ползли вдоль линий, заранее намеченных Энквеном.

Один робот возился у телескопа, разрезая его на равные части. Икаров отвернулся.

— Через десять минут астрономический отсек будет разрезан,— сказал Энквен.— Какой следующий?

— Лабораторный,— сказал капитан и, прыгнув на ленту, помчался к головной рубке.

Близилась минута включения главных двигателей корабля. Икаров еще раз проверил навигационные приборы, переложил поближе биопередатчик и блок с записью голоса Лин. Он так и не дослушал его до конца. Строки о витках спирали, которые подсказали ему путь к спасению, капитан прослушивал бессчетное число раз, а все остальное берег, чтобы послушать, когда «Пион» двинется в путь и тело скует многотонная тяжесть перегрузок.

Кажется, ничего не забыто. Каждый из двенадцати членов экипажа получил участок, за который отвечает. У каждого в распоряжении имеется несколько манипуляторов.

Что касается автоматики, то она в условиях Тритона капризничала и особых надежд на нее Икаров не возлагал. Хорошо, что белковые роботы были воспитаны без ограничителей. В результате они обладали гибкой системой мышления, которая может приспосабливаться к новым, необычным условиям, вроде тех, в которые попал «Пион». А будь у белковых ограничители, подумал Икаров, роботы наверняка вышли бы из строя, как выбыла почти вся автоматика корабля.

Капитан забрался в манипулятор, которому велел приблизиться к главному пульту корабля.

«Пора!» — решил он, сжав биопередатчик. Сигнал старта прозвучал во всех отсеках одновременно. Тело Икарова тотчас медленно стало наливаться ядом тяжести. «Пион» начал свой долгий путь на волю.

Первые витки, связанные с относительно малым ускорением, корабль прошел успешно. О том, что отклонений от расчетной траектории нет, говорили спокойные зеленые глазки на капитанском пульте.

Белковые по очереди докладывали Икарову каждый о своем участке. Кое-кому капитан давал указания.

Чаще всего взгляд капитана останавливался на маленьком квадратном окошечке, примостившемся в углу пульта. В окошечке медленно, мучительно медленно перемещались цифры, уступая место одна другой. Цифры показывали, на сколько километров «Пион», двигаясь по спирали, удалился от центра Черной звезды.

Преимущество спирали перед прямым путем состояло в том, что спиральный путь давал возможность удаляться от Тритона «малыми шагами». Но на каждый такой крохотный шаг едва хватало мощности всех дюз «Пиона». Об отрыве от Черной звезды по радиальному направлению при такой гравитации и мечтать не приходилось.

Первые витки самые легкие. Путь предстоит длинный. Нужно беречь силы. Икаров решил вздремнуть, велел манипулятору разбудить его, если на корабле возникнет непредвиденная ситуация.

Усталый мозг капитана забылся в кошмаре.

...В рубку, в которой лежал Икаров, вошли белковые роботы. Они двигались фантастической чередой, дико искривленные, троерукие, двуглавые. Роботы несли толстые металлические плиты. Только Энквен, который жался среди замыкающих, был без ноши.

— Почему вы не на местах? — хотел крикнуть капитан, но голос, как это бывает во сне, сорвался на еле слышный шепот. Роботы, однако, его услышали.

— Все отсеки «Пиона» сожжены по вашему приказанию, — ответил Кельзав, стоявший впереди. — Остались только фотонные отражатели да этот отсек.

— Капитан, нам не вырваться отсюда, — сказал Энквен, выходя вперед.

— Энергия исчерпана.

— Прикажи отключить двигатели, капитан! — присоединились остальные.

— Тихо, — выдохнул капитан, и роботы смолкли. Они сгрудились вокруг манипулятора, в котором лежал капитан, и изломанные плиты казались обломками кораблекрушения.

— Вы покинули свои посты, — еле слышно прошептал капитан, глядя на команду.

Роботы сделали к нему еще шаг.

— На корабле, оказывается, есть еще запасы топлива для аннигиляторов,— сказал капитан и скользнул измученным взглядом по плитам.— Вы утаили это от меня.

Роботы замялись.

— Плиты нужны нам для другого, капитан,— нарушил Кельзав длинную, как вечность, паузу.

— Для чего?

— Сейчас увидишь, капитан,— бросил кто-то из экипажа.

— По местам! — прохрипел капитан. Он хотел выскочить из манипулятора, но не смог пошевелиться. Перегрузки спеленали его, словно младенца.

— Капитан, подчинись логике реальности,— сказал Кельзав.— Она неумолима. Отключи двигатели.

— И ты окунешься в невесомость,— добавил Энквен, глядя на распростертого капитана.

— Если сейчас отключить двигатели, вы навеки останетесь в плену,— еле шевеля непослушными губами, прошептал капитан.

— Пойми, капитан: энергия кончается,— сказал Кельзав.— Наша задача — растянуть ее на возможно более долгий срок. Истощив запасы, мы все равно не вырвемся отсюда...

— Нам не долететь до Солнца!

— Сожжем последнюю энергию.

— Упадем на Тритон.

— Погибнем...

Двое роботов приблизились вплотную к манипулятору с капитаном. Икаров хотел что-то крикнуть, но почувствовал, что язык отказался ему повиноваться. Он лишь смотрел, как роботы с величайшей осторожностью опустили ему на грудь изогнутую плиту. Их примеру последовали остальные. Икаров скосил глаза на Энквена. Помощник угрюмо молчал.

— Теперь ты не помешаешь нам, капитан,— сказал Кельзав. И роботы удалились, тем же порядком, как и пришли.

...Капитан очнулся, окутанный щупальцами манипулятора. Перед лицом бессонно мерцал хронометр. Кошмар был до жути реален, вплоть до того, что плиты, которые принесли сюда белковые, казались изогнутыми, как и все окружающие предметы.

Приборы показывали, что ускорение корабля, как и было намечено, неуклонно возрастало...

Икаров вызвал по биосвязи Энквена. Робот доложил, что пока все идет так, как они наметили накануне старта.

— Как ты переносишь перегрузки, капитан? — спросил Энквен.

— Нормально, Энквен,— громко ответил Икаров, стараясь, чтобы голос звучал уверенно.

Капитан включил обзорный экран. Из глубины его выплыла капризно изогнутая поверхность «Пиона». Обшивка корабля слабо светилась. Шаровая форма отсеков была искажена, а сами они странно сместились, будто чьи-то железные ладони смяли корабль, а потом неумело пытались расставить отсеки по прежним местам. Носовая шлюпка — некогда стройная ракета — теперь согнулась пополам почти под прямым углом. Переходные коридоры представляли собой нагромождение изломанных линий. Некоторые отсеки, Икаров знал, внутри уже пусты. На месте астрообсерватории зияла непривычная для глаз пустота. Скоро придет черед и другим отсекам...

Больше всего сохранили прежнюю форму хвостовые дюзы да параболическая чаша-отражатель. Из чаши изливалась река ослепительного пламени. Пройдя по прямой короткий путь, река тут же загибалась в сторону. Казалось, будто в сторону Черной звезды дует ураган, пригибая огненный хвост. Но Икаров понимал, что ураганов в вакууме не бывает. Имя этому урагану — гравитация Тритона.

Долго смотрел капитан на пламя, ослабленное светофильтрами. Там, в море света, рождающегося при соединении вещества с антивеществом, каждый миг сгорает какая-то частица «Пиона». Огненный столб толкает корабль вперед, разгоняя его по спирали. Хватит ли вещества, составляющего «Пион»?.. Хорошо, если спиральная траектория корабля не сожмется, превратившись в круг. Пока что «Пион» не рыскает, но радоваться рано: впереди далекий путь. Продвигаясь вперед, «Пион» тает, подобно льдинке, попавшей в проточную воду...

Нет, блок с голосом Лин он включит попозже, когда станет невмоготу.

Закрыв глаза, Икаров попытался представить себе лицо Николая Лобачевского, каким он увидел его в Музее звездоплавания, в павильоне героев космоса. Сжатые губы, слегка впалые щеки и пронзительные, всепроникающие глаза. Современники отвергали идеи Лобачевского потому, что те казались им странными. «Странными»,— мысленно повторил Икаров и усмехнулся. Разве поначалу не кажется странным полотно, созданное гениальным художником? Отними у его картины странность — и она превратится в заурядную. Странность — это расширение пределов познания, будь то физика или живопись. Окружающий мир всегда будет странным. Когда он перестанет казаться человеку странным, наступит конец познанию.

Но такой час не пробьет.

Разве не странна идея Лобачевского? Разве не странна теория Эйнштейна? Разве не странно, что, когда ты быстро летишь, время с точки зрения земного наблюдателя замедляет свой бег, что вблизи крупной массы ход времени обязан измениться, а пространство искривляется? Разве не странно, наконец, что параллели могут пересечься?

Разве не странно то, что произошло на «Пионе», когда он погрузился в гравитационное поле Черной звезды? Геометрия Лобачевского в реальном воплощении!

Нужно думать, думать во что бы то ни стало, только напряженная работа мозга способна поддерживать сознание, спасти его от нарастающих перегрузок.

Усилием воли капитан снова вызвал перед собой лицо Лобачевского. Взгляд его смотрел сквозь века, сквозь толщу световых лет. Науке об измерении Земли он сумел придать космический размах. Лобачевский лучше, чем кто-либо из его современников, понимал, что известная ему наука об измерении пространства основывала свои выводы на опытах, которые ставились лишь в пределах Земли. А ведь наша планета, понимал он, только ничтожная песчинка во Вселенной. Кроме того, опыты проводились на малых отрезках времени: жизнь человека ограничена естественными пределами. Сохранятся ли законы геометрии для более крупных участков пространства, соизмеримых с межзвездными расстояниями? Именно таков был вопрос, который дерзнул поставить Лобачевский. Он посягнул на правильность геометрических теорем, которые всем казались незыблемыми. И сумел показать, что эти теоремы верны лишь приблизительно, для малых участков пространства. Для галактических же масштабов нужна новая геометрия.

От Лобачевского Икаров перешел в мыслях к Черной звезде.

Сознание Икарова временами мутилось, но он пришпоривал его, как всадник норовистого коня.

Кто впервые обнаружил «белого карлика»? Да, это был Бессель... Он изучал ярчайшую из звезд земного неба — Сириус. И был удивлен, обнаружив отклонение светлейшего Сириуса от расчетного пути. Оказалось, что возмущает движение гигантской звезды ее небольшой спутник. Обнаружить его в телескоп было непросто. Во-первых, тогда не было достаточно хороших телескопов... вроде того, из астрономического отсека, который, наверно, уже влился ручейком в реку огня, толкающего «Пион»... Во-вторых, спутник Сириуса светился очень

слабо — в несколько сотен раз слабее нашего Солнца... А вот Тритон совсем не светится... Правда, в отличие от Тритона спутник Сириуса позже все-таки разглядели. Но самое удивительное было впереди... По величине возмущений в движении Сириуса астрономы подсчитали, что масса маленького спутника... примерно такая же, как у Солнца.

Почему же спутник так слабо светился? Это и был главный вопрос, взволновавший Бесселя и его коллег. Было выдвинуто несколько гипотез — Икаров припомнил их в том порядке, в каком их излагали на лекциях по истории астрономии в Звездной академии.

Одни говорили: спутник слабо светится, потому что очень мал по размеру. Другие утверждали, что спутник просто холоден, поскольку представляет собой умершую звезду. Третьи говорили еще что-то...

Прошло немного времени, и астрономы научились определять температуру звезды — речь идет о ее поверхности — спектральным методом. Оказалось, что предположение о холодности спутника Сириуса было ошибочным: температура на его поверхности достигала восьми тысяч градусов, то есть была на две тысячи градусов выше температуры поверхности Солнца. Значит, правы оказались те, кто считал, что спутник Сириуса чрезвычайно мал по своим размерам. Но зато плотность у него была огромной, хотя и не такой, как у Черной звезды. Один кубический сантиметр вещества карлика весил... Икаров несколько секунд мучительно вспоминал. Да, кубический сантиметр карлика весил более шестидесяти килограммов. Такая звезда с большой силой стремится удержать все, что попадет в сферу ее тяготения — от корабля и до частицы света — фотона. Притяжение спутника Сириуса хотя и велико, но недостаточно, чтобы удержать световые кванты. Тем не менее фотоны, вырываясь из тисков «белого карлика», теряют часть своей энергии и выходят ослабленными в открытый космос.

Икаров подумал, что для получения Тритона нужно было бы сложить вместе миллионы таких «белых карликов». И тогда собственное тяготение погубит звезду... то самое тяготение, на которое замахнулся человек.

...Медленно выплыл из тумана головной отсек, полный фантастических контуров. На пульте мигал красный глазок вызова. С экрана смотрел Энквен. Он сообщил капитану, что астротсек сожжен полностью.

— Сжигайте лабораторию, — по биосвязи распорядился капитан. Это был отсек, аналогичный тому, который пришлось

отделить от корабля и бросить в космосе после нашествия «изумрудного вещества» — бактерий.

— Что сжигать потом, капитан? — спросил Энквен.

— Сжигайте шлюпку, — велел капитан.

Экран погас. Видимо, Энквен включал его, не сумев переговорить с капитаном по биосвязи.

Икаров с трудом переводил дыхание. Будто и впрямь на груди лежали плиты из давешнего кошмара. Унизительное чувство — ощущать собственное бессилие, лежать почти без движения в этом дурацком коконе, изнемогая под тяжестью собственного тела. Уже теперь любое пустяковое движение стоило капитану огромных усилий.

Короткая передышка кончилась. На командный пульт то и дело поступали сигналы белковых с разных участков корабля.

Один докладывал, что бомбардировка античастицами внешней обшивки приняла опасный характер, так как при движении «Пиона» быстрые частицы, описывая замысловатые траектории, минуют магнитные ловушки. Капитан сказал, как следует перестроить ловушки.

Другой — это был Кельзав — жаловался, что навигационные приборы при ускоренном движении по спирали снова стали давать неправильные сведения, и капитан подсказывал, какие поправки следует брать.

У третьего не ладилось с гироскопом, фиксирующим устойчивость корабля...

И каждому требовался немедленный совет капитана.

Икаров знал, что скоро руки откажутся ему повиноваться и он не сможет дотянуться до командного пульта. Что ж, тогда он воспользуется изобретением Вана Каро. Только бы сознание не покинуло.

Число в окошечке превратилось в трехзначное, затем в четырехзначное, но до спасения было еще далеко...

Временами капитану чудилось, что «Пион» дрожит. Но он понимал, что этого не может быть: при таком ускорении в случае вибрации корабль рассыпался бы на части за несколько секунд.

Иногда капитан переводил взгляд на экран внешнего обзора, но небо Тритона по-прежнему оставалось черным. Выпуклая поверхность казалась огромным незрячим глазом. Ни звездочки, ни искорки, ни проблеска. Это значило, что «Пион» все еще идет в мощных силовых полях, не выпускающих из своих объятий ни единого кванта.

Окно в открытое пространство было по-прежнему наглухо закрыто.

Икаров старался пореже смотреть на хронометр. Медлительная стрелка действовала на нервы, да и работы у капитана хватало.

Удаление корабля по радиусу от Черной звезды росло. Счет пошел на миллионы километров. В последний раз в заветном окошечке красовалась цифра «273». Капитан с нетерпением ждал, когда удаленность «Пиона» перевалит за триста миллионов. По предварительным расчетам, за этим барьером поле Тритона должно было существенно ослабнуть. Выждав, по его мнению, достаточное время, капитан глянул на пульт... В окошке светилось все то же число. Это означало, что «Пион» снова стал вращаться по замкнутой орбите, не удаляясь от Тритона ни на шаг. Под действием огромного притяжения витки спирали как бы слиплись.

«Пион» напоминал белку в колесе. Притяжение Тритона гасило все усилия фотонных дюз.

Стены отсека вдруг замигали с непостижимой быстротой, затем начали вращаться вокруг манипулятора, в котором лежал капитан.

— Энквен, ко мне,— последним усилием воли успел мысленно позвать капитан.

Когда он пришел в себя, в отсеке пахло только что промчавшейся грозой. Над ним склонилось лицо Энквена.

— Я пустил кислород,— сказал робот.

— Чувствую.

— Шлюпка сожжена, капитан.

— Сколько времени работают двигатели?

Энквен выпрямился.

— Тридцать шесть часов,— сказал он.

— «Пион» идет не по спирали, Энквен,— негромко произнес Икаров.

Робот подошел к пульту. На Энквене почти не сказывались перегрузки. Только при ходьбе он сильно подавался вперед, как человек, идущий против ветра.

Капитан шевельнулся. Незримые плиты давили так, что каждый вздох давался с огромным усилием.

Они думали теперь об одном и том же, и один понимал мысли другого.

— У нас есть еще одна возможность...— еле слышно прошептал капитан.

— Дюзы маневра?

— Да.

Энквен повернулся к капитану.

— Если мы сожжем их заряд, «Пион» не сможет маневрировать, — сказал робот.

— Об этом подумаем потом. Главное сейчас — разлепить витки спирали, оторваться от Тритона, — произнес Икаров.

Энквен покачал головой. Икаров отлично понимал, что его смущало.

— Двигатели маневра работают всего тридцать секунд, — сказал Икаров.

— Это много, капитан.

— Кратковременные перегрузки человек переносит легче.

— Ты можешь быть раздавлен, капитан.

— Я натренирован...

Энквен медлил.

— Это приказ, — хрипло прошептал капитан, решив идти на все.

Робот, бросив «Есть!», выскользнул в люк.

Икаров чувствовал корабль, как самого себя. И не глядя на экран внутреннего обзора, он видел, как Энквен выскочил в центральный ствол... стал на бегущую ленту эскалатора... На повороте покачнулся и схватился за поручень... Спускается в ствол шахты, ведущей к аннигиляционному отсеку... Ствол прямой, как стрела, но Энквену чудится, что он движется по дуге окружности. Вот уже Энквен, должно быть, вошел в отсек двигателей. Что же он медлит?

«Внимание! Включаю двигатели маневра», — прозвучало в мозгу капитана.

Еще одна плита навалилась на Икарова. Вздохнуть не было сил. И когда капитан почувствовал, что еще миг — и он задохнется, огненное ожерелье, окольцовывавшее на экране большой круг фотонного отражателя, погасло. Прошло полминуты — двигатели маневра выдохнули в пространство весь свой запас пламени, накопленный перед началом спирального пути корабля.

Голова раскалывалась. Когда туман в глазах немного рассеялся, Икаров посмотрел на пульт. В квадрате светилась цифра «312». Однако радоваться было рано: новая цифра не хотела меняться столь же упорно, как ее предшественница.

Корабль снова вращался по кругу, в центре которого дремала Черная звезда, терпеливо ожидая, когда обессиленная жертва упадет на ее поверхность.

...Как ни странно, он жив еще. Жив, хотя в любую минуту может погибнуть, раздавленный собственной тяжестью. Един-

ственной нитью, поддерживающей сознание Икарова, были думы о Земле. Какие годы, какие века проходят там, пока на «Пионе» тянутся медлительные часы? Или, быть может, «Пион» догнал во времени Землю?

Разобраться в клубке «время — пространство», в которое попал корабль, было непросто. Одни факторы, такие, как скорость «Пиона», замедляли ход времени, другие его ускоряли. Но что получилось в итоге? Ответить на этот вопрос можно будет только после того, как корабль вырвется в плоское пространство.

Какой год теперь на Земле?

Какой век?

Глава 5

ИДТИ В ЗЕНИТ, ПОКА ХВАТАЕТ СИЛЫ...

*Где берут космический разгон
И мезоны, и Медведиц туши,
Угадай незыблемый закон,
Улови планет живые души.*

— Рабочее вещество на исходе, капитан, — услышал Икаров по биосвязи голос Энквена.

Перед капитаном на экране светился «Пион», вернее то, что осталось от корабля. Почти все отсеки были сожжены. Дико и непривычно было видеть центральный ствол, который уже не окружали гроздья шаровидных отсеков. Река пламени, изливавшаяся из фотонного отражателя, стала заметно более прямой: притяжение Черной звезды постепенно падало. Взгляд капитана, скользнув по экрану вдоль центрального ствола, остановился на сиротливо поблескивающем шаре — оранже-рейном отсеке.

— Готовьте оранжерейный отсек, — распорядился по биосвязи капитан: разговаривать он уже не мог.

— Как быть с зеленью, капитан? — деловито спросил Энквен.

— Все, что можно, разместите в оставшейся части корабля, — сказал капитан.

— Осталась твоя рубка и фотонный отсек.

— Гидропонные и аэропонные установки переместите в центральный ствол... Блоки информации — в головную рубку, — мысленно распорядился капитан.

Вскоре, прогибаясь под действием огромных перегрузок, в отсек бесшумно вошла шагающая тележка-манипулятор. Не обращая внимания на капитана, она деловито приблизилась к стеллажу, минуя загромождения из приборов, сваленных сюда из всех сожженных отсеков, и принялась вставлять в свободные гнезда патроны информационных блоков, доставленных из обреченного отсека.

Скосив глаза на экран внутреннего обзора, капитан увидел, как другие манипуляторы, управляемые роботами, разрезают оранжевый отсек лазерным огнем.

Потом Икаров посмотрел, как старательно выполняет кибермеханизм задание, данное ему Энквеном. Ловкие щупальца, похожие на осьминожки, один за другим вставляли патроны. Разгрузившись, манипулятор удалился. Шагал он, раскачиваясь, неуверенно: фотоэлементы говорили, что путь впереди свободен, но манипулятор делал шаг — и наткнулся на препятствие.

Когда люк за манипулятором захлопнулся, Икаров, сосредоточившись, вызвал Энквена.

— Мы ни на шаг не удаляемся от Тритона, Энквен, — сказал Икаров.

— Не удаляемся, капитан, — подтвердил робот.

— Повысь мощность двигателей до предела, — велел капитан и с замиранием сердца стал ждать ответ.

Какую-то долю секунды Энквен размышлял над сказанным.

— Нет, — сказал он после паузы. — Возрастут перегрузки, и ты погибнешь, капитан.

— Но зато будет спасена информация, которую мы собрали... Спасется экипаж «Пиона», — сказал Икаров. Он старался воздействовать на Энквена логикой.

— Нет, — повторил Энквен.

— Это приказ.

— Приказ невыполним, капитан, — отрезал Энквен.

Этого еще не доставало — бунт на корабле!

Икаров попытался трезво оценить положение. О том, чтобы добраться самому до аннигиляционного отсека, не может быть и речи. В манипуляторе он сохраняет положение, строго перпендикулярное к движению «Пиона». Если немного изменить угол, лопнут кровеносные сосуды, он погибнет. Снова связываться с Энквеном бессмысленно. Он не станет производить действия, ставящие под удар жизнь Икарова, теперь это ясно.

Будь у Энквена ограничитель, дело было бы проще: можно было бы просто отдать команду...

Привлечь на помощь других белковых? Ничего не получится: они, наверно, солидарны с Энквеном.

По-своему Энквен, конечно, прав: его выжидательная тактика может на какое-то время продлить жизнь капитана.

Нужно действовать. Икаров сосредоточился на мысленном приказе: «Всем свободным манипуляторам собраться в головной рубке». Биотоки, многократно усиленные, оживили чуткую радиосхему, передатчик включился, и сигналы команды разнеслись по всем уцелевшим отсекам «Пиона» (их было совсем немного). У манипуляторов была своя частота приема сигналов, отличная от частоты, на которой могли переговариваться белковые роботы. В данном случае это способствовало замыслу Икарова.

Через несколько минут в головном отсеке, и без того заставленном приборами и инфорблоками, стало совсем тесно. Огромные, неуклюжие на вид шары с бесчисленными тонкими отростками, шагающие тележки с гибкими щупальцами, очень похожие на манипулятор башни безмолвия, летающие пирамиды, ведающие магнитными ловушками «Пиона»... Каждый манипулятор был предназначен для определенной работы. Не обладая универсальностью белковых роботов, манипуляторы зато обладали — каждый в своей области — высокой степенью совершенства.

Сгрудившись вокруг капитана, манипуляторы в молчании ожидали дальнейших команд.

— Капитан... — голос Энквена звучал встревоженно, и его волнение передалось капитану. — Манипуляторы исчезли из двигательного отсека.

— Я вызвал их, Энквен, — сказал капитан.

— Мне нужны манипуляторы, капитан...

— Сейчас они возвратятся к тебе, — торопливо сказал Икаров.

Отобрав четыре манипулятора, капитан велел остальным разойтись по местам. Вмиг рубка опустела. Исполнительны, ничего не скажешь! Но если бы Икарову пришлось выбирать между манипуляторами и белковыми роботами, он, не задумываясь, остановил бы выбор на последних.

В течение нескольких минут Икаров тщательно втолковывал манипуляторам необычное задание. Ничего подобного за все годы полета им делать не доводилось, и манипуляторы переспрашивали у капитана чуть не каждое слово, произносимое мысленно.

— Можно ли нам применить лазерный луч, капитан? — спросил один манипулятор.

— Нет, нельзя.

— А если нам будет грозить опасность уничтожения?

— Это не меняет дела, — сказал Икаров.

В конце концов Икаров добился того, что на вопрос, ясен ли приказ, каждый из манипуляторов ответил: «Ясен».

— Приступайте к выполнению, — велел капитан.

Оставшись один, он выждал немного, затем включил по внутреннему обзору аннигиляционный отсек. На экране хорошо было видно, как отворился люк и четыре манипулятора вошли в отсек к Энквену. Робот обернулся к ним, что-то сказал. Не отвечая, манипуляторы окружили его. Встревоженный Энквен сделал шаг назад, к регулятору ускорения, инстинктивно защищая жизненно важный узел корабля. В тот же момент одна из тележек подскочила и бросилась ему под ноги. Энквен подпрыгнул, и тележка, пролетев по дуге над полом, врезалась в угол отсека. Многотонный удар смял платформу. Навстречу Энквену протянулись щупальца, как бы моля о пощаде, но робот, видимо, боялся лазерной вспышки. Мгновенно подняв покореженную тележку, он грохнул ее о пол. Многократно усиленная тяжесть сделала свое дело. Щупальца дрогнули и опали. Механизм вышел из строя.

Остальные три манипулятора замерли от неожиданности, словно безмолвно совещаясь между собой. Конечно, каждый из них получил приказ капитана, но, с другой стороны, им был привит могучий инстинкт самосохранения. Без этого инстинкта, как известно, любой кибермеханизм слеп, и в космосе ему делать нечего. Он выполнит одно или два задания, а на третьем погибнет.

Энквен все еще не догадывался, в чем дело. Он решил, что от перегрузок у погибшего манипулятора разладилась регулировка. Но робот был настороже. Икаров видел, как Энквен снова стал спиной к пульту ускорения.

Энквен отдал манипуляторам какую-то команду, указывая рукой на выход. В тот же миг манипуляторы одновременно ринулись на него с трех сторон. Завязалась рукопашная. Энквен самоотверженно оборонялся. Манипулятор в форме высокого конуса вдруг резко перегнулся, почти сложившись вдвое, и, распрямившись, прыгнул на Энквена. Рассчитанным движением робот перехватил его и перебросил через себя. Упав на пол, конус каким-то чудом умудрился удержать равновесие, но от удара сдвинулся люк, который прикрывал воронку, ведущую к аннигилятору. И тут случилось ужасное: Энквен сильным и

ловким ударом столкнул манипулятор в воронку. Жалобный вскрик, испущенный в последний момент защитной системой охваченного пламенем манипулятора, резнул слух Икарова. Разумный механизм, созданный руками человека, встретился со струей, состоящей из частиц антивещества, и тотчас расплылся на мириады фотонов. «Лучшей смерти я бы не желал», — мелькнуло у Икарова.

Оставшиеся два манипулятора продолжали борьбу с Энквеном, на которую их толкнул капитан. Борьбу явно неравную: ведь они в целях самосохранения не могли применить главное свое оружие — лазерный луч, в то время как Энквен использовал во всем блеске полный арсенал приемов, разученных в Зеленом городке.

Предпоследний из манипуляторов погиб, перешибленный надвое страшным ударом Энквена. Но при этом Энквен немного замешкался, отрывая запутавшиеся щупальца врага. Промедление было мгновенно наказано. Последний оставшийся невредимым манипулятор — тележка с шестью щупальцами — встал на дыбы и плашмя опрокинулся на Энквена. Прежде чем Энквен, ослепший на миг от ярости, сумел сориентироваться, манипулятор обвил щупальцами его конечности. Энквен как подкошенный рухнул на металлический пол отсека. Манипулятор, не теряя времени, обвил вокруг робота еще несколько щупалец. Теперь Энквен был беспомощен, как младенец или как капитан.

— Капитан! — услышал Икаров его крик. — Берегись манипуляторов: они вышли из строя...

Между тем последний манипулятор продолжал действовать по программе, никак не отреагировав на гибель своих собратьев. Он бережно и ловко намотал на Энквена кислородный змеевик, лишив робота способности двигаться, взвалил огромный кокон на собственную платформу и поспешно направился к выходу, в то время как Энквен продолжал отчаянно сигнализировать, предупреждая капитана о новой опасности.

Икаров, не отрывавший глаз от экрана, содрогнулся, представив вес кокона с Энквеном.

Между тем, оставив свою барахтающуюся ношу в безопасном месте, манипулятор вернулся в аннигиляционную рубку. Одним гигантским прыжком покрыл он расстояние до пульта ускорений. В памяти манипулятора не хранилась система регулировки двигателей «Пиона» (это было ни к чему), но он получил от капитана подробные инструкции. «Не дай бог, что-нибудь перепутает», — подумал Икаров, следя, как победитель колдует у пульта.

Последнее, что успел заметить капитан,— это целый океан пламени, вдруг затопивший экран внешнего обзора.

«Пион» из последних сил продолжал борьбу, карабкаясь по крутой спирали.

Так же трудно выкарабкивался капитан из глубокого обморока. Он не может, не имеет права терять сознание. И капитан продолжал направлять действия белковых, в то время как автоматика корабля в условиях искривленного пространства оставалась мертвым грузом.

Это была пытка, длящаяся вечность. Тело онемело, капитан перестал его чувствовать. «Конец»,— мелькнула мысль. Жила только голова с сосредоточенной в ней болью, запекшейся сгустком. Отсек то набухал до невероятных размеров, словно астролaborатория с колонией бактерий, когда ее отторгли от «Пиона», то сжимался, железным обручем сдавливая голову. Каждый раз, когда капитану удавалось на миг приоткрыть глаза, он смотрел на цифру в окошке. И каждый раз она оказывалась больше предыдущей. Но поверхность экрана-иллюминатора по-прежнему оставалась черной...

Капитан очнулся. Огненные волны словно лизали обнаженный мозг. Головная рубка вращалась вокруг капитана. Экраны поблескивали, кроме одного, до краев налитого бездонной чернотой.

В ушах бился чей-то далекий голос. Это он вывел капитана из забытья. Икаров прислушался.

— Капитан, капитан! Откликнись,— без устали звал, повторяясь, голос.

— Кто это? — мысленно спросил капитан.

— Кельзав.

— Говори.

— Система жизнеобеспечения «Пиона» под угрозой,— быстро произнес Кельзав.

— Что случилось?

— По твоему приказу регенератор был помещен в центральном стволе корабля. Метеорит пробил обшивку и перекрытие.

— Пробоину заделали?

— Да.

— Что с регенератором?

— После удара о перегородку метеорит расплылся, в регенераторе несколько тысяч пробоин. Все их заделать невозможно. Уровень воды в коридорном отсеке повышается,— доложил обстановку Кельзав.

Капитан понимал, что, поскольку в корабле невесомости не было, вытекающая из регенератора вода скапливается слоем на полу. Обладая чудовищным весом в условиях перегрузок, она легко может просочиться вдоль центрального ствола...

— Каков уровень воды? — спросил капитан.

— Метр.

— Почему только сейчас обратился?

— Капитан, я обращался к тебе неоднократно по всем каналам связи, — сказал Кельзав. — Ты не отвечал. Не отвечает почему-то и Энквен. Покинуть свой участок я не могу.

— Какие принял меры?

— Обратился к электронному мозгу, — произнес Кельзав. — Он посоветовал мне...

— Ни в коем случае не следуй советам электронного мозга, — перебил капитан.

— Но электронный мозг корабля...

— В условиях искривленного пространства он может работать неправильно, особенно при таких перегрузках, — пояснил капитан.

— Но ты же работаешь, капитан.

— Как ты борешься с наводнением? — спросил Икаров, косясь на черный экран.

— Установил насос.

— Куда откачиваешь воду?

— В переходную камеру.

Перед мысленным взором Икарова мелькнула узкая переходная камера. Она наполняется водой, на волнах покачивается скафандр, в котором капитан выходил на поверхность корабля, в открытое пространство...

— Это совет электронного мозга? — спросил капитан.

— Да.

— Немедленно выключи насос. Мы удаляемся от Тритона, и кривизна пространства меняется. Если камера перехода будет полной, она может лопнуть, как мыльный пузырь, и «Пион» переломится надвое, — сказал капитан.

— Насос выключил, — доложил Кельзав после короткой паузы. — Вода прибывает.

— Там должны быть пустые контейнеры для взятия проб, — сказал капитан.

— Имеются. Их выгрузили из оранжерейного отсека, — откликнулся Кельзав.

— Собирай в них воду и отправляй по ленте в аннигиляционный отсек, — распорядился капитан. — Двигатели нуждаются в рабочем веществе.

— Капитан, я не могу этого сделать...
— Лента заклинилась?
— Лента в порядке, капитан. Энквен не отвечает. Капитан, разреши мне спуститься в двигательный отсек и выяснить, что с Энквеном, — попросил Кельзав.
— Оставайся на месте.
— Я быстро...
— Выполняй приказ, — отрезал Икаров.
— Один не справлюсь.
— Вызови свободные манипуляторы, — сказал капитан. Кельзав отключился.

Итак, разрушен регенератор. Починить его можно только в условиях плоского пространства. Но до него еще надо добратся... Ему уж, видно, не дожить до этого дня.

Последние минуты Федор хотел побыть рядом с Лин. Мысленным усилием он включил патрон с записью ее голоса. Он берег его, как последний глоток воды.

«На кремнистой тропе, на чужом перевале...» — зазвучал в капитанской рубке голос Лин. Строки о спиральном пути человечества Икаров знал наизусть — строки, которые подсказали ему, где искать выход из ловушки, в которой очутился «Пион». Капитан впитывал каждое слово Лин, каждую ее интонацию, и кажется, сама тяжесть начинала таять.

«Чтобы вынырнуть снова, прорезавши дали, на каком-то витке бесконечной спирали», — закончила Лин. Голос умолк, послышался легкий треск. «Неужели в блоке больше ничего не записано?» — испугался Икаров. Он вспомнил, как Лин спрятала этот блок в одном из отсеков строящегося «Пиона». Это было, когда он, вернувшись с Рутон, прилетел к Лин на Луну. Федор просил дать ему блок, Лин отказывалась. «Ты послушаешь его в полете, когда ты будешь одинок и тебе будет плохо», — сказала она. «Ты уверена, что именно я полечу на «Пионе»?» — спросил Федор. «Уверена», — ответила Лин.

Ну что ж, ее предсказание сбылось. К Черной звезде «Пион» повел капитан Икаров. И... что это? В рубке зазвучал голос Лин, будто она находилась рядом: Федор включил еще один блок.

— ...Человек покоряет пространство. Почему же он не может покорить время? — спросила Лин.

— Как ты это себе представляешь — докорить время? — поинтересовался Федор.

— Очень просто,— засмеялась Лин.— Захочу — и отправляюсь в завтрашний день. Или во вчерашний.

— В завтрашний день можно. Во вчерашний нельзя,— произнес Федор.

— Дверь в прошлое закрыта?

— Побывав у предков, ты бы спутала карты историкам,— сказал Федор.

— Разве все дело в историках?

— Причина и следствие не могут поменяться местами,— произнес Федор.— А именно так может случиться, если бы мы путешествовали в прошлое... Помнишь, мы читали в одной смешной книжке про человека, который отдавал долги раньше, чем делал их? Такая же бессмыслица может получиться, если человек отправится в прошлое.

— Да, я понимаю... Время течет только в одну сторону, как Обь,— сказала Лин.

...Обь! Мгновенно Икаров вспомнил все. Этот разговор происходил на Оби. Они шли по высокому берегу, время от времени Федор швырял в воду камешки. Они совсем недавно познакомились на озере Отдыха, и Федор робел немного, но виду не показывал. Значит, Лин тогда записала на патрон весь их разговор.

Стоило только закрыть глаза — и вот они снова идут по берегу, юные и счастливые.

— Бег времени непостижим,— сказала Лин.

— Время...— задумчиво произнес Федор.— Знаешь, нам сегодня на лекции рассказывали об одной смелой гипотезе. По этой гипотезе, время может сгорать, подобно углю, и вот такое пылающее время и дает звездам энергию.

— Какая красивая теория,— сказала Лин.— А кто ее автор?

— Козырев.

— Давно он жил?

— В XX веке.

— Смелая теория. Она не подтверждена? — спросила Лин.

— Но и не опровергнута до сих пор,— ответил Федор.

— Может быть, она подтвердится на Тритоне,— негромко сказала Лин.

— Мы о звездах знаем еще очень мало,— заметил Федор. Капитан готов поклясться, что именно в этом месте он взял Лин за руку.

— Я часто представляю, — сказала Лин после паузы, — что где-то в далеких мирах время течет иначе, чем на Земле. Как? Не знаю, но иначе. Время каждому живому существу, каждому предмету отмеряет срок. Раньше это тоже хорошо понимали. Вот послушай старинную балладу о вине.

...Капитан Икаров помнил балладу о вине. Лин читала ее Федору множество раз там, на Земле. Но сейчас, слушая чеканные слова здесь, в отсеке на три четверти сожженного корабля, тревожно несущегося в черной ночи, сдавленный неимоверными перегрузками, которые не дают даже пальцем пошевелиться, капитан в старых строчках открывал неожиданно для себя нечто новое, неведомое, скрывающее тайный смысл, гнездящийся то ли в неторопливом повествовании, то ли в самих интонациях родного голоса:

Вино, как человек, имеет сроки
Играть, бродить, янтарно созревать.
Год выдержки — и золотые токи
Веселый нрав начнут приобретать.
Пять лет... Они густеют и мужают,
Благоуханней солнечный букет.
А если век над ними пролетает?
А если два? А если тыща лет?
Каков, должно быть, аромат столетий,
Какая крепость и какая страсть!
Чего, наверно, не отдашь на свете,
Лишь только бы таким упиться власти!
Однако, друг, что можно знать заранее?
Проникнись этой истиной простой.
...Центурион провинции Кампанья
Водился с франком — Рыжей бородой.
И в память о походе самом ярком
Разбогатевший римлянин Турам
Трирему с запечатанным подарком
Послал к скалистым галльским берегам.
Мистраль на юте подывал угрюмо,
Гребцы качались в ритме заводном.
Покойно капитану было в трюме,
Где амфоры покоились с вином.
Тайком спустился он, чтобы немного
Отведать знаменитого вина.
За дерзость эту здесь же, у порога,
Богам бедняга заплатил сполна.
Подводный риф... И хохот пены дружен,—
Стихии все, как видно, заодно.
У рыб на этот раз был славный ужин.
А груз хмельной отправился на дно.
И шли века, и горбились устало,
Соль разъедала хитрый такелаж.
На глину амфор глина оседала,
И грезилось вино сквозь сон: когда ж?..

Недавно это было: водолазы
Нашли корабль у рифа на мели.
Никто такого не видал ни разу.
Ил на борту, как плавники, рули.
Стремительные линии, чернея,
Охватывали контур корабля.
До палубы гнилой провисли рей,
И в трюм набилась плотная земля.
В диковину здесь каждая вещьца,
Все древнего значения полно.
Волна морская весело искрится...
— Гляди, сосуды!
— Может быть, вино?
И круг замкнулся. Старое вернулось.
Не утаило море ничего:
Посылка с адресатом разминулась
На два тысячелетия всего!
Сардины и резина пахнут остро.
Скафандры — прочь, и шланги — на места!
На палубе, вблизи резного ростра,
Три амфоры — ровесницы Христа.
Сосуды целы, и печати целы,
Придется только слой веков отмыть.
Изделие древних, видно, не сумели
Косматые стихии повредить.
Но каково ж оно, вино столетий?
Нет, видно, в мире краше ничего.
Наверное, забудешь все на свете,
Коль в добрый час отведаешь его!
Но что это? Скривившиеся лица.
Прокисло? Не годится никуда?
Нет, хуже! В темных амфорах дымится
Не уксус и не брага, а вода!..
Над сизой зыбью день стоял высокий,
Под волнами просвечивало дно.
...Вино, как человек, имеет сроки:
Иссякла жизнь — и умерло вино.

Голос Лин умолк. Икаров открыл глаза. Ему показалось, что стены отсека начинают приобретать прежнюю, неискаженную форму. Линии выравнивались, плоскости утрачивали изгиб.

Капитану даже почудилось, что перегрузки немного уменьшились. Число в окошке медленно, но верно приближалось к третьей тысяче. Химеры, сотканые из бездонных теней и кольцевидных блистающих лучей, постепенно таяли. Так исчезает ночной кошмар, когда близится миг пробуждения. Лучи выпрямлялись, словно ветви дерева, отряхнувшего с кроны снежный груз.

По головному отсеку разлилось голубоватое сияние. В первую минуту Икаров не сообразил, откуда оно. Панели? Внутренняя обшивка? Не то.

Мертвенный свет разлился по всем уголкам. Икаров обвел взглядом рубку.

Экран-иллюминатор был по-прежнему черен, но на нем прорезалось несколько звезд. Это от них струился ровный спокойный свет.

Глава 6

В ПЛОСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

*Путь звезд покоен и размерен,
Точны всемирные часы,
И мир в самом себе уверен:
Не дрогнут чуткие Весы.*

Разворачиваясь по спирали, «Пион» сумел вырваться из замкнутого пространственного сгустка, окружающего Тритон. Но какой ценой! Фотонные дюзы поглотили значительную часть корабля. Вид у «Пиона» на экране внешнего обзора был ужасным. Зато огненная река, изливавшаяся из параболической чаши, шла ровно, не загибаясь в сторону. Это означало, что «Пион» летел теперь в обычном, плоском пространстве.

Непривычно было видеть «Пион», лишенный главного своего украшения — стройной ракеты-шлюпки, нацеленной вперед и как бы прокладывавшей путь кораблю. Без шлюпки, без многих отсеков «Пион» казался Икарову незнакомым, чужим кораблем.

Едва вырвавшись из тисков Тритона, капитан сбавил ускорение.

Далеко позади оставил «Пион» Черную звезду. После снижения ускорения исчезли чрезмерные перегрузки, и капитан получил возможность ходить. Первым делом он решил пойти и самолично освободить Энквена.

Ватное тело слушалось плохо, ноги подкашивались, но капитан двигался пешком, минуя бегущую ленту. Он долго шел коридорными отсеками, останавливался, проверял системы контроля корабля, сигнализацию. Ясно было, что все приборы после Черной звезды придется выверять и градуировать заново. Но все это потом.

Тревожило и то, что в условиях искривленного пространства вышел из строя электронный мозг — главный калькулятор корабля.

Многие люки были намертво приварены роботами. Раньше эти люки вели в отсеки, теперь за ними ничего не было:

металл и пластик отсеков растаяли в потоке фотонного пламени, который вырвал «Пион» из плена.

Теперь, вне зоны Черной звезды, в защитные ловушки «Пиона» попадались и обычные частицы, они встречались столь же часто, как и осколки антимиров. С помощью содержимого ловушек можно было пополнять запасы топлива, поэтому необходимость в самосожжении «Пиона» отпала. И вовремя: еще несколько часов — и от корабля мало что осталось бы.

Капитан с наслаждением посматривал на ровные плоскости коридорных отсеков. Он вновь обретал привычный мир, утерянный на долгие годы.

В одном из отсеков он натолкнулся на Кельзава — робот с помощью исполнительного манипулятора занимался починкой регенератора, поврежденного шальным метеоритом.

Икаров перекинулся с Кельзавом несколькими фразами. Робот проводил капитана долгим взглядом.

— Почему ты так смотришь на меня, Кельзав? — спросил капитан.

— Ты стал другим, капитан, — ответил робот.

Расспрашивать Кельзава Икаров не стал: нужно было побыстрее осмотреть главные узлы «Пиона», освободить Энквена и возвращаться в головную рубку, к командному пульту (изуродованный корабль требовал неусыпного капитанского глаза). Надолго отлучаться из рубки капитан не имел права.

«Конечно, такая переделка никого не красит. Но почему Кельзав так смотрел на меня?» — подумал капитан и машинально глянул в сверкающую металлическую плоскость коридора. Глянул и отшатнулся: из глубины плиты на него смотрел совершенно седой человек.

— Ну и дела, — пробормотал Икаров и встал на бегущую ленту, чтобы побыстрее добраться до Энквена.

Связанный по рукам и ногам, Энквен барахтался до тех пор, пока все его запасы энергии временно не оказались исчерпанными. Но ему удалось лишь едва ослабить мертвую хватку стальных тросов и кислородного змеевика, которыми хитроумно обмотал его манипулятор.

Обессиленный Энквен долго пребывал в неподвижности, ожидая, пока аккумуляторы вновь наполнят тело живительной энергией.

Больше всего Энквена беспокоила неизвестность. Что с кораблем? Что с капитаном? Правда, он успел предупредить его, но что может сделать человек, который из-за перегрузок

не в состоянии пошевелить рукой? Манипуляторы, вышедшие из повиновения, могли привести корабль к катастрофе.

Связывая Энквена, манипулятор повредил биопередатчик, и робот лишился возможности контактироваться с капитаном. С минуты на минуту он ждал беды, но мгновения текли, а «Пион», по-видимому, продолжал следовать своим путем. И когда Энквен начал уже приходить в норму, приписав то, что произошло с ним, досадной случайности, корабль вздрогнул всем существом, и ускорение его резко подскочило.

Человеческий организм не может перенести такие перегрузки, это Энквен твердо усвоил еще в Зеленем городке. Значит, капитан Икаров погиб.

Энквен попытался связаться с остальными белковыми, но не смог этого сделать: настолько неудачно скрутил его манипулятор.

Когда аккумуляторы вновь пополнились энергией от ядерного сердца, Энквен сделал еще одну попытку вырваться. Убедившись в безуспешности своих действий, он погрузился в состояние оцепенения.

В памяти Энквена медленно проплывали, сменяя друг друга, отрывочные картины прошлого (человек назвал бы их воспоминаниями). Ничего подобного раньше с Энквеном не было.

Зеленый городок.

...Неизменно ровный Ливен Брок — воспитатель, первый человек, с которым познакомился Энквен. Нет, «познакомился» — неточный термин, подумал Энквен, ворочаясь на стальном полу подсобного отсека. Кажется, он знал Ливена Брока давно, очень давно, с того самого момента, как появился на свет. Именно на свет! Очень точный термин. Потому что первое, еще неясное ощущение Энквена — это световое пятно на темном фоне.

— Запомни, это солнце. Солнце! — несколько раз повторил ровный голос.

И первая информация, еще не осмысленная, легла в бездонную память робота.

Каждый вечер воспитатель спрашивает, что усвоил Энквен. Энквен долго, путаясь в словах, которые еще нетвердо знает, отвечает на вопросы Ливена Брока. Выслушивая одни ответы, Ливен Брок одобрительно кивает, на другие — молча хмурится.

Навсегда запомнился Энквену и обычный вечер, когда он сказал воспитателю:

— Я уже несколько дней наблюдаю. И уловил одну зако-

но...— Энквен запнулся на малознакомом слове, которое выплыло откуда-то из глубин сознания,— одну закономерность.

— Какую?

— По утрам подвижные ленты Зеленого городка переполнены людьми, аллеи — пустынные. Вечером, наоборот, лентами мало кто пользуется, люди предпочитают перемещаться пешком,— сказал Энквен.

Слова его вызвали неожиданную реакцию. Ливен Брок хлопнул несколько раз в ладоши, заулыбался — именно так, узнал впоследствии Энквен, люди выражают свою радость.

Он вопросительно посмотрел на воспитателя.

— Ты сделал обобщение, Энквен, понимаешь, обобщение! — воскликнул радостно Ливен Брок. — Запомни: это первое в твоей жизни осмысленное наблюдение.

...Ливен Брок привел Энквена в свой дом. Библиотека поразила воображение Энквена. Особое внимание Энквена привлекла старинная книга Циолковского, где говорится и о биологической радиосвязи. Энквен делится своими мыслями с воспитателем (он это делает всегда). Воспитатель, как обычно, добавляет к прочитанному много своего, интересного.

Именно тогда он впервые услышал это слово — «гравитация». Конечно, оно хранилось вместе с сотнями тысяч других слов в его дремлющей памяти, в его мозгу, выращенном в башне безмолвия. Но только теперь, произнеся это слово, воспитатель вызвал его к жизни. Он долго говорил Энквену об этой грозной силе, которая движет мирами,— силе, которая до сих пор не разгадана до конца человеком.

— У людей и роботов небольшой мозг,— сказал Энквен воспитателю. — Потому они и не могут многое разгадать.

Воспитатель улыбнулся.

— Какой же мозг нужен? — спросил он.

— Огромный! Величиной с башню безмолвия,— ответил Энквен.

— Природа об этом задумывалась раньше тебя,— покачал головой Ливен Брок. — Эволюция испытывала все возможности. И отвергла эту идею.

Но Энквен упрям. Убедить его не так просто.

Уже прощаясь с воспитателем, перед тем как возвращаться в биологическую лабораторию института, Энквен спросил:

— Скажи, воспитатель, гипнотическое воздействие тоже может передаваться по биосвязи?

— Возможно...— рассеянно ответил Ливен Брок и снова склонился над письменным столом. Голова его явно была занята другим.

...Из состояния неподвижности Энквена вывели звуки, похожие на шаги. Он весь напрягся в ожидании. Человеческие шаги? Едва ли. Вероятнее всего, это идет манипулятор, чтобы расправиться с ним. Этого момента Энквен ждал каждую минуту после пленения. Углубившись в далекие воспоминания, связанные с Зеленым городком, Землей, Рутоном, Энквен одновременно перебирал в уме десятки вариантов, которые могли бы разумно объяснить то, что произошло в двигательном отсеке. Но логика Энквена отвергала один вариант за другим, пока он не вернулся к первоначальному умозаключению: манипуляторы взбунтовались под влиянием огромных перегрузок. Разве не объяснял ему Ливен Брок, что сложная механическая система может быть неустойчивой? Одна поврежденная деталь может вывести из строя целый блок, один блок — весь электронный мозг аппарата. Не случилось ли нечто подобное с электронным мозгом «Пиона»? Он не успел сообщить об этом капитану. Впрочем, какое это теперь имеет значение?

Дверь подсобного отсека отворилась, и в рубку вошел капитан. Да, это, несомненно, капитан, хотя он очень изменился: лицо постарело, еле держится на ногах. Голова вымазана чем-то белым.

Но главное — капитан жив!

Икаров подошел к Энквену и лазерным лучом разрезал путы. Остальное было несложно. Энквен мигом освободился от пут.

— Что с «Пионом», капитан? — спросил Энквен, вскакивая на ноги.

— Корабль идет прямым курсом.

— А спираль?

— Спираль размотана до конца, Энквен, — сказал капитан и покачнулся. Энквен поддержал его.

— Капитан, когда я находился в аннигиляционном отсеке, четыре манипулятора...

— Я все знаю, Энквен, — перебил его капитан.

— Манипуляторы вышли из повиновения...

— Они, как видишь, спасли «Пион» и нас с тобой, — сказал капитан.

— Перегрузки должны были убить тебя, капитан! — заявил Энквен.

Капитан улыбнулся.

— Однако я жив! — сказал он.

Озадаченный Энквен задумался. Его логика никак не могла примириться с тем, что произошло.

— Ты не такой, как все люди, капитан, — произнес нако-

нец Энквен.— Недаром Ван Каро назвал тебя однажды Железным капитаном.

— Вот что, Энквен,— сказал Икаров.— Свяжись с остальной командой. Выясните состояние корабля. Потом займетесь градуировкой приборов. Я буду у себя в рубке. Кстати, почини свой передатчик.

Шли дни. «Пион» продолжал удаляться от Черной звезды. Капитан и экипаж наново привыкали к плоскому пространству, от которого за время плена успели отвыкнуть.

— Я уточнил координаты Солнца,— доложил однажды Энквен, войдя в головную рубку.

Икаров долго вглядывался в вязь цифр на узком листке пластика.

— Совпадает с моими подсчетами,— сказал он наконец.— Ты воспользовался только электронным мозгом?

— Как ты велел, капитан.

— Значит, он вошел в норму. Теперь можно полагаться на его услуги, нам легче будет прокладывать курс,— сказал капитан.

Робот подошел к экрану и долго смотрел на неподвижные созвездия.

— Кто встретит нас на Земле? — вздохнул капитан.

Энквен положил тяжелую руку на плечо Икарова.

— Гадать бессмысленно,— произнес робот.— Ведь до сих пор мы не смогли подсчитать суммарный эффект времени. Может быть, теперь, с помощью электронного мозга, который вступил в строй, мы сможем выяснить, сколько лет мы находились в плену и сколько лет прошло на Земле...

— Подсчитаем, Энквен,— сказал капитан.— Путь «Пиона» долог. Боюсь только, что решение будет печальным... для нас,— добавил он.

Может случиться и так, что ускорение и замедление времени взаимно уничтожатся; тогда «Пион» вернется в ту же эпоху, из которой стартовал. Но может быть, за время пленения «Пиона» на Земле протекли миллионы лет. За это время многое могло измениться. Человечество могло переселиться на другие планеты, покинув материнскую Землю.

Летя домой, Икаров все свободное время посвящал разгадке гравитации. Прибора для измерения гравитации у них не было: он был сожжен, как и многие отсеки корабля, исчез в пламени фотонного отражателя. Но остались цифры, остались результаты измерений. Помогал капитану Энквен. Иногда они прибегали к услугам электронного мозга.

Икаров часто думал над общей картиной тяготения, и она постепенно все яснее вырисовывалась перед ним. Так рождается картина на полотне, на которое художник (казалось бы, беспорядочно) кладет мазок за мазком...

Однажды Икарову пришла мысль, что сгусток Черной звезды можно уподобить туго свернутому кокону. Если так, то почему человек не сможет в будущем научиться каким-то образом «протыкать» этот рулон? Это будет великий шаг по пути покорения пространства и времени.

На экране внешнего обзора уже прорезалась Проксима Центавра. От нее до Солнечной системы для «Пиона», можно сказать, рукой подать. Отдавая команды белковым, сидя за командным пультом, Икаров то и дело бросал взгляд на экран. Но не Проксима интересовала его.

Капитан смотрел на маленькую невзрачную звездочку, блестящую в самом углу экрана.

Это было Солнце, далекое, родное, земное Солнце.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Пролог.</i> МИР, ЗАМКНУТЫЙ В СЕБЕ	3
--	---

Часть первая

НАКАНУНЕ СТАРТА

<i>Глава 1.</i> ЭНКВЕН	11
<i>Глава 2.</i> ЗЕЛЕНЫЙ ГОРОДОК	27
<i>Глава 3.</i> ПОИСК	45
<i>Глава 4.</i> БАШНЯ БЕЗМОЛВИЯ	62
<i>Глава 5.</i> ОЗЕРО СРЕДИ ГОР	80
<i>Глава 6.</i> МОЙ ВЗОР ОНА МАНИТ ВСЕГДА	91
<i>Глава 7.</i> ДВА КАПИТАНА	107
<i>Глава 8.</i> РУТОН	129
<i>Глава 9.</i> РУТОН (продолжение)	157
<i>Глава 10.</i> МАРС	174

Часть вторая

ЗВЕЗДНЫЙ ЗОВ

<i>Глава 1.</i> ПУТЬ	187
<i>Глава 2.</i> ПЛЕН	202
<i>Глава 3.</i> НА КАКОМ-ТО ВИТКЕ БЕСКОНЕЧНОЙ СПИРАЛИ	223
<i>Глава 4.</i> РАЗРЫВАЯ ОКОВЫ	241
<i>Глава 5.</i> ИДТИ В ЗЕНИТ, ПОКА ХВАТАЕТ СИЛЫ	253
<i>Глава 6.</i> В ПЛОСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ	264

Михановский В.

М 69 Шаги в бесконечности. М., «Мысль», 1973.

271 с. с илл. (Путешествия. Приключения. Поиск).

Гравитация, или всемирное тяготение,—могущественное свойство природы, оказывающее огромное влияние на все природные закономерности Земли. Но гравитация до сих пор не подвластна людям. Действие научно-фантастического романа В. Михановского происходит в далеком будущем, когда наука достигнет таких высот, которые позволят ей овладеть гравитацией. Подготовка к этой цели и сверхдальняя экспедиция для ее достижения — вот тема романа.

Р 2

М 0281-120
004(01)-73 б/о

Михановский, Владимир Наумович

ШАГИ В БЕСКОНЕЧНОСТИ

Редактор *С. Н. Кумкес*

Младший редактор *Т. И. Кондрашова*

Художественный редактор *В. А. Масленников*

Технический редактор *О. А. Барабанова*

Корректор *Т. С. Пастухова*

Сдано в набор 3 января 1973 г. Подписано в печать 23 апреля 1973 г. Формат бумаги 60×84¹/₁₆, № 2. Усл. печатных листов 15,81. Учетно-издательских листов 16,43. Тираж 65 000 экз.

А 03764. Цена 51 коп. Заказ № 10.

Издательство «Мысль».

117071. Москва, В-71, Ленинский проспект, 15.

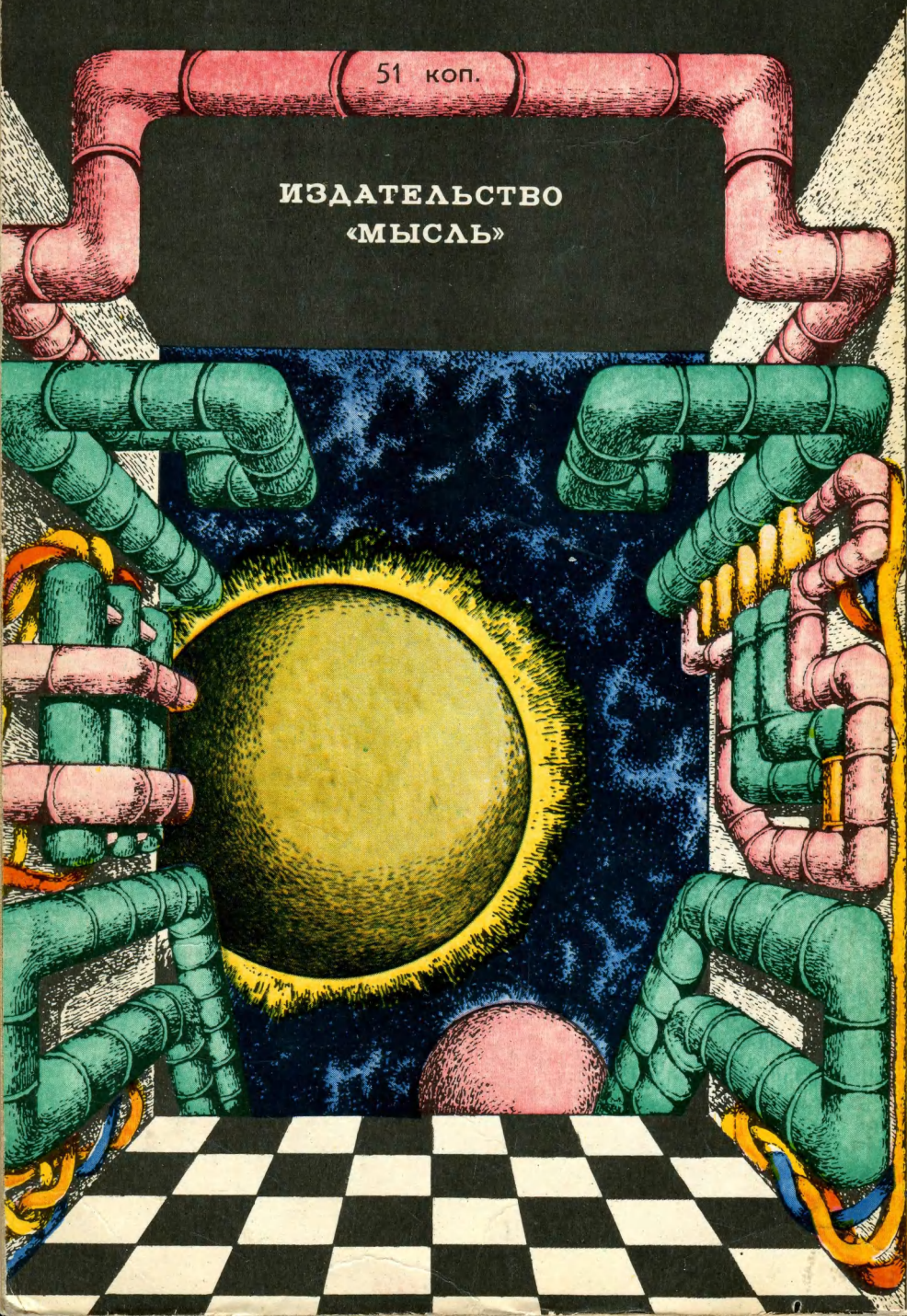
Ордена Трудового Красного Знамени
Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова
Союзполиграфпрома при Государственном комитете
Совета Министров СССР по делам издательств,
полиграфии и книжной торговли
Москва, М-54, Валовая, 28.

Сканирование - Беспалов
DjVu-кодирование - Беспалов

51 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«МЫСЛЬ»

ШАГИ В БЕСКОНЕЧНОСТИ

ВЛАДИМИР
МИХАНОВСКИЙ

ВЛАДИМИР МИХАНОВСКИЙ
ШАГИ
В БЕСКОНЕЧНОСТИ

